Н.М. Соротокина

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА I

Тайны Российской Империи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История жизни наших самодержцев состоит из мифов и легенд. А больше всего мифов сочинено про императора Александра I. Документы, мемуары, воспоминания современников, легенды, анекдоты — и все про Александра Павловича. Его, вершителя судеб Европы, называли слабым и недальновидным правителем, и при этом — чрезвычайно честолюбивым, хотя трон для него был тяжелейшей обязанностью. Внезапная кончина императора привела к трагическим событиям и породила множество сплетен и легенд, о реальности которых спорят до сих пор — и дальше будут спорить, потому что счет спорщиков 1:1. А где истина? Где «как там оно было на самом деле»? Эта книга — попытка соединить воедино прямо противоположные точки зрения серьезных исследователей, историков, а также личного окружения о судьбе и царствовании императора-мистика Александра I.

- Нина Соротокина
  - Вместо предисловия
    -
    - Родители
    - Детство и отрочество
    - Женитьба
    - Отец и сын (Павел на троне)
    - Скажи мне, кто твой друг
    - Кочубей Виктор Павлович
    - Новосильцев Николай Николаевич
    - Адам Юрий Чарторыйский
    - Внешняя политика Павла
    - Заговор
    - Семья
    - Убийство
  - Первые указы
    -
    - «Комитет общественного спасения»
    - Семья
    - Александр — Наполеон, начало отношений
    - Тильзитский мир
    - Между Тильзитом и Эрфуртом
    - Сперанский
  - Перед войной (Наполеон)
    -

- Перед войной (Александр)
- Отечественная
- В салонах и в штабах
- Бородино
- А что в Петербурге?
- Отступление Великой армии
- Европейская кампания
- Русские в Париже
- Венский конгресс

○ Священный союз
-
- Попытка преобразований
- Генерал Серван, граф Аракчеев и военные поселения
- Дорога в ад вымощена добрыми намерениями
- Мистицизм Александра I
- Реакция
- Декабристы
- Тайные общества
- Дела государственные и церковные
- Дела семейные и личные

○ Забота о наследнике
-
- Отъезд
- Взгляд назад
- Таганрог и его окрестности
- Болезнь
- Императрица Елизавета Алексеевна
- Последнее путешествие по России
- Федор Кузьмич

○ Послесловие

Нина Соротокина
Личная жизнь Александра I

Вместо предисловия

Взяться описывать характер и нрав одного из самых загадочных русских государей — задача мало того что трудная, она еще граничит с дерзостью, а попросту говоря, с наглостью. И вообще, что мы о них знаем? Моим родителям рекомендовали изучать русскую историю по учебнику Покровского. Тоненькая книженция на плохой бумаге. В ней все наши правители представлены палачами, садистами, развратниками, сифилитиками (кроме, разумеется, советских) и прочая, прочая… Моему поколению надо было открывать для себя наших государей, из монстров они постепенно превращались в людей.

Пушкин, который «наше все», написал про Александра I: «Правитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда…» Фраза эта приклеилась к Александру I намертво. А почему, собственно, «враг труда»? И почему слава пригрела его «случайно»? Вот уж воистину ради красного словца… Будем считать, что в данном случае Пушкин был необъективен ровно настолько, насколько он был необъективен по отношению к Сальери.

Куда более скромный автор — швейцарский писатель и дипломат Анри Валлотон — в своей книге удивляется: про Наполеона написаны тысячи книг, все они полны восхищения великим полководцем и правителем, и забывают восхититься человеком, который его переиграл и разгромил, — Александром I.

В традиции русской интеллигенции не любить правящую верхушку: это было раньше, это есть и сейчас. Справедливая и принципиальная русская интеллигенция не может простить Александру I, во-первых, что он был царь, во-вторых, Аустерлиц, в-третьих, военные поселения, в-четвертых, Рунича и Магницкого… список можно длить долго. Хрущев дал возможность нам проговорить, прокричать несколько свободных слов, и ему с легкостью простили расстрельные списки тысяч людей, а Александру I не могут простить Аракчеева, и баста!

История жизни наших самодержцев состоит из мифов, ведь сколько людей, столько мнений. Появился новый миф, понравился, все его стали пересказывать как истину. Так, известно, что матушку Александра I Марию Федоровну Екатерина II называла «воском», стало быть, умная была невестка, а сын Николай, будущий император, говорил про мать — «чугун». Видно, и то и другое — правда. Павла многие хотели видеть «сумасшедшим». Другие авторы с яростью это отвергают и пишут

— «романтик, рыцарь». Александра I называли сфинксом. Кстати сказать, именно об Александре больше всего сочинено «таинственных» мифов.

Документы, мемуары, обмолвки современников, легенды, анекдоты и множество книг самых уважаемых авторов — и все про Александра I. Читай, думай, особое внимание обрати на взаимоисключающие суждения. Работа с документами — это тоже выбор. Надо помнить, что отношение к тому или иному политическому деятелю очень зависит от того, какое время на дворе. Даже Дон Кихот, о котором мы «все знаем», в одну эпоху считался сумасшедшим, и общество с этим согласно, а в другую — он святой, который, несмотря ни на что, борется за справедливость. А где истина? Где «как там было на самом деле»? Поэтому неправомочно говорить, что эта книга — об императоре Александре I. Это только то, что я знаю и думаю об Александре I. Читатель может со мной не соглашаться. Имеет право…

* * *

В 20-х годах, а если точнее — в 1819 году, государь Александр Павлович решил посетить Валаам. Игумена Иннокентия предупредили загодя — встретить государя «с подобающей честью», всей братией, облаченной празднично, с крестами и иконами.

Сортавала, а оттуда предстояло плыть на остров двадцать миль с гаком, встретил высоких путешественников непогодой. Ладожское озеро в бурю страшнее моря-океана. Весь день ждали погоды, к вечеру решили отложить плавание, но государь заупрямился — вперед, Господь поможет! И поплыли — малой свитой в одной лодке.

В монастыре тоже весь день были неспокойны. Празднично облаченные монахи выходили под дождь, смотрели вдаль — не плывет ли царская флотилия, а под вечер и успокоились — кто же в такую непогодь решится сунуться в озеро — и легли спать.

В три часа ночи промокший до нитки и до дрожи замерзший государь высадился на валаамский берег. Никого, темень и дождь. Свитские побежали искать настоятеля. Бедный игумен Иннокентий! Он тут же распорядился поднимать монахов, сам бросился в ризницу, дабы облачать всех празднично, разбудили звонаря — беги на колокольню! А император стоял на пристани и ждал.

Наконец торжественная встреча состоялась. Куда изволите, государь? А государь изволил единственно — согреться. У него от

холода буквально зуб на зуб не попадал. Александра Павловича отвели в Преображенскую церковь и начали службу. Преображенская церковь всегда топилась. Там за печкой был теплый закуток — любимое место больных и хворых монахов. На этот раз в теплом кармане отогревался слепой монах Симон. Государь сел рядом. Симон ощупал его мокрую одежду и спросил шепотом:

— Кто здесь со мной?

И Александр тоже шепотом ответил:

— Путник.

(Местное Валаамское предание).

Родители

Отец — Павел Петрович Романов, наследник русского трона, с ноября 1796 года император Всероссийский. Родился 20 сентября 1754 года в Санкт-Петербурге.

Мать — Софья Доротея Августа Луиза принцесса Вюртембергская. Родилась 15 октября 1759 года в Штутгарте. Сразу сообщим, что у этой пары было десятеро детей:

Александр I (1777–1825), российский император.

Константин Павлович (1779–1831).

Александра Павловна (1783–1801).

Елена Павловна (1784–1803).

Мария Павловна (1786–1859).

Екатерина Павловна (1788–1819).

Ольга Павловна (1792–1795).

Анна Павловна (1795–1865).

Николай I (1796–1855), российский император.

Михаил Павлович (1798–1849).

Это был второй брак Павла Петровича. Первой его женой была принцесса Гессенская Вильгельмина, получившая при крещении имя Наталья Федоровна. Она умерла родами. Двадцать два года — и уже вдовец. Павел очень тяжело переживал смерть жены, и мать постаралась как можно быстрее найти покойной замену. О новой невесте наследника похлопотал сам Фридрих Великий. Софья Доротея была его племянницей, и он надеялся, что этот брак упрочит связи России с Пруссией. Королю было шестьдесят четыре года — по меркам того времени уже старик, но политические интересы по-прежнему стояли на первом месте. Сама Екатерина II считала главной своей союзницей никак не Пруссию, а Австрию, но родство с Фридрихом Великим ее не смутило, главное, надо было действовать быстро.

В Петербург был прислан миниатюрный портрет Софьи Доротеи, Павел пришел от него в восторг и пожелал сам поехать в Берлин на встречу с суженой. Встреча состоялась. «Я нашел невесту такой, какой только желать мысленно себе мог, — пишет Павел матери, — не дурна собой, велика, стройна, не застенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если ли сделала действо в сердце моем, то не без чувства и она со своей стороны осталась. Столь счастлив я, всемилостивейшая государыня, если, Вами будучи руководим, заслужу выбором своим еще более милость Вашу».

Юная Софья действительно была умницей. Деликатно и ненавязчиво она просила советов Павла — как себя вести в

Петербурге, интересовалась, что такое русский двор, каковы особенности его этикета, как понравиться императрице и заслужить ее любовь и т. д. Кроме того, она начала изучать русский язык и уже освоила алфавит. Павел уехал на родину, оставив невесте письменное руководство — наставление из четырнадцати пунктов. Другая бы обиделась, но Софья Доротея — нет, она была благодарна.

31 августа 1776 года принцесса со свитой прибыла в Царское Село. Далее все сладили очень быстро. 14 сентября принцесса Вюртембергская приняла православие, получив имя Мария Федоровна. На следующий день молодые были обручены, а 26-го состоялось венчание. «Наставления» Павла дали свои плоды. Новая супруга наследника понравилась при дворе, императрица тоже отзывалась о ней в самых лестных выражениях. В письме Гримму в Париж Екатерина пишет: «Она стройна, как нимфа, цвет лица — смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете; высокий рост с соразмерной полнотой и легкая поступь. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нее на лице. Все от нее в восторге, и тот, кто не полюбит ее, будет не прав, так она создана для этого и делает все, чтобы быть любимой». Очень романтический образ!

Брак их был счастливым. Во всяком случае, первое десятилетие. Все, писавшие про эту чету, единодушно утверждают, что Мария Федоровна любила мужа. Павла не назовешь красавцем, он был ниже ее ростом, мнителен, подвержен ипохондрии, но был рыцарем в душе, то есть предан, галантен, правдив, доверчив. Жена стала для него не только любимой, но и другом. По сохранившейся переписке мы можем судить, что Павел доверил Марии Федоровне свою главную тайну. Оказывается, покойная жена была ему неверна. И кто стал ее избранником? Самый близкий и верный его друг — Андрей Разумовский. Это двойное предательство разрывало сердце великого князя. Второй брак спас его от этой беды. Можно было жить дальше.

Но жизнь штука сложная. Со временем отношения царственных супругов претерпели серьезные изменения. Н. Я. Эйдельман очень подробно работал с документами. В книге «Герцен против самодержавия» он приводит письмо Павла I графу Ростопчину от 15 апреля 1800 года: «Дражайший Федор Васильевич. Граф Алексей Андреевич передал мне составленный Вами прожект изменения 6 пункта Мальтийского регламента: вторая часть изложенного Вами, мне кажется, — удачное разрешение вопроса. Сегодня для меня священный день памяти в Бозе почившей цесаревны Натальи Алексеевны (первой

супруги. — *Авт.*), чей светлый образ никогда не изгладится из памяти моей до моего смертного часа. Вам, как одному из немногих, которым я абсолютно доверяю, с горечью признаюсь, что холодное официальное отношение ко мне цесаревича Александра меня угнетает. Не внушили ли ему пошлую басню о происхождении его отца мои многочисленные враги?

Тем более это грустно, что Александр, Константин и Александра мои кровные дети. Прочие же? Бог весть!

Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь еще от нее детей. В горячности моей я начертал манифест «О признании сына моего Николая незаконным», но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг «к дядям», с глаз моих долой: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли российского великого князя — завидная судьба! Но Безбородко и Обольянинов правы: ничто нельзя изменять в тайной жизни царей, раз так предопределил Всевышний.

Дражайший граф, письмо это должно остаться между нами. Натура требует исповеди, а от этого становится легче жить и царствовать.

Пребываю к Вам благосклонный *Павел».*

Письмо это — копия с копии (сам подлинник сгорел в числе прочих документов в ризнице Кувинской церкви) — якобы было найдено сыном графа Ростопчина (губернатор Москвы в 1812 году). Данные из письма подтверждает декабрист Бригген, материал по делу собирал также граф Строганов, потом все это было опубликовано в журнале «Былое». Весь этот гарнир к письму я перечисляю из чувства долга, пусть читатель не заостряет на этом внимания, тем более что сам Эйдельман предполагает, что упомянутое письмо — более поздняя подделка. Но и подделки для историков представляют ценность, по ним видно, о чем сплетничали, как хотели досадить или, наоборот, сообщить миру скрытую тайну. Самиздат, копии, подметные письма — все это Интернет XVIII века.

Но это все потом, а пока молодые счастливы. 12 декабря 1777 года у высокой четы родился первенец. Его нарекли Александром в честь святого покровителя Петербурга благоверного князя Александра Невского. В честь рождения внука императрица подарила Марии Федоровне земли вблизи Царского Села. Там построили дворец, возвели великолепный парк с красивыми пейзажами, беседками и павильонами. Место назвали Павловск.

Детство и отрочество

По праву в списке родителей Александра надо было первой поставить не маму с папой, а бабушку, императрицу Екатерину II Великую. Она была в восторге от рождения внука, права династии в империи закреплены, и в ту же ночь, как он только появился на свет, забрала младенца в свои покои.

Это было в обычае русского двора. Жизнь царственного отпрыска не принадлежит родителям, она принадлежит государству. Точно так же поступила в свое время императрица Елизавета. В своих «Записках» Екатерина подробно, с глубокой обидой описывает, как отобрали у нее только что рожденного Павла и тут же забыли о ней, как говорится, воды было некому подать. Но она не смела роптать. Слишком долго русский двор ждал рождение наследника — целых двенадцать лет. Да и заступиться за нее было некому, муж, будущий государь Петр III, был не в счет. И скажем прямо, тогда Екатерина не долго горевала. Она не успела полюбить своего сына, жизнь при дворе была сложной, здесь бы саму себя сохранить, а еще молодость, еще любовь…

На этот раз дело обстояло иначе. И Павел и Мария Федоровна горячо переживали разлуку с сыном. Через полтора года у них точно так же заберут второго сына — Константина. Он родился 27 апреля 1779 года. Родителям разрешали свидание с детьми, но не больше. Воспитанием мальчиков, помимо гувернантки и нянек, занималась сама императрица. С обывательской, то есть моей точки, зрения, это ужасно. Суррогатные родители — это обидно, унизительно, больно, в конце концов. Но они подчинились, а вся боль от разлуки с детьми ушла в глубь души, осела там вечной обидой, с которой нет сладу.

О каком бы русском государе ни писали, каждый, кто мимоходом, кто основательно, сообщит читателю, что у него (или у нее) было «трудное детство». «Трудное детство» было у Василия Темного, у Ивана Великого, у Ивана Грозного и Петра Великого, у Елизаветы I и Екатерины II. Как ни странно и ни наивно это звучит, детство было трудным и у Александра I. Бабка души в нем не чаяла, все блага мира были в распоряжении ребенка, однако именно в детстве Александра надо искать истоки его натуры, его скрытности и душевных мук. Положение в семье Романовых было чрезвычайно трудным и сложным.

Об этом столько уже сказано и написано, что буквально заставляешь себя повторяться. Корень зла таился в Екатерине Великой, как это ни прискорбно. Она получила власть в

результате переворота, осуществленного гвардейцами. Павлу, законному наследнику, было в то время восемь лет. Общественность считала, что Екатерина станет регентшей при сыне, а при совершеннолетии Павла передаст ему власть. Этого не случилось.

Екатерина была умной, талантливой и сильной правительницей, при этом она помнила, что формально не имеет прав на власть. Вначале надо было саму себя уговорить, что все делаешь правильно. Это она попыталась сделать в своих «Записках». Откровенные мемуары-дневники Екатерина шесть раз начинала, подробно писала про свою жизнь при Елизавете, но так и не перешагнула в то время, когда сама стала императрицей. В «Записках» она раз за разом доказывает, что муж был недоумок, дурак, бездарь, что с точки зрения государственной его надо было убрать. И его убрали — убили. Рассказывают, что после смерти Екатерины Павел с помощью Безбородко нашел в архиве писульку Алексея Орлова, в которой тот сообщает императрице о смерти Петра III и просит прощения и милости за содеянное убийство. Павел прочитал эту записку и вздохнул с облегчением — значит, отца убили не по приказу матери. А ведь какая мука жить с этой мыслью! Вот уж воистину «русский Гамлет».

«Записки» Екатерины прочитают в России много позднее, а пока по столице ползут сплетни и слухи. Одни говорят: Петр III был слабый государь, а Павел весь в отца; яблоко от яблони недалеко падает, и правильно, что государыня устранила его от дел. Другие высказывают иную достоверную версию — цесаревич не сын Петра III, его отец — любовник императрицы Сергей Салтыков, а потому Павел не законный наследник. Третьи согласны — незаконный, потому что Екатерина ему не мать. Рожденный от Салтыкова ребенок-де умер при родах, но от народа это скрыли и привезли во дворец чухонского младенца, жителей деревни в одну ночь переселили на Камчатку, а дома их сровняли с землей.

Знал Павел или не знал об этих слухах, нам неизвестно, но об отношениях сына и матери мы можем судить. Павел жаждал деятельности. Еще в 1774 году он подал императрице докладную записку — «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». Главная мысль записки — России нужна война не наступательная, а оборонительная. Вот те на! Вся политика России на многие столетия строилась на том, что она расширялась «до своих естественных пределов», то есть либо до непреодолимых гор, либо до необъятных морей, а тут мальчишка, сопляк говорит — перестань расширяться и защищай то, что есть.

Екатерина дала прочитать записку герою всех войн Потемкину, тот жестоко осмеял ее автора.

Да добро бы один Потемкин! Вся рать любовников государыни относилась к Павлу без должного уважения, конечно, с попустительства самой Екатерины. Сколько их там было-то — фаворитов, со счету можно сбиться, цифра приближается к сорока. А какой сын простит матери такой образ жизни, да еще при подозрении, что она виновна в смерти отца? А теперь забирает у сына детей, чтобы воспитать их «правильным образом». А как она их может воспитать — развратница и вольтерьянка? А ты не только не можешь этому воспрепятствовать, но и слова против сказать не смей.

Летом 1783 года Екатерина после рождения у Павла третьего ребенка — дочери Екатерины (1783–1801) — подарила ему Гатчину. Мыза Гатчина ранее принадлежала экс-фавориту Григорию Орлову. В 1783 году он умер, императрица вначале выкупила у наследников мызу в казну, а потом вместе с роскошным дворцом (архитектор Ринальди), парком и принадлежащими усадьбе двадцатью деревнями подарила сыну. Павел был рад подарку. Он прожил в Гатчине тридцать три года. Расстояние в шестьдесят верст защищало его от столицы, от засилия и интриг двора, здесь он был полноценным хозяином. В Гатчине он завел свой двор, свою армию, создал мини-государство. По примеру отца Павел преклонялся перед Фридрихом Великим. Армия — вот основа любого государства. Под предлогом защиты от бродяг он организовал вначале отряд в шестьдесят человек, через год это уже три батальона. Он сам придумал одежду для своей армии по прусскому образцу, вся Гатчина стала выглядеть как военный городок: казармы, полосатые будки, шлагбаумы. При этом солдат хорошо кормили, заботились об их быте. Но зато наказывали за малейшую провинность. Кроме того, Павел построил в Гатчине школу, больницу и четыре храма — православный, католический и два лютеранских.

Александр редко посещал Гатчину, благо на этом никто не настаивал, а Екатерина и вовсе была против этих посещений. Александр любил мать, боялся отца и целиком подчинялся бабушке. Он сидел между двумя стульями. Как больно было ребенку слушать насмешки относительно отца в одном доме, а потом делать хорошую мину при плохой игре, когда Павел отзывался нелицеприятно о бабушке. И что ему было делать? Притворяться, скрывать свои истинные чувства и улыбаться доброжелательно.

Но это все потом, а пока он совсем малыш и бабушка его

обожает. Второй внук Константин — другое дело. В отличие от Александра, он не был столь пригож и здоров. «Я не поставлю на него и гроша; или я совсем ошибаюсь, или он не жилец на этом свете», — пишет она Гримму. Но кормилица поставила мальчика на ноги. В кормилицы была взята гречанка, и это не случайно. Уже тогда в голове императрицы зрела идея сделать второго внука правителем отбитого у турок и возвращенного христианскому миру Константинополя (то бишь Стамбула). Свой проект она не без иронии называла «испанскими замками», но задумка была вполне серьезной. Имя внуку было выбрано не без значения.

Александр же готовился для России. В воспитании были использованы все новомодные идеи века Просвещения. Особое внимание уделялось гигиене, прогулкам, свежему воздуху. Императрица сама выбирала ему одежду, игрушки, сочиняла для него сказки и стихи. Гримму: «Я без ума от этого мальчугана. Каждый день мы приобретает новые знания, иначе говоря, из каждой игрушки мы делаем их десяток или дюжину и соревнуемся в том, кто лучше при этом проявит свои дарования. Удивительно, какими мы при этом становимся изобретательными! Пополудни мой малыш снова приходит на сколько хочет и проводит таким образом три или четыре часа в день в моей комнате» (август 1779 года).

Все в его поведении вызывает восхищение в Екатерине: «Вот уже два месяца, как, потихоньку законодательствуя, я принялась для собственного развлечения составлять маленький словарик изречений господина Александра, которые отнюдь не дурны. Время от времени у него вырываются совершенно замечательные ответы. Поневоле задумываешься. Так, например, вчера, когда его портрет по моему заказу писал Бромптон, хороший английский художник, а мальчик никак не мог спокойно усидеть на месте, я спросила его: «Как же вы держите себя, сидя перед художником?» На что он мне ответил: «Я не знаю, я ведь не вижу себя сам…» Я была поражена этим ответом, показавшимся мне очень глубоким…» (май 1780 года).

Маленькие дети все милы, но и сейчас уже видно, что в Константине нет ни задатков, ни красоты старшего брата. Гримму: «Константин похож на Бахуса, тогда как Александр мог бы послужить моделью купидона» (июль 1781 год). А вот «отчет» Гримму за лето 1783 года, Александру без малого шесть: «Если бы Вы видели, как г-н Александр мотыжит землю, сажает горох, высаживает капусту, идет за плугом и боронит и затем, весь в поту, бежит ополоснуться в ручье, после чего берет сеть и вместе с сударем Константином лезет в воду ловить рыбу. И вот они уже

отделяют щук от окуней, потому что, видите ли, щуки поедают других рыб; надо, следовательно, держать их в другом месте. Чтобы отдохнуть, он идет к своему учителю письма или учителю рисования; он учится у того и у другого по методу педагогической школы: мы делаем все это по своей воле, с одинаковым увлечением, даже не замечая, что мы делаем, и никто нас к этому не обязывает; мы веселы и живы. Как рыбы в воде; нет ни нотаций, ни плохого настроения, ни упрямства, ни плача, ни криков, мы берем книгу для чтения с тем же настроением, с каким садимся в челнок, чтобы грести; и надо видеть нас, сидящих в этом челноке».

Все это «очень мило», но, по-моему, описание императрицы чистой воды эпистолярная литература. Утром она пишет в Париж про возлюбленного внука, а вечером в том же тоне рассказывает о прелестях юного любовника — Ланского. Гримму от 25 июня 1782 года: «Чтобы понять, что такое этот молодой человек, надо вам знать сказанное про него графом Орловым одному своему другу. «О, — сказал он, — вы увидите, какого она сделает из него человека». Он все «пожирает». В одну зиму он «пожирал» поэтов и поэмы, в другую несколько историков, романы нам надоедают, и мы увлекаемся Альгаротти и его товарищами. Не получив образования, мы приобретаем бесчисленные познания, и мы любим только общество самое образованное. Ко всему этому мы строим и садим, мы благотворительны, веселы, честны и кротки». Императрице было в это время пятьдесят три года, и ее любви хватало на всех, кроме собственного сына и невестки.

В 1781 году родители Александра отправились путешествовать по Европе. Они уехали инкогнито, под именем графов Северных, Павел не хотел тратить время на официальные торжественные приемы. Путешествие заняло более года. Дома Павел был холоден, но безукоризненно вежлив с матерью, а за границей развязал рот, порицая ее внешнюю политику, жалуясь на засилье фаворитов и продажность ближайшего окружения императрицы. Европа открыла уши и с удовольствием сплетничала по поводу русского двора.

Когда графы Северные были в Вене, в их честь хотели дать в театре трагедию «Гамлет». Актер, исполнявший главную роль, объявил, что неуместно играть Шекспира в присутствии «русского Гамлета». Позднее Екатерина запретила в России ставить «Гамлета».

Отправляясь в Крым в 1786 году, императрица хотела взять Александра и Константина с собой. Павел этому воспротивился, написал резкое письмо матери, скандал был неминуем. Но вопрос решился мирно. Константин заболел корью, и императрица

отправилась в длительное путешествие без внуков, но граф генерал Салтыков, воспитатель юных князей, получил жесткий приказ — следить, чтобы во время ее отсутствия не было никакого вмешательства родителей в воспитание детей.

Александр рано выучился читать, но не по-русски. С младенчества его воспитывала англичанка. Вслед за английским он также легко освоил французский язык. Учителя для юного принца прошли тщательный отбор. Русскую историю и литературу преподавал М. Н. Муравьев — один из уважаемых писателей XVIII века (отец будущего декабриста). Наука педагогика, правда, была ему чужда, мы не знаем, смог ли он привить будущему императору любовь к литературе. Математику преподавал Массон, географию и естественные науки — известный ученый Паллас, физику — Крафт. Духовное воспитание и изучение Закона Божия было поручено протоиерею Самборскому, он же был духовником императрицы. Екатерина не была религиозным человеком, но вслед за Вольтером считала, что если Бога нет, то его надо выдумать. Хотя что она там думала по этому поводу — потемки, но для Александра она подыскала самого безобидного попа, такого, который «не внушит мальчику ненужных суеверий». Самборский много лет жил в Англии, был женат на англичанке, он носил светское платье и брил бороду — вполне «цивилизованный протоиерей».

Воспитателем мальчиков был назначен граф Николай Салтыков, свой человек при дворе, Екатерина ему полностью доверяла. Наверное, он был не глуп, но странен и некрасив, большая голова на хилом теле, прямо-таки ходячая карикатура. Еще у него была смешная привычка: он не носил подтяжек и поэтому все время характерным жестом подтягивал штаны. Константин великолепно его передразнивал, за что получал нагоняй, а Александр веселился. Вторым воспитателем был назначен генерал Протасов.

Екатерина не уставала восхищаться успехами Александра в учении, он и талантлив, и усерден, и сообразителен не по годам. Письмо Гримму (апрель 1785 года): «Господа Александр и Константин выглядят прекрасно, они красивы, рослы, сильны, крепки, толковы; видеть их одно удовольствие. Я убеждена, что Александром будут всегда и в полной мере довольны, так как он соединяет большую уравновешенность характера с удивительной для его возраста любезностью. У него открытое, смеющееся, приветливое лицо; его устремления всегда благожелательны: он хочет преуспеть и во всем добиться большего, чем можно ожидать в его возрасте. Он учится ездить на коне, он читает, он пишет на трех языках, он рисует, и его ни к чему не принуждают; то, что он

пишет, — это или история, или география, или избранные изречения, или что-нибудь веселое. У него прекрасное сердце…»

Генерал Протасов вел дневник, в котором был честен и беспристрастен. Судя по этому дневнику, Александр был нормальным ребенком, в меру ленивым и непослушным, но любезность и уравновешенность характера были налицо.

В 1784 году Екатерина по совету Гримма взяла еще одного воспитателя для своих внуков. Им стал Фредерик Сезар де Лагарп (1754–1838), тридцатилетний адвокат из швейцарского кантона Во. Свободолюбивый Лагарп не поладил с властями Берна, бросил адвокатуру и оставил отчество. Императрице он сразу понравился. Швейцарец был полон самых просвещенных идей. Он составил подробную программу воспитания Александра (и Константина заодно). Главную свою задачу он видел в том, чтобы сделать из мальчика гражданина.

Г. И. Чулков в своей книге «Императоры» отзывается о Лагарпе неодобрительно: «Этот человек, добродетели коего восхищали многих мемуаристов и биографов Александра, был типичный доктринер конца XVIII века. С покатым лбом, острым носом, тонкими губами, он напоминал чем-то Робеспьера. Подобно знаменитому якобинцу, он был склонен повторять непрестанно известные формулы, моральные и политические, как будто они являются божественным откровением, а не плодом весьма сухой и отвлеченной мысли». Я думаю, что господин Чулков здесь слишком строг. Лагарп был увлеченным, искренним и, главное, неподкупным человеком, и Александр к нему искренне привязался. Да, новый наставник был без ума от теорий Гиббона, Мабли и Руссо, но ведь и вся Европа была от них без ума. Другое дело, эти теории не могли прижиться на тощей русской почве.

Но Александр с пониманием относился к словам «о равенстве и братстве», о свободе, «одинаково данной всем людям». Лагарп стал его другом, с которым можно говорить обо всем, можно шутить и найти в этом отклик. Об этих доверительных отношениях говорят записки Александра, написанные своему наставнику. Вот одна из них, в ней юный Александр очень самокритичен: «Эгоист, лишь бы мне ни в чем не было недостатка, мне мало дела до других. Тщеславен, мне бы хотелось высказаться и блестеть за счет ближнего, потому что я не чувствую в себе нужных сил для приобретения истинного достоинства. Тринадцать лет я такой же дитя, как и в восемь, и чем более я подвигаюсь в возрасте, тем более приближаюсь к нулю. Что из меня будет? Ничего, судя по наружности».

1789 год — во Франции революция. Екатерина сразу поняла

опасность новых идей, но не сменила воспитателя. Лагарп по-прежнему наставник молодых князей, по-прежнему толкует о равенстве и свободе.

Женитьба

С самого рождения Александра у Екатерины возникла мысль оставить русский трон внуку в обход сына. Есть сведения, что она составила официальное завещание на этот счет. Еще действовал закон Петра I, что новый государь назначается предшествующим по своему усмотрению и выбору. Думаю, что она искренне считала, будто Павел не в состоянии управлять Россией. А кому же оставить наработанное — великую, упрочненную ее усилиями Россию?

В 1789 году императрице исполнилось шестьдесят лет. Это серьезный рубеж в жизни женщины. Екатерина не собиралась умирать, но она быстро старела и понимала, что для осуществления задуманного надо все оформить самым достойным способом, так сказать, «соломки подстелить». А это значит, наследник должен быть женат и иметь детей — это солидно, это придаст ему вес в глазах общественности.

Александр был очень молод, но это не смутило императрицу. Принцессу, как всегда, нашли в Германии. Вот письмо Екатерины графу Румянцеву в Карлсруэ: «…Подробности, в которые вы входите относительно этих двух принцесс, Луизы и Фредерики Баденских, крайне интересны и не оставляют ничего желать больше. Вы не сказали ничего лишнего от меня наследной принцессе Баденской; я всегда питала к ней особую привязанность и знаю, что ее привязанность к России и ко мне никогда не изменялась; я в восторге от высказанной ею готовностью облегчить наши начальные переговоры и сгладить затруднения относительно перемены вероисповедания. Я жду с нетерпением портретов обеих принцесс, которые вы обещали мне прислать».

Отец будущей невесты — маркграф Карл Людвиг Баден-Дурлахский, мать — принцесса Амалия Гессен-Дармштадтская. С наследной принцессой Амалией Екатерина была давно знакома, дочери ее были племянницами покойной Натальи Алексеевны, первой жены Павла.

Далее Екатерина благодарит наследную принцессу за доверие, поскольку ей отдают двух девочек-принцесс на полное попечение, Луиза и Фредерика будут доставлены в Петербург инкогнито. Далее они будут жить в Зимнем дворце с соответствующей свитой, «…возраст принцесс мог бы заставить отложить еще года на два их приезд в Россию», — пишет Екатерина, но тут же сама себя перебивает, утверждая, что этот самый возраст будет способствовать тому, чтобы принцессы

привыкли к стране, где им суждено прожить всю жизнь. Екатерина обещает докончить образование девочек, а далее — «склонность моего внука будет руководить его выбором; ту, которая останется, я постараюсь устроить в свое время». Вместо Фредерики в Россию решили послать принцессу Амалию. Со временем младшая Фредерика Баденская станет супругой шведского короля Густава IV Адольфа.

«Нет ничего менее достоверного, чем женские мемуары», — пишет Ю. М. Лотман. Что делать, если в России проживает испокон века больше женщин, чем мужчин. «У России женское лицо» — это стало почти поговоркой. Поэтому я позволю себе сослаться (и не один раз) на мемуары графини Роксаны Скарлатовны Эдлинг (1786–1844), в девичестве Струдза (отец — молдавский господарь, мать гречанка). Со временем госпожа Эдлинг стала фрейлиной при дворе императрицы Елизаветы Алексеевны и пользовалась большим влиянием при дворе. Эдлинг владела пером.

Неповторимый, чистый и наивный, как ручей, стиль! Вот как она пишет об отъезде принцессы Луизы (будущей Елизаветы) из родительского дома: «Елизавета трепетала от мысли о том, что ей придется подчинить свою будущность произволу молодого варвара. Дорогою, когда ей объявили, что она должна покинуть страну свою и свою семью, она силилась выскочить из кареты, в отчаянии простирала руки к прекрасным горам своей родины и раздирающим голосом прощалась с ними, что растрогало даже и ее мать, женщину холодную и честолюбивую. Но и сама она не была равнодушна к соблазнам величия. Возвышенная душа ее была создана для престола; но живое и кипучее воображение, слабо развитой ум и романтическое воспитание готовили ей опасности, которыми омрачалось ее благополучие». Ничего, поплакали, покричали и благополучно достигли «страны варваров».

Принцесса, Луиза Марии Августа (1779–1826) с сестрой Амалией прибыли в Петербург в октябре 1792 года. Гримму от Екатерины (31 октября 1792 г.): «Сегодня вечером ждем двух Баденских принцесс, одну тринадцати, другую одиннадцатилетнюю. Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими обычаями. Наш же малый (Александр. — *Авт.*) об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной, а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его в искушение».

Невесту представили жениху. Не будем оскорблять голубоглазую принцессу Луизу затасканным словом «блондинка»,

у нее были пепельные волосы, так тогда говорили. «Она была одета в белую тунику, перехваченную на тонкой и стройной, как у нимфы, талии небрежно завязанным поясом», — пишет о Луизе художница Виже-Лебрен. Короче говоря, она была прехорошенькая и модно одетая. Конечно, Александр ее «выбрал». Через два месяца ему исполнялось пятнадцать — мальчишка! Да и кто его спрашивал? За него уже все давно было решено. Амур и Психея — так называла молодых императрица. Они действительно очень хорошо смотрелись вместе. С родителями жениха невесту познакомили на третий день после ее приезда. Мнение Павла и Марии Федоровны по поводу женитьбы их сына Екатерину тоже не интересовало, однако они очень хорошо встретили невесту.

В мае 1793 года Луиза Баденская приняла православие и была наречена великой княжной Елизаветой Алексеевной. 28 сентября 1793 года состоялось венчание в церкви Зимнего дворца. Свадьба, естественно, «была пышной». Некоторая заминка произошла с отцом новобрачного — Павлом. Екатерина позволила себе явную бесцеремонность по отношению к сыну, с ним не посоветовались ни относительно крещения принцессы, ни о дне венчания, он обо всем узнавал через третьих лиц. Мария Федоровна приложила все силы, чтобы уговорить мужа появиться на торжестве. Пришлось даже прибегнуть к помощи Екатерины Ивановны Нелидовой. Она была не только фрейлиной великой княгини, но и сердечным другом самого Павла. Уговорила! Графиня В. Н. Головина в своих «Записках» пишет, что Павел присутствовал на венчании и «был глубоко растроган».

Вскоре выяснилось, что Елизавета Алексеевна не оправдала главных надежд императрицы. Свадьбу справили, время шло, но при этом не было никаких признаков беременности. А ведь это главная обязанность великой княгини — родить наследника. Екатерина призвала к себе вездесущую графиню Головину, которая была своим человеком и при дворе императрицы, и при молодом дворе, чтобы выяснить суть дела, то есть узнать, какие отношения у юной пары. Чудесные! — был ответ. Чудная пара, они все время вместе. Их связывает истинная дружба, но похоже, что эта прекрасная дружба пока не привела к интимным отношениям. Впрочем, на прямо поставленный вопрос графиня отвечала столь уклончиво, что суть вопроса ушла куда-то в тень.

В распорядке дня женатого Александра мало что изменилось. Верный Лагарп продолжал свои занятия, на них присутствовала и Елизавета Алексеевна. «Поучительные чтения» — что может быть прекраснее! И о чем читали? О равенстве и братстве, Елизавета Алексеевна тоже стала республиканкой. Они во всем были

согласны, одни и те же темы их волновали, вместе они гуляли по парку, вместе музицировали, читали стихи — дружили, а любовь как-то пока не приходила. Р. С. Эдлинг пишет, что Александр «сгорал потребностью любви, но он чувствовал, думал, держал себя как шестнадцатилетний юноша, и супруге своей, восторженной и важной, представлялся навязчивым ребенком». Но есть на этот счет и другие мнения: мол, прекрасная дева «сгорала», а красавец Александр оставался равнодушен. Кто их там разберет? Но факт есть факт — детей не было.

К удивлению двора, у Елизаветы Алексеевны появился неожиданный поклонник. Им стал Платон Зубов — последний фаворит императрицы. Он всячески выказывал внимание великой княгине, бросал восторженные взгляды, навязывался с разговором. Что это? Императрица была ревнива, она очень зорко следила за поведением своих любовников. При дворе стали говорить, что Екатерина сама толкает Зубова к ухаживанию за великой княгиней, а Елизавета Алексеевна и Александр были не только смущены всем этим, но и перепуганы. Потом как-то неожиданно любовная атака Зубова прекратилась. И опять придворные шептали — не иначе как по приказу «самой». Может, и так, но, скорее всего, — нет. Ведь не углядела же императрица за Дмитриевым-Мамоновым, который несколько месяцев предавался амурам с фрейлиной Щербатовой, а тогда Екатерина была моложе и зорче.

Со временем любовь придет к Елизавете Алексеевне, любовь запретная, которая подарила ей дочь. Но об этом позднее.

Казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты произвела на Екатерину сильнейшее впечатление. Понятное дело, от Лагарпа, проповедника равенства и свободы, надо было избавиться. Он получил отставку 31 января 1794 года. Екатерина, как всегда, была щедрой. Она поблагодарила подполковника Фридриха Лагарпа за труды, наградила его орденом Святого Владимира и отпустила в Швейцарию, а сверх пенсии назначила «полное по чину жалованье из того места, откуда он и прежде получал». На дорогу Лагарпу была выдана тысяча червонцев.

Александр был очень огорчен отставкой Лагарпа. Расставаясь, он подарил ему украшенные бриллиантами портреты — свой и Елизаветы Алексеевны. Подарок сопровождало послание: «Прощайте, любезный друг, чего мне стоило сказать Вам это слово. Помните, что Вы оставляете здесь человека, который Вам предан, который не в состоянии выразить Вам свою признательность, который обязан Вам всем, кроме рождения…» Впоследствии он переписывался с Лагарпом многие годы. Вот его письмо от 21 февраля 1796 года: «Любезный друг! Как часто я

вспоминаю о Вас и обо всем, что Вы мне говорили — когда мы были вместе! Но это не могло изменить принятого мною намерения отделаться со временем от моего бремени. Оно день ото дня мне становится все более невыносимым по всему, что я вижу вокруг себя. Непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встретишь честного человека; это ужасно…»

О каком бремени пишет Александр? Конечно, о бремени правления, он не хочет быть императором. А ведь рано или поздно придется править. Мечта о жизни частного человека преследовала его всю жизнь.

А вот еще одно письмо — другу Кочубею от 10 мая 1796 года:

«Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен выйти на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, Зубов, Пассек, Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низкими, пресмыкаются перед теми, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще меньше для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом».

До ноября 1796 года оставалось полгода.

Отец и сын (Павел на троне)

5 ноября 1796 года с Екатериной случился удар, на следующий день она умерла. Смерть ее была ожидаемой — один удар уже был, но при этом «совершенно неожиданной». Императрица вполне оправилась от первого удара, все признаки легкого паралича исчезли, а главное — невозможно представить, как жить без великой светлейшей государыни. В мире тревожно, во Франции бунтуется чернь, все государства Европы в панике — не может быть такого, чтоб Она умерла! И совершенно непонятно, кто наследует трон. В «Записках» Д. И. Фонвизина (великого нашего драматурга и экс-секретаря покойного Н. И. Панина) мы читаем, что бумага о престолонаследии уже написана и хранится у Безбородко и что 24 ноября, в день тезоименитства государыни, это будет объявлено. Петербург был такого же мнения, все с уверенностью говорили, что 1 января 1797 года будет обнародован важный документ о престолонаследии и, конечно, наследником будет объявлен Александр, Павел ненадежен.

Р. С. Эдлинг: «Намерение Екатерины касательно престолонаследия стало ему (Александру. — *Авт.)* известно. Он отнесся к нему с (…) негодованием, и я знала человека, который слышал от него следующие достопамятные слова: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею отклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат». Трогательное излияние молодой и чистой души, от которой Россия могла ожидать себе всяческого блага».

«Излияние молодой души» пропало втуне, в Америку бежать не понадобилось. 6 ноября из Гатчины в Петербург был призван Павел. Существует много версий о судьбе написанной Екатериной бумаги о престолонаследии. Выберу самую, с моей точки зрения, достоверную. В Петербурге Павла провели к Безбородко. Хитрый царедворец и мудрый политик, разбирая государственные бумаги, указал Павлу на пакет, перевязанный лентой. Оба поняли друг друга без слов. Через секунду указ о назначении наследником Александра пылал в камине. Павел Петрович был провозглашен императором, а Безбородко получил титул светлейшего князя.

Первым своим деянием сорокадвухлетний император испугал и озадачил Петербург. Он приказал извлечь из могилы в Александро-Невской лавре останки отца и торжественно перенести их в царскую усыпальницу в Петропавловском соборе. Гроб провезли через весь город. В необычайно пышной процессии шел убийца, уже глубокий старик Алексей Орлов, он нес корону

Петра III. Затем была произведена коронация покойника: за восемь месяцев правления Петра III не успели короновать. Столица отнеслась ко всему этому как к зловещему спектаклю, целью которого было унизить память великой Екатерины. А Павел просто считал, что справедливость должна торжествовать.

Ключевский пишет: «Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи». Идеи проглянули, кто же спорит, но они тут же потонули в невообразимом хаосе, из-за которого историки двести лет спорят — нормален был царь или психически болен.

Он начал правление разумными и справедливыми делами. Из Шлиссельбургской крепости выпустили осужденного Екатериной Новикова. Освободили также польских повстанцев, в том числе и генерал Костюшко. Сразу после коронации в 1797 году Павел издает закон «Учреждение об императорской фамилии». Закон возвращал старый порядок наследования трона — от отца к сыну, а при отсутствии сыновей — к старшему из братьев. В отличие от указа Петра I от 1722 года закон Павла прекращал дворцовые перевороты и чехарду на царском троне.

Он много работал. За четыре года его правления в Сенате было решено около 75 тысяч дел — цифра небывалая. Главную свою задачу он видел в том, чтобы ликвидировать «несправедливые деяния покойной матери». Она во всем попустительствовала дворянству, распустила его и развратила, совершенно забыв, что в России еще есть купечество, мещанство, солдаты, крестьяне, наконец. Он хотел быть справедливым и служить всем сословиям.

Павел искренне хотел улучшить положение крестьян, для чего издал в 1797 году «Манифест о трехдневной барщине». Этим манифестом запрещалось оставлять крестьян без земли. Он борется с дороговизной продуктов. При нем понижены цены на соль, хлеб стали продавать в казенных магазинах. Он заботится о здоровье подданных, при Павле открыто высшее медицинское учреждение, в Дерпте основан университет.

Павел хотел напрямую общаться со своим народом. Он приказал повесить на Зимнем дворце специальный ящик. Каждый мог написать прошение на высочайшее имя и послать его лично царю. Ключ от ящика хранился у императора, он сам его вскрывал. Скоро в заветный ящик стали помимо прошений поступать другие послания — с едкими эпиграммами и карикатурами. Павел приказал снять ящик. Народ его не понимал.

Можно долго перечислять разумные дела, совершенные

Павлом. Их было немало для четырехлетнего правлёния. Кажется, какое отношение вся эта информация имеет к Александру? Прямое. Теперь он цесаревич, прямой наследник трона, ему перевалило за двадцать лет, и он очень внимательно следит за деяниями отца. Великих князей Александра и Константина Павел тоже определил на должности. Из мемуаров Н. А. Саблукова: «Александр был назначен шефом Семеновского полка, Константин — Измайловского. Александр, кроме того, был назначен военным губернатором Петербурга. Ему были подчинены военный комендант города, комендант крепости и петербургский обер-полицмейстер. Каждое утро в семь часов и каждый вечер в восемь великий князь подавал императору рапорт. При этом необходимо было отдавать отчет о мельчайших подробностях, относящихся до гарнизона, до всех караулов города, до конных патрулей, разъезжавших в нем и в его окрестностях, и за малейшую ошибку давался строгий выговор. Великий князь был еще молод, и характер его был робок; кроме того, он был близорук и немного глух; из сказанного можно заключить, что эта должность не была синекурой и стоила Александру многих бессонных ночей».

Отношение его к установившемуся в стране правопорядку критическое. 27 сентября 1797 года он пишет Лагарпу (письмо передано тайно через друга графа Новосильцева, который едет в Швейцарию): «Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразить все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им… Военные почти все время теряют исключительно на парадах. Во всем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет отменено. Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершаются здесь. Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите сами по ней, насколько должно страдать мое сердце…»

Уроки Лагарпа не пропали даром. Молодой цесаревич искренне страдает, но как-то «по-книжному». Можно подумать, что в России когда-то было время, когда «свобода не была стеснена». «Неограниченная власть» существовала во все правление Екатерины, правда, при Павле она приобрела своеобразный оттенок. На последующие двести лет Павел приобрел репутацию очень плохого царя. К письму Александра не

придерешься, там все правда, но деяния Павла I требуют подробного разбирательства.

В 1799 году Павел приказал отменить выплату пенсии Лагарпу, вычеркнул бывшего воспитателя из списка кавалеров ордена Святого Владимира, как будто бы был даже приказ отыскать Лагарпа в Швейцарии, силой привезти его в Петербург и отправить в ссылку в Сибирь.

Как уже говорилось, Павел хотел честно служить всем своим подданным, но, пытаясь уравнять сословия, он не давал новых прав низшим классам, а забрал свободу у высших. Желая уничтожить чрезмерные привилегии дворянства, он отменил Жалованную грамоту, ограничил дворянское и городское самоуправление, вернув бразды правления в руки чиновников, отменил дворянские губернские выборы.

Задачей Павла было разрушить все, что создала Екатерина, и на обломках державы создать новую — прекрасную. Главной его любовью была армия. Как и мечталось, он переодел всю русскую армию в прусские мундиры и заставил ее денно и нощно маршировать, отрабатывая красоту строя. Шильдер в своей книге «Император Александр I. Его жизнь и царствование» пишет: «Гренадерская шапка, штиблеты, тесная форма — все это мешает, стесняет солдата». Но кто об этом думал? Павел менял военную форму шесть раз, затратив на эти бессмысленные преобразования очень большие деньги.

На плацу и разыгрывались главные драмы. В гвардии плохо приживались гатчинские порядки. Избалованные милостями Екатерины, гвардейцы не хотели заниматься пустой муштрой. Они высказывали свое недовольство и пачками отбывали в ссылки. Иные сами уходили в отставку, отбывая в свои имения, других ждала Сибирь. При этом император никому не делал поблажек, даже верный Аракчеев угодил в отставку. Его родственник в чем-то провинился, Аракчеев свалил все на невиновного, обман открылся, и «преданный без лести» царедворец уехал в ссылку в имение Грузино.

При Екатерине был заведен негласный порядок для «благородных родителей» — записывать детей чуть ли не с младенческого возраста в гвардию. К восемнадцати годам такой недоросль уже имел приличный чин. С этим Павел боролся очень жестко. Все должно быть честно! Жалованная грамота освобождала дворян от телесных наказаний. Здесь Павел поступил просто. Появилось «разъяснение»: «Коль скоро снято дворянство, то уж и привилегия до него не касается. Почему и впредь поступать». Оставаясь верным старому правилу, Павел самолично лишал неугодных дворянства, а дальше уже можно

унтер-офицеру из дворян влепить пятьдесят палочных ударов.

Как известно, в России идиотизм некоторых распоряжений смягчается неаккуратностью их исполнения. При Павле жестокость и несправедливость своих приказов смягчал он сам, отходчив был и, опомнившись, отменял ссылку и телесное наказание. «…Наш романтический император…» — так называет его Пушкин.

Сильно ущемлены были права штатских дворян, которые в былые времена организовывали дворянские общества и собрания, выбирали губернских и уездных представителей, дворянских депутатов.

«Так как через вывезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку». Вот такой был принят указ от 18 апреля 1800 года. То есть уже и ноты нельзя было ввозить. После французской революции Павел опустил настоящий «железный занавес». Термин этот, правда, придуман много позднее, но от этого он не теряет своего значения и никого из людей моего поколения не удивляет.

Была введена цензура, цензурированию подвергались не только книги, но и Гайдн, Моцарт, какую в их музыке крамолу искали — непонятно. Ну ладно, цензура — понятное для нас слово, цензуру отменили всего полтора десятка лет назад, но как понять, например, такое: «Запретить синие женские сюртуки с кроеным воротником и белою юбкою…» Надо понимать, что это французская мода. Еще было запрещено носить круглые шляпы, «широкие большие букли», иметь бакенбарды, запрещено было танцевать вальс, носить башмаки с лентами (только с пряжками!). Приказ от 20 января 1798 года запрещал носить фраки, и… «позволяется иметь немецкое платье с одним стоящим воротником шириной не менее как в три четвертых вершка, обшлага же иметь того цвета, как и воротники». В этом мелочном, подробном всматривании в человеческий быт есть что-то унизительное и омерзительное. Какого черта? Что хочу, то ношу. Я Петру Великому готова простить даже казни, у него было много врагов, но то, что он принудительно брил бороды людям, брил жестоко, нагло, а потом переодевал в чуждую ему одежду, — простить не могу.

Запрещены были к употреблению некоторые слова, например «совет», «клуб», «представитель» и пр. В этих словах Павлу чудился привкус якобинства. Переименовывались города: так, Севастополь прозывался Ахтияром. И никто толком не знал,

каким будет наказание на неисполнение. Может, пожурят, а может, и в крепость посадят. И как ко всему этому относился Александр?

Из иностранной дипломатической почты: императрица Мария Федоровна «не имела права приглашать к себе без дозволения государя ни сыновей своих, ни невесток. Александр жил с женой уединенно: ему служили только преданные императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тени подозрения, он не принимал никого и с иностранными министрами и вельможами разговаривал иначе как в присутствии отца».

Саблуков в своих «Мемуарах» выражает общее мнение: «Оба великих князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист. При этом они всегда искали покровительства у других, вместо того чтобы иметь возможность самим его оказывать, как это важно было ожидать, судя по их высокому положению. Вот почему они внушали мало уважения и были непопулярны».

Вот еще несколько рассказов, надергала по нитке из разных мемуаров. Однажды адъютант императора во время парада стремительно подбежал к Александру, прокричал на одной ноте: «Его Величество приказал мне сказать, что Оно никогда не видело такого дурака, как Ваше высочество!» — и ускакал назад. Вокруг стояли старшие офицеры. Наверное, императору и в голову не приходило подумать, как тяжело переносит Александр подобное унижение, да и присутствующим при этом было неловко, не знали, куда глаза деть. Но Павлу было не до этого, он просто желал подчеркнуть, что никому не делает поблажек, если дело касается его любимого плаца.

А вот еще… Павел застал Александра за чтением «Брута» Вольтера, «этого якобинца»! Возмутительно! Император немедленно передал великому князю книгу о Петре I, заранее отметив страницу о пытках, суде над царевичем Алексеем и смерти его. Мол, не забывай сынок, как поступают с новоявленными русскими брутами.

Скажи мне, кто твой друг

Александр и не искал популярности, у него была своя компания, свои друзья, и люди, надо сказать, весьма примечательные. Я хочу рассказать о них, потому что каждый из этой известной четверки сыграл значительную роль не только в судьбе России, но и в судьбе самого Александра. Вот их имена: Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836), Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), Строганов Павел Александрович (1772–1817), Адам Чарторыйский (1770–1861). Жизнь каждого из них достойна романа, к которому без натяжки можно приклеить эпитет «приключенческий». И только диву даешься, какие яркие личности держали в те времена в руках судьбу России. Так многого хотели и так мало получилось! Есть какой-то неведомый закон природы, когда талант в социальной сфере разбивается о посредственность — и ничего с этим не поделаешь. Всегда хотим как лучше, а получается как всегда (земля пухом Виктору Степановичу Черномырдину).

О Павле Александровиче Строганове я расскажу более подробно, уж очень необычна его судьба. Он принадлежал к известнейшей и богатейшей русской семье. Отец его граф Александр Сергеевич (1737–1813), знакомец Вольтера и друг И. И. Шувалова, был известным меценатом, умницей, он возглавлял Российскую академию художеств, а особенно прославился строительством Казанского собора. Процветая на ниве общественной, граф не был счастлив в личной жизни. Первым браком он был женат на дочери канцлера Воронцова — Анне Михайловне. Когда в 1762 году на трон взошла Екатерина II, отношения супругов ухудшились, дочь была верна отцу, муж верой и правдой служил императрице. Но Екатерина была против их развода. В 1769 году Анна Михайловна неожиданно умерла. По Петербургу распространился слух, что она была отравлена князем Петром Трубецким, будущим тестем Александра Сергеевича. Рассказываю об этом только для того, чтобы еще раз обрисовать нравы того времени.

Второй брак Строганова был еще более неудачен. В 1771 году он отправился с новой женой Екатериной Петровной (урожденной Трубецкой) в Париж, где собирался пополнить свою коллекцию картин. В 1772 году в Париже родился сын Павел, а через шесть лет дочь Софья. В 1778 году граф Строганов с детьми вернулся в Россию.

У детей фактически не было матери. Красавица Екатерина Федоровна завела роман с экс-фаворитом Екатерины II Иваном

Николаевичем Корсаковым. Был страшный скандал. Влюбленные сбежали в Москву. Сам Строганов отнесся к положению дел спокойно. Он дал жене развод и обеспечил ее землей и деньгами. Корсаков не женился на своей возлюбленной, они так и прожили всю жизнь, как теперь говорят, «гражданским браком». Павел, как блюститель нравов, сослал Корсакова в Саратов с невенчанной женой, но ссылка была недолгой.

Но начну, наконец, рассказ о Павле Александровиче Строганове. Попо — так его звали в семье. Приехав в Россию, он ни слова не знал по-русски. Отец взял ему воспитателя француза Жильбера Ромма, который, кстати, свободно владел русским языком. Выбор воспитателя одобрила сама Екатерина. «Сын должен знать свою родину», — решил отец и отправил Поля вместе с воспитателем, слугами, егерями и охраной путешествовать по России. Позднее к ним присоединился крепостной художник Андрей Воронихин, будущий архитектор и строитель Казанского собора. Путешествовали долго, объехали все от Белого моря до Черного, даже за Урал заглянули.

Поручиком Преображенского полка Павел Строганов стал еще ребенком. На юге его представили светлейшему князю Потемкину, который сделал четырнадцатилетнего мальчика своим адъютантом. Это не помешало Попо вместе с воспитателем отправиться за границу продолжить образование. В Женеве он учится у лучших педагогов. В 1789 году Жильбер Ромм привозит его в Париж. Семнадцать лет, возраст мечтаний и безумств. А Франция уже кипит, там происходят выборы в Национальное собрание.

Где здесь думать о пополнении образования? Жильбер пишет: «Мы не пропускаем ни одного заседания в Версале. Мне кажется, что для Поля это превосходная школа публичного права. Он принимает живое участие в ходе прений. Великие предметы государственной жизни до того поглощают наше внимание и все наше время, что нам становится почти невозможным заниматься чем-либо другим».

Взятие Бастилии произвело сильнейшее впечатление на Ромма, он полон великих планов, молодой Строганов целиком разделяет его убеждения. Павел Строганов исчез, сменил фамилию, появился гражданин Поль Очер. Жильбер Ромм основывает революционный клуб — «Друзья закона», и Поль становится первым его членом. У Поля были деньги, клуб снимает помещение, заводит библиотеку, Поля назначают библиотекарем. Цель у клуба была высокой — усовершенствовать нравы. Это в стране, где рекой лилась кровь.

Хозяйкой квартиры, в которой разместились «друзья закона»,

была небезызвестная Теруань де Мерикур — Дева Революции, Красная амазонка! И известная куртизанка по совместительству. Надо сказать, что определение «красавец» по отношению к Павлу Строганову отнюдь не литературный штамп, он действительно был удивительно хорош собой. Красная амазонка стала его возлюбленной — совсем в стиле эпохи.

В августе 1790 года Поль Очер был принят в якобинский клуб. «Жить свободным или умереть!» — таков был девиз якобинцев. Очер работал на революцию, произносил пламенные речи, посещал комитетские собрания, открыто носил красный фригийский колпак — он был заметен. Газетчики пронюхали-таки, кто скрывается под именем Очера. Грустный, смешной и курьезный случай: умер слуга Попо, и эти два дурака, иначе не скажешь, Ромм и Очер, устроили ему «революционные похороны», без священника, но с Декларацией прав человека и гражданина. Декларацию, на которой оба подписались собственными именами, положили в гроб. Об этом пронюхали газетчики: оказывается, Поль Очер — законный сын «русского сатрапа Строганова»! Горячий материал попал в печать, а газеты — в Петербург. Но и до газетной публикации в столицу поступали тревожные сообщения. Наш посол в Париже И. В. Симолин в июле 1790 года в рапорте подробно описал, в каком виде и с какой особой под руку появляется на улицах молодой граф Строганов.

Писать письма бесполезно, надо силой вывозить сына из порочного Парижа, — так решил граф Строганов — и послал во Францию своего племянника Николая Новосильцева — да, все одна компания. Как уж Новосильцев уговорил Павла оставить Париж, неясно. Известно только, что в ту пору мадам Мерикур не было в Париже. Приказ был — Ромма в Петербург не брать. Да тот и не собирался, у него было полно дел во Франции. Прощание с воспитанником было очень трогательным. Все это напоминает расставание Александра с Лагарпом, не правда ли?

Марк Алданов пишет: «В семье Строганова осталось теплое чувство к Ромму. Александр Сергеевич прислал ему в подарок чек на десять тысяч франков. Этот чек Ромм вернул. Граф Строганов подумал — и послал другой чек, на тридцать тысяч. Этого чека Ромм не вернул».

Жильбер Ромм был образованным, честным, искренне преданным великой идее человеком. Думаю, что тридцатитысячный чек пошел в общую копилку, в закрома революции, то есть в прорву без дна. Революцию делают романтики, плоды ее (революции) достаются негодяям — это аксиома. После отъезда любимого воспитанника Ромм много работал в Конвенте, он же составил революционный календарь —

вот уж нелепое изобретение! Язык сломаешь: прериаль, вандемиерах… Если пытаешься изменить мир, то уж календарь поменять просто необходимо! Но какой ценой далась Свобода! За давностью лет потерялось последнее слово из общеизвестного лозунга: «Свобода, равенство, братство или… смерть!» Смерть Ромм принял прямо в зале суда. Желая избежать гильотины, он заколол себя кинжалом. А Теруань де Мерикур окончила жизнь в сумасшедшем доме. Перед этим ее сильно избили на улице, после чего она и потеряла рассудок.

Павел Строганов вернулся в Россию и был немедленно удален из Петербурга — его сослали в Москву, в деревню — в его имение Братцево, где он и жил совершенным затворником. Потом женился на Софье Голицыной, и ему милостиво разрешили вернуться в Петербург. Здесь он и познакомился с Александром. Они сразу нашли общий язык. Наследнику был очень любопытен этот реальный якобинец. Вопросам не было конца.

Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» пишет: «Приятное лицо (Павла Строганова. — *Авт.*) и любезный ум жены его сблизили с ним императора Александра, а ее добродетель не могла его после разлучить с ним. Ума самого посредственного, он мог только именем и фортуной усилить свою партию». По Александровской эпохе накопилось огромное количество мемуарного материала. Кому из них верить, а кому нет? Про автора этих строк пишут — «озлобленный неудачник, неуживчивый мизантроп и холодный циник, каким он был в жизни, сумел создать себе памятник непреходящего значения в виде своих знаменитых «Записок»». Про Вигеля еще сплетничали, что он имел нетрадиционную сексуальную ориентацию, непростительный в XIX веке порок. Что ж, бывает… Это отметил даже Пушкин. Впрочем, вполне доброжелательно: «Вчера он (Вигель) был у меня — я люблю его разговоры — он занимателен и делен, но всегда кончает толками о мужеложестве». Вигель умен, едок, талантлив, наблюдателен, я еще не раз воспользуюсь его «Записками». Сказанное о Строганове: мол, «ума самого посредственного», это уж чересчур. Павел Строганов был, что называется «добрым человеком», щедрым, увлекающимся, герои русских сказок всегда «дураки». Обаятельная фигура! Адам Чарторыйский говорил о Строганове не без иронии — «он из нас самый пылкий». Графиня Головина вторит ему в своих мемуарах: «Граф Павел Александрович Строганов был одним из тех объевропеившихся русских аристократов, которые умели как-то связывать в своем уме теоретические принципы равенства и свободы со стремлением к политическому преобладанию высшего дворянства».

Началась война с Наполеоном, пока еще не Отечественная,

Павел Строганов участвует в Аустерлицком сражении. После этого Наполеон становится его врагом. Павел Александрович уже сенатор и тайный советник, а воевать против французов он отправляется обычным волонтером. У атамана Платова он командовал казачьим полком. Затем он воевал со шведами, командуя лейб-гвардии гренадерским полком. 1812-й. Строганов уже генерал-адъютант, у него золотая шпага «За храбрость». Он отличился в битвах при Бородино, Лейпциге, Краоне. В том, что битва при Краоне была выиграна, целиком заслуга Павла Александровича, четырнадцатитысячной русской армии противостояла пятидесятитысячная армия под командованием самого Наполеона. Но в этой битве погиб сын Павла Александровича — восемнадцатилетний Александр. Это был страшный удар для отца. Уступив лавры победы командующему другим корпусом, Воронцову, Павел Строганов повез тело сына на родину. Скорбь по сыну вызвала чахотку. В июне 1817 года Павел Александрович Строганов скончался. Ему было сорок пять лет.

Кочубей Виктор Павлович

Вигель пишет: «Чтобы составить гений одного человека, натура часто принуждена бывает отобрать умственные способности у всего рода его. Так поступила она с великим Суворовым и славным Безбородко. Окинув взглядом ближних и дальних родственников, покойный канцлер (Безбородко. — *Авт.*) в одном только из них заметил необыкновенный ум, то есть что-то на него самого похожее: сметливость, чудесную память и гордую таинственность; и племянника своего, Виктора Павловича, предназначил быть преемником счастия своего и знаменитости».

Итак, Виктор Павлович Кочубей родился в Малороссии. Род его идет от того самого Василия Кочубея, генерального судьи Левобережной Украины, который описан Пушкиным в поэме «Полтава». В восемь лет Виктора записали в гвардию капралом. Дядя ничего не пожалел ради хорошего воспитания племянника, он хотел сделать из него дипломата. Канцлер пристроил племянника к швейцарской миссии для изучения языков и права.

Далее юному Кочубею предстояло пройти службу в Преображенском полку, что он и сделал. Получив звание прапорщика, а в дворцовой службе камер-юнкера, Кочубей поехал (не без содействия дяди) сопровождать императрицу в ее длительном путешествии в Крым. Службу на политическом поприще Кочубей начал в Англии под началом Семена Романовича Воронцова, известнейшего дипломата.

Виктор Павлович был умен, обходителен, он великолепно ладил и с цесаревичем Павлом, и с сыном его Александром, и с фаворитом Платоном Зубовым. Вигель: «Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующий взгляд, надменная учтивость были блестящие завесы, за кои искусно прятал он свои недостатки, и имя государственного человека принадлежало ему, когда еще ничем он его не заслужил». В 1792 году Екатерина II назначила Кочубея (это в двадцать четыре года!) чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь. Пост этот считался один из главнейших. Вы помните отношение императрицы к турецким и греческим делам. Работа Кочубея в Турции было успешной.

После воцарения Павла Кочубей был призван назад в Россию, где был назначен членом Коллегии иностранных дел и тайным советником. В 1798 году он уже вице-канцлер. Павел ненавидел французскую революцию и боялся ее, поэтому решил создать коалицию европейских государств для борьбы с захватнической

политикой Франции. В коалицию входили Англия, Франция, Австрия, германские княжества… — много, с ними надо было заключать договоры, писать кучу бумаг. Во всем том Кочубей принимал активное участие, успел получить от Павла орден Святого Александра Невского, но вынужден был уйти в отставку. Император вдруг стал менять ориентацию, пошел на переговоры с Наполеоном, а Кочубей чем-то не угодил Павлу. Пройдет время, и Кочубей станет канцлером России, а пока он не у дел и по-прежнему поддерживает самые дружеские отношения с Александром.

Новосильцев Николай Николаевич

Вигель: «Всех старее летами и, конечно, всех выше умом был Николай Николаевич Новосильцев». Относительно «старее» сейчас появились некие разночтения. Большая Советская энциклопедия отняла у Новосильцева семь лет жизни, утверждая, что он родился в 1768 году. Но для нас это не суть важно. В датах я придерживаюсь сведений из Брокгауза и Эфрона.

Николай Новосильцев был побочным сыном родной сестры графа Александра Сергеевича Строганова и воспитывался в доме последнего. Граф любил молодого человека, всецело ему доверял, недаром именно на него он возложил трудную обязанность вырвать из лап революции заигравшегося Попо. Строганов записал Новосильцева в раннем возрасте в Пажеский корпус. После его окончания в 1783 году Николай в чине капитана поступил в лейб-гренадерский полк. В 1786 году Новосильцев был приписан к Коллегии иностранных дел.

1788–1790 годы — война со шведами, в которой Новосильцев принял активное участие, отличился в боях, все как полагается. По окончании войны он снова в Петербурге. Желая приобщить племянника к жизни двора, старший Строганов добился, чтобы Новосильцева представили великим князьям Александру и Константину. Александру было всего тринадцать лет, но он успел понять, каким значительным человеком был его собеседник. Именно тогда между ними завязалась дружба, которая продолжалась многие годы.

И опять война, на этот раз в Польше и Литве, Костюшко поднял восстание за воссоединение своей родины. Война началась в 1790 году и продолжалась шесть лет. На этой войне Новосильцев и воевал, и исполнял дипломатические поручения. В 1796 году после смерти Екатерины II Новосильцев вышел в отставку и уехал в Англию. Он прожил в Лондоне четыре года, учился, посещал университет. Вот дисциплины, которые его интересовали: физика, математика, медицина. Разносторонний был человек.

Пройдет четыре года, и Александр призовет его в Петербург. Вигель: «Молодой царь видел в нем умного, способного и сведущего сотрудника, веселого и приятного собеседника, преданного и откровенного друга, паче всех других полюбил его и поместил у себя во дворце».

Адам Юрий Чарторыйский

Отец — князь Адам Казимир Чарторыйский, известный политический деятель Польши, мать — саксонка Изабелла Флеминг. Двоюродный дядя — король польский Станислав Понятовский. Адам Юрий родился в 1770 году. Он был богат, знатен, великолепно образован. В 1792 году — война Польши с Россией. Адам храбро сражался, получил орден от короля. Победа России вынудила его эмигрировать в Англию. Воспитывали Адама в духе времени, поэтому королевская властность вполне сочеталась в душе его с откровенно республиканскими настроениями. Вот ведь фокус эпохи Просвещения! Словом, как только Костюшко поднял восстание, он тут же бросился спасать отечество, но по дороге домой был арестован.

За участие в войне земли Чарторыйских были конфискованы. Князь Адам Казимир пребывал с супругой в Вене. Екатерина II милостиво обещала вернуть земли, если сыновья Адам и Константин поступят на русскую службу, то есть фактически станут ее заложниками. Адам Чарторыйский оставил после себя «Записки». В них он пишет об объезде в Россию: «Это было в нашем положении самой тяжелой жертвой, которую мы считали себя обязанными принести родительской любви». В декабре 1794 года после третьего раздела Польши, после которого она фактически перестала существовать как самостоятельное государство, Адам и Константин Чарторыйские прибыли в Санкт-Петербург.

Русская столица встретила их с распростертыми объятиями, почти по-родственному. И было отчего. Сестра Адама была замужем за Людвигом Вюртембергским, братом будущей императрицы Марии Федоровны, экс-король Понятовский — бывший возлюбленный императрицы Екатерины, отца Адама Казимира хорошо помнили еще по елизаветинским временам, когда он посещал Петербург.

Адам и Константин были патриотами, а потому воспитывались в истовой любви к родине и жгучей ненависти к русским. «Записки»: «Я был до такой степени под властью двойного чувства любви и ненависти, что при каждой встречи с русским, в Польше или где-либо в другом месте, кровь бросалась мне в голову, я бледнел и краснел, так как каждый русский казался мне виновником несчастий моей родины». Высокие чувства, но не могу не добавить к этой бочке меда каплю дегтя. Собственно, я тут ни при чем, капля дегтя — это очень устойчивые измышления, подтвержденные иностранными

дипломатами и мемуаристами, которые утверждали, что отцом Адама был не князь Казимир Чарторыйский, а Н. В. Репнин, главнокомандующий русскими войсками в Польше. Якобы в молодости в Париже он согрешил с матушкой Чарторыйского. И что же получается? Мать немка, отец русский — какой же он поляк? Прямых доказательств нет, но ведь похож — вылитый молодой Репнин! Разумеется, Адам знал об этих сплетнях и, разумеется, приходил от этого в ярость.

Но со временем все наладилось. «Записки»: «Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловредных и кровожадных. С которыми мы готовились избегать всякого общения, с которыми не могли даже встретиться без отвращения, — что все эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие…»

Балы, маскарады, концерты, любительские спектакли, танцы, хорошенькие женщины. Адаму двадцать четыре года, и вся жизнь впереди. Их с братом зачислили в гвардейские полки. Обещанные земли тоже вернули, а с ними 42 000 крестьянских душ. Правда, имения родителей Екатерина оставила за собой, они уже были подарены своим.

Но самым большим и приятным подарком было для Адама знакомство с великим князем Александром. Основанием их многолетней дружбы стал разговор в дворцовом саду. Великий князь пригласил Чарторыйского в Таврический дворец, потом они пошли гулять и проговорили несколько часов. Уже давно женатый, а по сути дела, восемнадцатилетний мальчик разоткровенничался перед образованным иностранцем. Он сказал, что не разделяет политику двора, порицает принципы своей великой бабки, что сочувствует борьбе Польши за свободу, а посаженный в темницу Костюшко — великий человек. «Записки»: «Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему!»

Адам был потрясен: «Было столько чистоты, столько невинности, решимости, казавшейся непоколебимой, самоотверженности и возвышенности души в словах и поведении этого молодого принца, что он казался мне каким-то высшим существом, посланным на землю Провидением для счастья человечества и моей родины. Я дал себе обет безграничной привязанности к нему».

Император Павел косо смотрел на дружбу сына с Адамом, подозревая козни, потому в 1798 году Чарторыйский был удален из Петербурга и назначен российским посланником при сардинском короле. Три года, проведенные в Италии, он отдал не только дипломатической работе, но и изучению искусств, археологии и поэзии. Как только на престол взошел Александр, он был призван в Россию. Чарторыйский «полетел туда на крыльях».

Н. Я. Эйдельман считает, что эта четверка вкупе с великой княгиней Елизаветой Алексеевной и самим Александром была антипавловской конспирацией, которую он называет «первый заговор». Конспирация, конечно, была, но «заговор», на мой взгляд, слишком сильно сказано. Никакого заговора там не было, а были разговоры. За разговоры, кстати, в России наказывают очень жестко. Вспомним «Бабий заговор» при мягкой Елизавете. За глупую болтовню люди получили кнут, лишились языка и попали в ссылку, за разговоры Достоевский попал на каторгу, при Сталине за невинный анекдот можно было попасть под расстрел.

Эта четверка «объединилась» вокруг Александра, хотя они были очень разными людьми, друг с другом «не дружили», но их волновали одни и те же темы. От их разговоров остался сочиненный Чарторыйским «Манифест о будущем конституционном устройстве России». Манифест не попал в руки Павла, в противном случае наказание было бы очень суровым, но, боясь сильных и умных людей рядом с наследником, царь просто под разными предлогами удалил их из России. Но основа будущей политики Александра I и этой четверки уже было заложена.

Внешняя политика Павла

Мальта, крохотный остров в Средиземном море, длина двадцать семь километров, ширина — четырнадцать. Остров представляет собой выветрившийся известковый камень. «Климат теплый, умеренный морскими ветрами. Благодаря неустанным трудам есть поля, сады и огороды, для которых земля привозится из Сицилии» — так пишет энциклопедия. И еще: «Мальта — важная, сильно укрепленная морская станция на полпути между Гибралтаром и Порт-Саидом, главный операционный базис для английского флота на Средиземном море». Орден иоаннитов обосновался на Мальте в 1530 году. Мальта стала монашеским государством с главным магистром во главе. Рыцари были воинами, они защищали христианский мир от турок. В XVIII веке орден находился вне папской юрисдикции. Французская революция стала реальной угрозой ордену, который потерял принадлежащее ему имущество и земли во многих странах Европы. Добавим к этому: Мальта косвенно стала причиной Отечественной войны России с Францией.

Павел воспринимал французскую революцию как абсолютное, вселенское зло. В 1798 году гражданин Наполеон по пути в Египет решил изгнать с Мальты сам орден. Зачем нужны эти мракобесы? Франция — страна атеизма! Мы играли в мушкетеров, Павел играл в рыцарей, про остров Мальту он знал с детства. А теперь ему выпало защитить христианскую веру от злодея. Соблазнительной и крайне опасной для всей Европы революционной Франции он противопоставил идею возрождения рыцарства, да, самодержавие, да, жестокость, но благородство, справедливость и честь.

Судьба явно потворствовала его рыцарским мечтаниям. В это время в Петербурге жили и иезуиты, и рыцари-иоанниты, и эмигранты. Кого там только не было! Проживал там с 1794 года и граф Джулио Ренато Литта, кавалер Мальтийского ордена Большого креста. На его долю и выпало в 1798 году припасть к ногам императора с просьбой о помощи. Граф Джулио Литта, по-русски Юлий Помпеевич, знал, как надо разговаривать с русским императором. Он вместе с другими «рыцарями» приехал во дворец в запыленной карете, лошади были вконец измучены (где уж они там скакали, неизвестно).

— Кто приехал? — спросил государь.

— Рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского просят гостеприимства, — ответил флигель-адъютант.

— Проси…

И граф Литта попросил… Разговор ритуальный, все как на театральных подмостках. Оказывается, граф странствовал по Аравийской пустыне и увидел замок, узнал, кто живет в этом замке, и оказалось, что там живет император России Павел I. И теперь, припадая к стопам, он просит… Мальтийцы просили Павла стать их гроссмейстером, то есть главой ордена. Павел дал согласие не раздумывая, учинил «Великое приорство Российское», назначил мальтийцам пансион. Звание Великого магистра добавили в титул императора, мальтийской символикой оснастили герб. Цвет Мальтийского ордена — пурпурный, а потому конная гвардия — самая верная государю — должна носить мундиры пурпурного цвета — опять перешивать мундиры!

Мало кого так ненавидели в это время, как любимца государя Кутайсова. Когда-то при Кутайсе был взят в плен маленький «турчонок», великий князь Павел взял его под свое покровительство и сделал его своим брадобреем. Со временем «безродный турок» стал доверенным лицом императора. И вот уже бывший брадобрей пожалован в графы и сделан обер-шталмейстером Мальтийского ордена. Петербург негодовал!

В 1798 году Павел и предположить не мог, чем кончится игра в мальтийских рыцарей. А теперь я расскажу, как он подружился со своим кровным врагом Наполеоном. Верный доктрине оборонительной, при воцарении Павел решил не вмешиваться в дела европейских стран, но очень скоро понял, что это невозможно. В 1799 году он вынужден был вступить в коалицию с Англией, Австрией и Турцией против Франции, которая грозила проглотить всю Европу. Мечтой Павла было выжечь каленым железом французскую заразу — революцию, Австрию куда больше волновала потеря Италии, занятой французскими войсками. По настоянию Австрии Павел призвал опального Суворова и поручил ему руководить нашей армией. Суворов воевал блестяще. За три месяца он очистил от французских войск всю Италию. Далее следовали предательство австрияков и фантастический переход через Альпы, когда Суворов спас свою армию. Петербург готовил триумфальную встречу гениальному полководцу, но таковой не последовало. Павел за что-то обиделся на Суворова, он его даже не принял, а потом и не похоронил достойно.

Это очень обидело народ. Суворов умер 6 мая 1800 года, его провожал весь город, но это были не государственные, а народные, стихийные похороны. Все знали, что Суворов в опале, отсюда и холодность верховной власти. За гробом шли три гарнизонных батальона, гвардию не назначили в похоронную процессию, ссылаясь на усталость солдат после строевой подготовки и парада. Гвардия роптала, Суворов был гордостью

нашей армии. Это тогда Державин написал своего знаменитого «Снегиря». «Что ж ты заводишь песню военну, флейте подобно, милый снегирь?» Зачем поешь, если «громы во гробе»?

А Павел вел свою политику. Теперь уже Австрия, как союзница, императора не устраивала. Англия тоже повела себя не лучшим образом. В 1800 году она отбила у Наполеона Мальту, но не вернула остров ордену. В этот же год коалиция распалась. А что должен делать он, гроссмейстер ордена иоаннитов? Зима 1800 года была для Павла «горячей», то есть полной забот. Международные споры Павел решил по-рыцарски. Он объявил 11 декабря, то ли в шутку, то ли издеваясь, кто там разберет, что вызывает любого государя Европы на поединок, как в Древней Руси — «поле» решит все проблемы. А через день он также «на полном серьезе» предлагает папе римскому переселиться в Россию. Теперь в голове императора вызревал новый проект — объединение церквей. В первый год правления Павел объявил себя главой Православной церкви, он волен поступать со своей паствой, как ему заблагорассудится. Он и рассудил — если он глава католического ордена, то осталось только объединить католицизм и православие. Это известие смертельно напугало всю Россию. Об этом много писали, но граница между тем, что действительно хотел Павел, и тем, что ему приписывали, очень зыбкая.

Тут на русскую сцену и выходит Наполеон. Его задачей было сокрушить Англию, а для этого нужна была помощь России. Война эта, как и большинство войн, носила экономический характер, боролись за рынки сбыта. Наполеон ввел континентальную систему, запрещающую английским кораблям входить в порты союзников. А с Павлом он был согласен дружить. Для начала он вернул России пять тысяч наших пленных, вернул с оружием, в новых мундирах, а взамен попросил своих пленных солдат. Жест был красивый. Конечно, Павел заглотил наживку. Начались переговоры, потом переписка.

А тут весьма кстати французы получили назад Мальту, по Амьенскому договору англичане обязаны были через год «очистить» остров. Наполеон тут же стал делить шкуру неубитого медведя, он намекнул Павлу, что подарит ему Мальту. Сбывались все мечты, Господь услышал его молитвы, он вернет Мальту своим верным рыцарям.

Первое письмо Наполеону (18 декабря): «Я не говорю и не хочу говорить ни о правах, ни о принципах различных образов правления, принятых каждой страной. Но… я готов выслушать Вас и говорить с Вами». Павел уже ждет нападения англичан и заключает союз с Данией и Швецией, далее дает распоряжение об

обороне Соловецких островов — на всякий случай.

Итогом переписки Павла с Наполеоном стал еще один фантастический проект, который затмил по масштабу даже «испанские замки» его матушки. Наполеону надо подорвать могущество Англии на суше, на море и в Индии. В последнем Павел должен ему помочь. Наполеон так сформулировал задачу: «Изгнать безвозвратно англичан из Индостана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига». Документов о подготовке французских войск в поход на Индию осталось очень мало. Во всяком случае, сам Наполеон освобождать «прекрасные страны» не торопился, а Павел был весь «огонь и пламень». 12 января 1801 года казачье войско (22 507 человек) с пушками и полным вооружением, даже двенадцать верблюдов было «в арсенале», но без плана кампании, без подготовки, практически без карт направилось по заснеженным степям на Восток. Куда? Завоевывать Индию. План кампании содержался в строгой тайне, но очень скоро слухи просочились в гостиные. Господи, что мы там потеряли? Теперь уж обе столицы, и Петербург, и Москва, при упоминании имени императора вертели пальцем у виска — безумен, конечно, безумен… Однако сам Наполеон вовсе не считал этот проект безумным. Он и в войну с Россией ввязался, чтобы раздавить Англию. Россия нужна была ему послушной.

Заговор

Первым о смещении императора при регентстве сына Александра заговорил Н. П. Панин — сын генерала Петра Панина и племянник Никиты Панина, важного государственного деятеля и воспитателя Павла. Н. П. Панину двадцать девять лет, он дипломат, тайный советник, в 1799 году он стал вице-канцлером Коллегии иностранных дел, то есть вторым лицом после канцлера Ростопчина — правой руки императора Павла. К истокам заговора следует также отнести авантюрного склада даму О. А. Жеребцову — родную сестру Платона Зубова и английского посла лорда Витворда (ее любовника). Англия в устранении Павла принимала самое горячее участие.

Потом появился Петр Алексеевич Пален, курляндец, человек ловкий, веселый, умный, беспринципный, назначенный Павлом генерал-губернатором Петербурга. Эйдельман: «Пален был ярчайшим представителем того мощного клана «просвещенных циников», которых прежде возглавляла Екатерина II и Потемкин».

Н. П. Панин первым завел с Александром разговор о регентстве. Наследник не соглашался, потом к уговорам присоединился Пален, в ход пошли слова о «высоком долге, страдающем Отечестве, государь болен, Россию надо спасать!». Сам Пален говорил, что Александр «знал и не хотел знать». Чарторыйский в «Записках» пишет о сокровенном желании наследника — делайте, что хотите, но без меня. Что ж, его можно понять. Он не хотел, не мог брать на себя ответственность в столь серьезном деле.

Пален очень осторожен в выборе заговорщиков. Решено было привлечь к делу клан Зубовых. Платон Зубов в ссылке, сидит в своем имении, как-то надо вернуть его в Петербург. Способ, надо сказать, очень неожиданный, находит Жеребцова. Надо привлечь к делу Кутайсова. Бывшим брадобрей пользуется неограниченным доверием императора. А как использовать Кутайсова? Пусть Платон Зубов предложит руку его дочери, Кутайсов не устоит перед соблазном породниться с семейством фаворита самой Екатерины. И ведь получилось! И свадьба была, и Платон с братьями вернулся в Петербург, и Павел был к ним благосклонен.

Вокруг кипят настоящие шпионские страсти. Любовница Кутайсова актриса Шевалье работает на Францию. Есть еще некая мадам Бонейль — агент Наполеона. Между Лондоном и Петербургом идет активная переписка, в ходу шифр и симпатические чернила. Семен Воронцов, наш бессменный посланник в Англии, уже получил отставку, но пока не едет в

Россию, ссылаясь на нездоровье, живет как частное лицо. Новосильцев тоже в Лондоне. Воронцов переписывается с ним, используя вместо чернил лимонный сок.

Семья

Павел подозревает всех и вся, он всегда был мнительным, а сейчас у него появилась мания преследования. Честнее сказать, не мания, а обостренная интуиция. Удивительно, он ведь все знал, чувствовал! С семьей плохо. Отношения со старшим сыном хуже некуда, он подозревает, что Александр хочет отнять у него власть. С женой тоже все из рук вон плохо. Павел даже велел забить в своей спальне дверь, ведущую в комнату Марии Федоровны.

Сразу после коронации в 1797 году у императора появилась фаворитка. Место друга сердечного Нелидовой занимает Анна Лопухина, черноглазая красавица (впоследствии Лопухина-Гагарина). Это сразу ослабляет политическое влияние Марии Федоровны при дворе и ведет к полной перестановке ближайшего окружения. Клан князя Куракина, старого друга Павла, получает отставку, теперь в чести Лопухины. В 1799 году умер Безбородко, канцлером стал Федор Ростопчин, человек сильный, умный и циничный. Отставки следуют одна за другой.

Михайловский замок начали строить в феврале 1797 года на месте бывшего летнего дворца Елизаветы Петровны. Павел сам заложил первый камень. Название замка «подсказал» некий солдат. Он увидел во сне архангела Михаила. Солдата привели к императору. Рассказ его произвел сильнейшее впечатление. Последнего сына Павел тоже назвал Михаилом. Замок строился как прибежище рыцаря, от города его отделяли луг, рвы, подъемные мосты, внутри замка было полно коридоров, тайных лестниц, подземных переходов.

Замок строили четыре года. 1 февраля семья переехала в еще не успевший высохнуть после отделки Михайловский замок. На следующий день по случаю открытия был назначен маскарад, было три тысячи гостей. Всем велено было радоваться и веселиться, но гости боялись хмурого дворца, боялись его хозяина — невеселое было новоселье.

А на следующий день Павел велел заколотить дверь в комнату жены. Зато открытой осталась дверь к потайной винтовой лестнице. Лестница вела в комнату возлюбленной — Анны Лопухиной-Гагариной. Анна тоже переселилась в замок.

В начале февраля в Петербург прибыл тринадцатилетний племянник Марии Федоровны принц Евгений Вюртембергский. Мальчик был не просто обласкан царской семьей — это был фавор. С чего вдруг? Судя по камер-фурьерскому журналу, внимание к принцу никак не соответствовало ни его

человеческой, ни политической значимости. Известно, что Павел сказал воспитателю принца генерал-майору Дибичу, что он вскоре «сделает для принца нечто такое, что всем заткнет рот и утрет носы». Но на чужой роток не накинешь платок. Столица жила в озлоблении, страхе, в полном непонимании происходящего, сплетни росли как снежный ком. И как теперь отделить правду от вымысла? Рассказы свидетелей, мемуары, записки об этом времени появились много позднее. Я думаю, что плохая репутации Павла во многом создана искусственно и связана с тем, что современники, хоть и не хотели врать, подсознательно оправдывались, что так радовались потом убийству Павла. Принц Евгений, посетив Россию десять лет спустя, с удивлением узнал, что Павел хотел женить его на своей дочери Екатерине — всего лишь! Остальное додумывало окружение. А что, если Павел в нарушение принятого им закона объявит наследником не сына, а племянника?

Все эти слухи умный Пален брал на заметку, было чем торговаться с Александром. Великому князю уже была рассказана принятая на Западе процедура отставки неугодных правителей, неугодных по болезни — безумию. Если так делают в просвещенных государствах, но почему бы России не воспользоваться их опытом? А тут поступил «живой материал», известный со слов Кутайсова. Якобы… Павел собирается поступить следующим образом: Марию Федоровну сослать в Холмогоры, где обреталась в заточении несчастная Брауншвейгская семья, Александра — в Шлиссельбург, Константина — в Петропавловскую крепость. А что сам Павел? Не иначе как женится на Лопухиной-Гагариной. Нет никаких документов, что Павел собирался это сделать. Не исключено, что сам Пален и распространял эти сплетни. Когда собираешься вести человечество к счастью, все средства хороши.

Пален прожил долгую жизнь, даже с Пестелем успел встретиться в Митаве и поговорить — обменяться опытом. До самой смерти бывший генерал-губернатор твердил, что положение его и заговорщиков было безвыходное, надо было действовать немедленно, иначе бы они все кончили жизнь на плахе. То есть все содеянное ночью 11 марта было сделано как бы в целях самообороны.

А Павел «дурил». 20 сентября последовала отставка канцлера Федора Ростопчина, вице-канцлер Н. П. Панин был еще раньше отставлен. Опять у руля новые люди. Уже в марте Александр и Константин два раза подвергались аресту, после которого повторно приносили присягу отцу-императору.

Примечателен изложенный французским эмигрантом графом

Ланжероном разговор Палена с императором 9 марта 1801 года. Все происходило за три дня до убийства. Разговор этот, похожий на анекдот, изложен во всех учебниках. Я дам его с некоторыми сокращениями.

«9 марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным…

— Фон Пален, вы были здесь в 1762 году?

— Да, ваше величество. Но что вам угодно этим сказать?

— Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?

— Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку… Но почему, ваше величество, вы задаете мне подобный вопрос?

— Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и ответил:

— Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

— Как?.. Что вы мне говорите?

— Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намереваются они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими Вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалил от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражал и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни одного слова без моего ведома…

— Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать».

Если быть уверенным, что такой разговор состоялся, хочется воскликнуть: «Ну и подлец, но какая выдержка!» Ясно также, что Павел знал о заговоре и целиком доверился Палену. Главное для меня в этом рассказе — концовка: «…я тут же написал об этом великому князю».

Александр уже поддался уговорам. Он согласен наследовать

отцу, но он взял с генерал-губернатора клятву, что при перевороте жизнь отца не будет подвергаться опасности. Пален был во всем с ним согласен. А кто склонит Павла к отречению? Сенат. Сенат есть представитель народа, и отречение можно будет сделать без участия великого князя. Александр уже придумал, что отец будет жить в своем Михайловском замке, заниматься семьей, искусством, внуками, в конце концов. Он не видел ничего страшного в такой жизни, недаром он с ранних лет хотел для себя жизни частного человека.

Павел поверил заверениям Палена, но в тот же день, ввиду опасности положения, вызвал письмом опального Аракчеева, которому верил безусловно. Аракчеев сразу бросился в Петербург, но его не впустили в город. Он был задержан на заставе. Объяснение простое: генерал-губернатор Пален заведовал почтами, всякое сколько-нибудь стоящее письмо перлюстрировалось. Поэтому он дал четкий приказ — Аракчеева в Петербург не впускать.

Убийство

Заговорщики были готовы к действию, но не знали, как все произойдет. Точного плана практически не было, и они не раз спрашивали Палена: «А что делать, если царь откажется подписать бумагу об отречении?» Пален ни разу не дал вразумительного ответа. Произнесенная им пословица «Чтобы сделать омлет, надо разбить яйцо» — не в счет, это всего лишь формула речи. Пален все предвидел заранее, но он знал, что придется отчитываться перед Александром, поэтому ни разу не произнес слово «убийство».

Накануне была произведена перетасовка караула, замок должны охранять верные Палену люди. Последний сбор, последнее совещание и ужин, конечно. 11 марта ночью заговорщики собрались в саду Михайловского замка. «Надело пошли двумя группами», но группа Палена «заблудилась» в коридорах дворца. В покои императора вошло около десяти человек под предводительством адъютанта Преображенского полка Аргамакова.

Все офицеры были пьяны, за ужином хорошо выпили для храбрости. Павлу предложили подписать бумагу об отречении, он отказался. Кто именно был убийцей, сказать нельзя. Да они и сами не знали. Навалились скопом. Николай Зубов ударил императора табакеркой в висок, кто-то снял с себя офицерский шарф, им и удушили Павла. Перед смертью он крикнул: «Что я вам сделал?»

Льва Николаевича Толстого очень интересовала фигура Павла, он хотел написать о нем книгу, но так и не собрался, не получилось, да и материалов было недостаточно. Потом кое-какие материалы появились. В дневнике от 12 октября 1905 года Толстой написал: «Читал Павла — какой предмет! Удивительный». В другом месте Толстой дал Павлу I характеристику: «…признанный, потому что его убили, Павел, так же как его отец, был несравненно лучше жены и матери». И такая может быть точка зрения. После.

Ни Пален, ни Платон Зубов не присутствовали при самом убийстве. Позднее великий князь Константин будет повторять: «Я спал как сурок, я ничего не знал». Александр знал, поэтому вместе с женой провел всю ночь без сна. Об этой роковой ночи с 11 на 12 марта 1801 года очень много написано воспоминаний, в них масса разночтений, как, впрочем, и должно было быть. Кто первый сообщил об убийстве отца Александру? Из воспоминания КМ. Полторацкого:

«…я был счастлив его воцарением, я был молод, возбужден и, ни с кем не посоветовавшись, побежал в его апартаменты. Он сидел в кресле, без мундира, но в штанах, жилете и синей лентой поверх жилета… Увидя меня, он поднялся, очень бледный; я отдал честь, первый назвав его «Ваше императорское величество».

— Что ты, что ты, Полторацкий! — сказал он прерывающимся голосом.

Железная рука оттолкнула меня, и Пален с Беннигсеном приблизились. Первый очень тихо сказал несколько слов императору, который воскликнул с горестным волнением:

— Как вы посмели! Я этого никогда не желал и не приказывал! — И он повалился на пол.

Его уговорили подняться, и Пален, встав на колени, сказал:

— Ваше величество, теперь не время… Сорок два миллиона человек зависят от вашей твердости…»

Отчаяние Александра было действительно ужасным, он плакал, как ребенок. Ланжерон записал со слов генерал Беннигсена: «Император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному. Пален, встревоженный образом действия гвардии, приходит за ним, грубо хватает его за руку и говорит:

— Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии!»

Его долго уговаривают, напоминают о долге, Пален объясняет, что все получилось «само собой, а он ни при чем», офицеры были пьяны и пр. Потом подсказывают, что надо говорить, и, наконец, Александр предстал перед гвардией. Слова его были кратки. Смысл их таков: «Государь наш Павел I скончался апоплексическим ударом. При мне все будет как при бабушке».

Солдаты должны были присягать новому императору. С семеновцами, подчиненными Александру, все прошло самым лучшим образом, а с преображенцами произошла заминка. Вместо криков «ура» упорное молчание. Верный Павлу конный полк тоже не выказал особой радости, солдаты желали убедиться, действительно ли прежний император мертв — доверия к верхам не было, а страх оставался. Наконец с присягой все уладили, но тут еще одна неурядица, которую Пален и заговорщики никак не ожидали. Права на власть предъявила императрица Мария Федоровна. А почему бы нет? Семьдесят с лишком лет трон в России занимали женщины, а чем она хуже. Ей сорок два года, она здорова, полна сил, в России у нее есть верное окружение. Правда, она немка, но Екатерина Великая тоже была немкой. Словом, узнав, что трон наследует Александр, она отказалась

признать власть сына.

Александр уже уехал из Михайловского замка в Зимний дворец, он не был свидетелем тяжелой сцены. Мария Федоровна рыдала, требовала подробностей, кричала: «Теперь только я ваша императрица» — и рвалась к телу покойного мужа. Естественно, ее не пускали. Как можно было показать ей обезображенный труп, над ним теперь трудились лейб-медики, приводя его в надлежащий вид. Вот рассказ Вельяминова: «Вдруг императрица Мария Федоровна ломится в дверь и кричит: «Пустите, пустите!» Кто-то из Зубовых сказал: «Вытащите вон эту бабу». Евсей Горданов, мужчина сильный, схватил ее в охапку и принес, как ношу, обратно в ее спальню». Сцена ужасная! Может, автор этого рассказа несколько преувеличил, излишне расцветил подробности, но это не важно. Мария Федоровна, пока еще императрица (этот титул и останется за ней), стоит пленницей среди пьяных убийц, которые не только уверены в своей безнаказанности, но еще позволяют глумиться, вести себя героями. И ничего нельзя сделать. Они убили законного императора, в конце концов — они толпой убили человека, но уверены в своей правоте. Таков страшный закон революции.

Тогда Мария Федоровна решила обратиться к солдатам, стоящим под стенами замка, но ее не пустили на балкон. Царицу сопровождали дочь Анна, Елизавета Алексеевна, практически уже императрица, все уговаривали ее успокоиться. Наконец явился Беннигсен. Он приказал гвардейцам пустить несчастную женщину к телу мужа. Она упала на него с громкими криками и рыданиями. Современники говорили, что в этих рыданиях было много показного, театрального, отношения Марии Федоровны с мужем последнее время были не просто плохими, ей было впору опасаться за собственную свободу. Но не нам ее судить. Это — раз. А два, смерть — всегда смерть, и это страшно. Вечером ужинали вместе, а теперь замазывай не замазывай синяки и раны, смывай кровь, а все равно видно, как эти люди изуродовали ее мужа. Вряд ли ее слезы были притворными. Ведь двадцать пять лет прожили вместе!

— Император просит вас приехать в Зимний дворец, — сказал Беннигсен.

Мария Федоровна поняла, что речь имеет об Александре.

— Кто называет его императором?

— Голос нации, — выспренно ответил Беннигсен, во всяком случае так описывают эту сцену.

— Я его не признаю, пока он не отчитается за свое поведение, — таков был ответ.

В чем она подозревала сына? Одно ясно они ни о чем не

договаривались, ничего не обсуждали, а потому Мария Федоровна могла подозревать самое худшее. Не помню, в чьих мемуарах описан этот «вопрос — ответ». Мария Федоровна Александру:

— Ты знал?

— Нет, — отвечает сын.

Беннигсен: «Тщетно я склонял ее к умеренности, говоря об обязанностях по отношению к народу, обязанностях, которые должны были побуждать ее успокоиться, тем более что после подобного события следует всячески избегать всякого шума. Я сказал ей, что до сих пор все спокойно в замке, так и во всем городе; что надеются на сохранение этого порядка и что я убежден, что ее величество сама желает тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдет, то ее крики могут подействовать на дух солдат, как я уже говорил, весьма привязанных к покойному императору. На все эти представления она погрозила мне пальцем со следующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я вас заставлю раскаяться»». Какое длинное, гладкое, казенное описание генерала и какой емкий и по делу ответ императрицы! Мария Федоровна смирилась, куда деться, но с этого времени она будет находиться в оппозиции к сыну. Александр не был ее любимцем, он был «бабушкин» и таковым остался на всю жизнь.

А что народ? Народ ликовал. К вечеру во всех лавках Петербурга не осталось ни одной бутылки шампанского.

Правда, так называемый «простой» люд, по обыкновению, безмолствовал. В Москве известие о смене власти появилось уже 15 марта. Весть привезли два генерала «в аннинских лентах, неумытых, невыбритых, забрызганных грязью», как пишет Ф. Ф. Вигель. Это были князь Сергей Долгоруков и бывший полицмейстер Москвы Каверин, он должен был сменить Эртеля и вступить в прежнюю должность. Народ веселился, известие о смерти Павла совпало с Вербным воскресеньем, на улице полно карет, колясок. «Только два дня посвящены были изъявлению радости; на третий загремели проклятия убиенному, — пишет Вигель и добавляет с грустью: — Новые же поколения, внимая рассказам, видят более смешную, чем ужасную сторону сей эпохи, чрез которую прошло их отечество». Как не согласиться с Филипп Филипповичем Вигелем? Люди не хотят, а может, и не могут воспользоваться опытом предыдущего поколения. Все начинают с белого листа. Грустно это.

Первые указы

Уже на следующий день после переворота на улицах появились и круглые шляпы, и жилеты, и прически с «широкими большими буклями». Первые распоряжения молодого царя: вернуть с полпути донских казаков — завоевателей Индии, заключить мирные договоры с Англией, Испанией и Францией. Дальнейшие усилия Александра I были направлены на внутренние дела, которые назывались преобразовательными. Сразу вышли два манифеста. 2 апреля 1801 года дворянам была возвращена Жалованная грамота, запрещены телесные наказания священников и дьяконов, уничтожена Тайная экспедиция и запрещены пытки. Из ссылки были возвращены 12 000 военных и чиновников. Отменены были ярые павловские указы: люди опять могли выезжать за границу, получать иностранные книги, журналы и ноты. Как не вспомнить Пушкина: «Дней Александровых прекрасное начало…» Молод, красив, умен, добр — императора не просто любили, но обожали, он был спасителем Отечества, на него возлагали самые смелые надежды.

А что сам Александр? Вигель: «Первые три месяца после кончины Павла граф Пален царствовал в России, кажется, более, чем император Александр». Нельзя полностью подтвердить это заявление, но, видно, таково было мнение некоторой части общества. Далее Вигель пишет: «Он (Пален) был душою заговора против своего благодетеля и хотел быть главою государства; старый, преступный временщик был, однако же, обманут притворной скромностью молодого царя и в один миг с высоты могущества низвергнут в ссылку. Сей первый пример искусства и решимости нового государя, боготворимого и угрожаемого в одно время и коего положение было не без затруднений, мог бы удивить и при Павле, когда такие известия почитались самыми обыкновенными. Но Москва и Россия утопали тогда в веселье; сие важное происшествие едва было замечено людьми, еще хмельными от радости».

Пален получил отставку 17 июня 1801 года, он должен был покинуть Петербург и проживать далее безвыездно в своем имении под Митавой. Россия много позднее узнала об его участии в заговоре, да и самом заговоре тоже. Сам Пален почитал себя спасителем Отечества, а Александр находился в смятенном состоянии, он был растерян, несчастен, одинок, мысль об ужасной смерти отца, которой он был невольным участником, терзала его ежечасно. Он сразу возобновил переписку со своим другом и воспитателем. Вот письмо Александра Лагарпу от 6 мая 1801

года: «Первым истинным удовольствием, которое я испытал с тех пор, как оказался во главе моей несчастной страны, было то, что я получил Ваше письмо, мой настоящий и дорогой друг. Я не могу передать Вам все, что я почувствовал, особенно увидев, что Вы по-прежнему сохранили те же чувства, которые так дороги моему сердцу и которых не могли изменить ни отсутствие, ни прекращение отношений…» Это Лагарп подсказал Александру необходимость наказать убийц его отца. Л. Л. Беннигсен получил отставку позднее. 11 июня 1802 года его произвели в генералы от кавалерии и перевели в Вильно на военно-административную должность. Отставлен был и Платон Зубов. Мягкое наказание, что и говорить, но Александр не был кровожаден, главное — убрать их всех с глаз долой.

Адам Чарторыйский: «Наконец я снова увидел Александра, и первое впечатление, которое он произвел на меня, подтвердило мои тревожные предчувствия. Император возвращался с парада или учения, как будто бы его отец был еще жив. Он казался бледным и утомленным. Он принял меня чрезвычайно ласково, но имел вид человека печального и убитого горем, чуждого сердечной жизнерадостности, свойственной людям, не имеющим основания следить за собою и сдерживаться. Теперь, когда он был уже властелином, я стал замечать в нем, быть может ошибочно, особенный оттенок сдержанности и беспокойства, от которых невольно сжималось сердце. Он пригласил меня в свой кабинет… «Если бы вы находились здесь, — продолжал государь, — всего бы этого не случилось: будь вы со мною, я никогда не был бы увлечен таким образом…» Затем он стал говорить мне о смерти своего отца в выражениях, полных скорби и раскаяния невыразимого».

Счастье для исследователей, что Чарторыйский оставил нам свои «Записки». В августе 1801 года Александра короновали в Москве. Это пышное, ритуальное действо при огромном скоплении ликующего народа тоже было Александру поперек горла. Адам Чарторыйский: «Коронационные торжества были для него источником сильнейшей грусти. У него были минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок».

Интересны в «Записках» Чарторыйского рассуждения Валериана Зубова по поводу отставки его брата. В свое время Платон Зубов помог Чарторыйскому вернуть земли его отца, и тот, чувствуя себя обязанным, устроил братьям Зубовым встречу с Александром. Через день-два Валериан Зубов попросил Чарторыйского о встрече.

«Во время разговора он (Валериан) много и подробно говорил о совершившейся революции и о современном настроении умов,

жалуясь, что государь не высказался за своих истинных друзей, которые возвели его на престол, пренебрегая всеми опасностями ради его дела. «Не так действовала императрица Екатерина, — говорил Зубов. — Она открыто поддерживала тех, кто ради ее спасения рисковали своими головами. Она не задумалась искать в них опору, и, благодаря этой политике, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла рассчитывать на их безграничную преданность. Обещая с первых дней вступления на престол не забывать оказанных ей услуг, она этим приобрела преданность и любовь всей России. Вот почем, продолжал граф Валериан, царствование Екатерины было столь могущественным и славным, потому что никто не поколебался принести величайшую жертву для государыни, зная, что он будет достойно вознагражден. Но император Александр, своим двусмысленным, нерешительным образом действий, рискует самыми плачевными последствиями; он обескураживает и охлаждает рвение своих истинных друзей, тех, которые только желают доказать ему свою преданность»».

Что-то людоедское есть в словах Валериана, при этом он совершенно искренен. Да, убийство, но ведь «во благо Отечества»! Матушке Екатерине II обеспечили трон также убийством, что делать, пришлось во имя службы и справедливости, и она всех за это отблагодарила — что правда. Александр оказался в такой же ситуации, но вместо наград он воротит от нас нос, да еще и наказывает. Надо ли говорить, что мои симпатии целиком на стороне Александра, а к его премудрой бабке именно из-за убийства ее мужа и вечной попытке во всем винить его, убитого, всегда чувствовала настороженность.

«Комитет общественного спасения»

Так в шутку, помня французские уроки, называли тайный комитет его участники — уже описанная мной четверка, — призванная в Петербург Александром сразу после воцарения. Энциклопедия называет этот комитет «кружком», так как он не имел официального названия. Во главе комитета стоял сам Александр, его члены: Н. Н. Новосильцев, Адам Чарторыйский, П. А Строганов и В. П. Кочубей. Смело можно утверждать, что подобного комитета не было нигде в мире. Тайным он был потому, что формально власть принадлежала Непременному комитету, а также важным опытным сановникам Сената. Их четверка прозвала «инвалидами», пусть себе работают, а мы будем направлять, куда России плыть.

Александр — Лагарпу: «Нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы… Дай только Бог, чтобы мы могли когда-нибудь достигнуть нашей цели — даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание».

Такой же точки зрения придерживался и комитет, но сколько ругани досталось им и от современников, и от критически настроенных потомков! Балованные, самонадеянные мальчишки, для которых родной язык — французский! Они совершенно не знают и не понимают русской действительности, они неопытны, а туда же! Да и нужна ли русскому человеку свобода? Будем справедливы. Двести лет опытные мужи с великолепным знанием русского языка решают эту задачу, «а воз и ныне там». Про Ленина – Сталина я не говорю, но интересно, что бы сказал Александр, скажем, заглянув в наш 2011 год.

Комитет начал работу 24 июня 1801 года, еще до коронации Александра, и просуществовал до 1803 года. Собирались в Зимнем дворце по понедельникам. Император приглашал на обед гостей, пили, ели, расходились. Потом означенная четверка возвращалась во дворец — в маленький кабинет Александра во внутренних покоях. Заседали «без протокола» — говорили и спорили до хрипоты. Счастье для последующих исследователей, что Павел Строганов иногда записывал, о чем говорили. Записки эти сохранились. Со временем их опубликовал великий князь Николай Михайлович Романов, политический деятель и историк, расстрелянный в 1918 году большевиками.

Надо отдать должное демократизму комитета, первую скрипку в нем играл вовсе не император. Но Александр умел слушать. Екатерина Великая «Наказ» написала, но не дала России строгой системы управления. Комитет решил вначале изучить состояние дел в государстве, а потом заняться усовершенствованием центрального управления. Екатерининский Государственный совет собирался от случая к случаю, поэтому он был упразднен. Для начала вместо него создан Непременный совет — постоянное учреждение из двенадцати человек. Совет делился на департаменты. Коллегии были преобразованы в восемь министерств. Новым в этом преобразовании было единоличное, а не коллегиальное управление, было кому отвечать за плохую работу. Чарторыйский стал министром иностранных дел, Павлу Строганову были поручены дела внутренние.

Александр считал необходимым продолжить дело Павла — уравнять сословия перед законом. Указом от 12 декабря 1801 года купцам, мещанам и казенным крестьянам разрешалось покупать земли без крепостных. Рушилась монополия дворянства на владение землей. Дворянство было обижено не только этим законом. При воцарении Александр оно ожидало от него обычных подарков — крестьян с землями.

Ведь обещал же государь, что «все будет как при бабушке», а Екатерина делала всю жизнь очень щедрые подарки. Но Александр не подарил в личное пользование ни одного казенного крестьянина.

Конечно, на комитете обсуждался вопрос об отмене крепостного права, только не знали, как это сделать. Недаром Пушкин говорил, что в России главный либерал — сам царь, а вот окружение весьма консервативное. Не только «дремучие крепостники», но и светлые головы (Карамзин, Державин) были против отмены крепостничества, боялись бунта.

Интересны рассуждения Павла Строганова: «В вопросе об освобождении крестьян заинтересованы два элемента — народ и дворянство; неудовольствие и волнение относятся, очевидно, не к народу. Что же такое наше дворянство? Каков его состав? Каков дух его? Дворянство состоит у нас из известного числа людей, которые сделались дворянами только при помощи службы, которые не получили никакого воспитания и все мысли которых направлены только на преклонение перед властью императора. Ни право, ни справедливость — ничто не может породить в них даже идеи о самомалейшем сопротивлении. Это класс общества самый невежественный, самый презренный, по духу своему самый тупой». Во как! Это было сказано прямо в глаза императору.

Ремарка автора: в XIX веке разумным и наиболее либеральным было обычно начало правления, а у нас — его конец, перед новыми выборами. Здесь и реформы, и послабления в режиме, и возможность критиковать самую вершину, острие айсберга. Официально разрешено не соглашаться и ругаться. Даже ТВ открыло свое окно, вернее, прорубило некую щель для сквозняка. Стали говорить — думай, советуй, высказывай свое мнение! Выбрали очередного царя, экран расправился, щель замазали, и опять у людей одна возможность — только славить и благодарить.

Мы в конце 80-х были уверены, что нам нужно только слово правды. Если мы сможем говорить правду, то советский мир сразу рухнет. Он и рухнул, но вовсе не от тех «слов правды», на которые мы так рассчитывали, а по законам экономики. Но на тощей нашей земле вырос такой бурьян, что полезных ростков просто не рассмотреть. А словом правды в конце правления хоть захлебнись, наверху тебя просто не услышат.

Наиболее серьезные преобразования Александра были сделаны в системе просвещения. Созданы четыре типа училищ (приходские, уездные, гимназии и университеты). Новые университеты были открыты в Казани и Харькове, Царскосельский и Демидовский (в Ярославле) лицеи тоже открыты на правах университета. Александр сделал еще много полезных дел, всех не перечислишь, но мне хочется сказать пару слов об основании 16 мая 1802 года по рескрипту Александра «Императорского Человеколюбивого филантропического общества для вспомоществования истинно бедным». Общество обеспечивало «истинно бедных» бесплатной медицинской помощью, бесплатной юридической помощью. За время правления Александра этим обществом было основано десять богоугодных заведений, и что меня особенно трогает — «в круг действий общества входило также поощрение недостаточных литераторов, художников и пр.». Двести лет назад уже заботились о «недостаточных литераторах» — это очень показательно. (А сейчас все литераторы стали «недостаточными». Профессия превратилась в хобби.)

Чего хотела эта четверка? Деньги им были не нужны, они и так были богаты, знатности им было не занимать, карьера им при любом раскладе была обеспечена. «Девиз нашего комитета, — напишет потом один из них, — заключается в том, чтобы стоять выше личного интереса, не принимая наград и отличий».

Сейчас невозможно с полной точностью вычленить из огромной преобразовательной работы сделанное именно негласным комитетом, официальное правительство тоже активно

работало, но значение этой четверки в истории России очень велико. Это был зародыш русской интеллигенции в самом хорошем значении этого слова. Эти молодые люди определили ход страны на много лет вперед. Нам бы не горячиться, не торопиться выводить солдат на Сенатскую площадь, не собираться в стаи для организации кружков и заговоров, не метать бомбы, не писать прокламации, но добросовестно работать, по возможности быть честными, подметать улицы и стричь газоны, а там смотришь — и потихоньку, полегоньку стали бы с Европой в ряд. Надоело быть в хвосте.

И кто там разберет, кто из этой четверки был всех ближе Александру. Может быть, пылкий Строганов? Очень долго сохранялась дружба императора с «врагом всего русского» Чарторыйским, об этом свидетельствуют его «Записки». Но Чарторыйский жил долго, успел все записать и письма сохранил, а Кочубей не оставил ни дневников, ни записок, но именно его, осторожного и невосторженного, Александр призвал в трудные годы — в конец царствования. Это же можно сказать и про Новосильцева.

Семья

Неизвестный автор, современник Александра, так описывает 27-летнего царя: «Черты его лица, соединяющие в себе выражение кротости и остроумия, чрезвычайно приятны. Волосы прекрасного белокурого цвета, а полное, совершенно соразмерное лицо, напоминает в профиль императрицу Екатерину II. Он выше среднего роста и обладает столь же грациозною, как и благородной осанкою. Легкая глухота заставляет наклонять немного голову вперед и вправо. Крепкое, по-видимому, сложение императора подает надежды на долгую жизнь, тем более что он не поддается своим страстям. Александр отличается живым и быстрым соображением, справедливым и положительным умом; он выражается изящно и с прелестью основательной беседы соединяет вежливость в выражениях, какую редко встретишь даже в частном лице. Его обращение с министрами и приближенными отличается деликатностью, скромностью и, быть может, даже некоторой недоверчивостью к своим познаниям, которая, вероятно, исчезнет, когда все его предприятия увенчаются успехом». Благостная картинка. Можно подумать, что автор этих строк несколько пересластил предмет, слишком он сам «деликатен и скромен», но если сверить эти записки с другими, вышедшими из-под пера современников, то надо признать — картинка очень совпадает. Ругают Александра в основном потомки, очень бывают строги. «Некоторую недоверчивость к своим познаниям» у Александра они называют нерешительностью, трусостью, нежеланием доводить дело до конца, а иногда и просто ленью.

Но вернемся к неизвестному автору. Он пишет про распорядок дня Александра, уверенно сообщая, что он один из самых трудолюбивых монархов Европы (это как посмотреть и смотря с кем сравнивать). Император встает в шесть утра, работает до десяти, затем присутствует при разводе войск, а перед обедом катается по городу верхом или в карете. Обедает обычно с ее величеством, к обеду приглашаются знатные гости. После обеда он уходит в свой кабинет и работает до восьми вечера. Далее вечерняя жизнь, наверное, балы, салоны, беседы с дамами, у которых он имеет необыкновенный успех. Позднее про Александра писали, но желание нравиться было у него почти манией, причем нравиться не только прекрасному, но и сильному полу. Он должен был очаровать собеседника.

Неизвестный автор очень осторожно пишет, что только военному делу Александр посвящал больше времени, «нежели

прочим отраслям администрации». Но будем точными — армия была истинной страстью Александра. И удивительное дело — среди Романовых не было ни одного сколько-нибудь известного полководца, и все они были помешаны на армии, но только Петр рассматривал армию как средство войны — защиты, обороны, наступления — не важно, но именно войны. Прочие государи были покорены ее красотой, дисциплиной, общей разумностью устройства, стройностью шеренг и, конечно, парадами. Это была врожденная, генетическая черта. Чарторыйский называл это «парадоманией».

В казарме Александр чувствовал себя как дома. С. П. Мельгунов пишет, что в 1803 году Александр дает свое знаменитое предписание: при маршировке делать шаг в один аршин и таким шагом по семьдесят пять шагов в минуту, а скорым по сто двадцать и «отнюдь от этой меры и кодексу ни в коем случае не отступать». Огромное внимание уделялось одежде различных войск, ценилось при этом не удобство, а красота, «как смотреться будет». Безумно важно, например, было поменять суконную форму гренадеров драгунского полка василькового цвета на зеленую. Не оставляли вниманием и всяческий приклад, как то: пуговицы и дощечки для их «чищения», щетки для усов, водоносные фляжки из двойной жести с четырьмя яловочными ремнями, патронные сумки, ранцы, галуны, бляхи и прочее. Во все это Александр вникал, мог подолгу обсуждать. Генерал С. А. Тучков в своих записках пишет, что однажды на плацу у него вышел интересный разговор с императором, тема была несколько щекотливой: мол, ружье изобретено не только для того, «чтобы им делать на караул». Вдруг Александр забывает о собеседнике и кричит громко:

— Носки вниз!

Император мог часами наблюдать за маршировкой. «Он качался беспрестанно с ноги на ногу, как маятник у часов, — пишет далее Тучков, — и повторял беспрестанно слова: «Раз-раз» — во все время, как солдаты маршировали». «У нас были шаги петербургские, могилевские и варшавские», — вспоминает М. И. Муравьев-Апостол. Видимо, название шагов шло от названия полка.

На современного человека это может произвести странное впечатление, армия ведь не балет, хотя любовь к военным экзерцициям и парадам сохранилась и в наше время. Мальчики играют в солдатиков, потом вырастают, но детская привязанность остается. Любовь к армии, иногда в самых странных ее проявлениях, достаточно распространенное чувство. Один мой приятель из интеллектуалов, между прочим, знает все про

немецкую армию времен Второй мировой и может часами с упоением говорить про их форму, звания, самолеты, танки и прочее. При этом он ярый патриот, нашу форму он тоже знает, но хуже. И все прикупает книги на эту тему…

Император скромен и достаточно непритязателен в быту. Многие из его окружения считают его скупым. В чем видят скупость? В традиции прежних правителей было при вступлении на трон одаривать ближайшее окружение землями с крестьянскими душами. Александр этого не сделал. Неизвестный автор: «Нельзя назвать скупым монарха, который посвящает миллионы на общественные предприятия. Его Величество ассигновал полтора миллиона рублей на постройку новой биржи и части набережной против Адмиралтейства; улучшение судоходных каналов стоит также несколько миллионов. Увеличивает содержание министров с 8 до 31 тысячи рублей, прибавляет жалованье солдатам и офицерам на одну треть… относится чрезвычайно щедро ко всем членам своего августейшего дома (император дал 200 тысяч рублей вдовствующей государыне; после пожара Павловского дворца он отстроил за свой счет дворец для великого князя в Стрельне)».

Царствующая государыня Елизавета Алексеевна… «Трудно передать всю прелесть императрицы; черты лица ее необыкновенно тонки и правильны: греческий профиль, большие голубые глаза, правильное овальное очертание лица и волосы прелестнейшего белокурого цвета. Фигура ее изящна и величественна, а походка чисто воздушная. Словом, императрица, кажется, одна из самых красивых женщин в мире… По общему отзыву, она обладает весьма ровным и кротким характером; при внимательном наблюдении в выражении ее лица заметна некоторая меланхолия…» — сообщает нам неизвестный автор записок «Император Александр Павлович и его двор в 1804 году».

Судя по описанию, императрица действительно милый человек, но о ней совершенно нечего писать. Ее величество давно решило для себя ни во что не вмешиваться, поэтому ни в какой общественной жизни она участия не принимает. Чем она занята целый день? «Чтение, прогулки и занятия искусствами наполняют ее досуг». Правда, создается впечатление, что вся ее жизнь состоит из досуга. При императрице живет ее сестра — Амалия Баденская, близкий по духу человек. Естественно, при дворе существует институт статс-дам. Это все весьма уважаемые особы, вечером они ужинают вместе в обществе мужчин. Каждый вечер к ним заходит император — ненадолго. Анонимный автор мимоходом намекнул, в чем причина меланхолии императрицы: «…трудно сказать, следует ли приписать ее меланхолию тому, что

она уже не занимает исключительно сердце своего августейшего супруга, или нужно поверить подозрениям, которые недоброжелатели распускают насчет ее привязанности к императору, предполагая, что между ею и одним из наиболее влиятельных придворных и приближенных Александра I существует взаимное чувство».

Существует это чувство, недоброжелатели правы, а наиболее «влиятельный придворный» — это близкий друг царя Адам Чарторыйский. Через пару страниц я расскажу об этом подробно, но сначала несколько слов о матушке, вдовствующей императрице.

Марии Федоровне сорок пять лет, это молодая, полная сил, властная женщина. Еще при жизни мужа ей было доверено начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц. Императрица отнеслась к этому делу серьезно, ею было привлечено много лиц, ставших жертвователями, она сделала предложения по улучшению быта смолянок и пр. Так что и после смерти Павла ей было чем заняться. У вдовствующей императрицы свой двор, ее окружали заметные и известные люди: князь А. Куракин, граф Шереметев, Н. Румянцев, А. Строганов-отец и др. В отличие от сына Мария Федоровна ревностно соблюдала этикет, приемы ее отличались пышностью и блеском.

Цесаревич Константин Павлович, двадцать пять лет, — популярная в армии фигура. Он был высок, атлетически сложен, лицом похож на отца — курнос и голубоглаз. Он и нравом походил на покойного родителя — горяч, вспыльчив, непредсказуем. Словом, он, как и в ранней юности, продолжал куролесить и имел много нареканий от матери, но нельзя не отметить — был умен, остроумен, щедр. По отзывам других современников, великий князь Константин «не обладал нравственным тактом», был нещепетилен в денежных делах, груб и фамильярен с уважаемыми людьми, к государственным делам был совершенно равнодушен.

Можно и не говорить много о Константине, но в судьбе Александра ему отведена особая роль. Император благоволил младшему брату, их объединяло общее детство, учителя, воспоминания и любовь к армии, наконец. Император поручил Константину курировать три округа: Брестский, Украинский и Днестровский. В армии его считали главнокомандующим, хотя он не имел официального чина.

К означенному времени цесаревич «был одинок». Жена его, Анна Федоровна, в девичестве принцесса Саксен-Заалфельд-Кобурская Юлиана-Генриетта-Ульрика, сразу после смерти Павла уехала из России, чтобы никогда не вернуться. Жизнь ее с мужем

была ужасна. Мало того что он над ней издевался как мог, так еще наградил ее венерической болезнью, и она родила мертвого ребенка. Теперь цесаревич жил весело, играл, шалил, с матерью отношения были натянутые, с братом-императором он практически не общался. Еще подрастали братья Николай и Михаил и сестры-принцессы Анна, Мария и Екатерина Павловны.

Царственные супруги.

У Александра и Елизаветы Алексеевны официально было двое детей, две девочки, обе умерли в младенчестве. Теперь подробности. Говорят, что дьявол кроется в деталях. Многие историки пишут, что Александр сам спровоцировал роман между Адамом Чарторыйским и своей женой. Наша красавица сразу поразила его воображение, поляк увидел ее в парке, когда они прогуливались вместе с Александром и вели умные разговоры.

Чарторыйский стал адъютантом великого князя Александра, и виделись они ежедневно. Летом 1796 года Александр с женой жили в своем дворце в Царском Селе. Дворец для молодой четы был построен по проекту архитектора Кваренги, он находился в отдалении от Екатерининского дворца. Там друзья каждый вечер ужинали, Елизавета Алексеевна стала третьей в их компании. Александр часто, устав от разговора, уходил спать, при этом просил жену продолжить беседу с гостем. Графиня В. Н. Головина в своих «Записках» пишет, что Елизавета Алексеевна страдала от откровенных ухаживаний князя Адама. Думаю, графиня совершенно искренна, там было от чего страдать. Одна мысль, что Александр поощряет ухаживания друга, была унизительна для великой княгини. Но, с другой стороны, мужу было семнадцать лет, а князь Адам был взрослым мужчиной. При этом он был умен, хорош собой, и, главное, и Чарторыйский, и Елизавета Алексеевна были иностранцами, заброшенными против их воли в чужую страну, «страну варваров». Чарторыйский ненавидел Россию, думаю, что великая княгиня тоже не испытывала к ней особой симпатии. Им было о чем поговорить, что вспомнить.

Поощрял ли это ухаживание сам Александр или нет, мы не знаем, все это только догадки окружения и позднейших исследователей. Но одно ясно — династический брак не настаивает, чтобы между супругами возникло истинное чувство и последующая за этим обязательная верность. Так считали в Европе, так же считали в России, и Александр, с младых ногтей находясь при дворе любвеобильной бабки, отлично это усвоил. И не надо подходить к XVIII веку с мерками нашего времени.

При дворе уже сплетничали про «брак втроем». Еще была жива Екатерина, и до ее ушей доходили скандальные слухи.

Конечно, она смотрела на это сквозь пальцы. Главное для великой княгини — родить наследника, а остальное все мелочи.

18 мая 1799 года, через пять лет после замужества, Елизавета Алексеевна родила девочку, которую в честь бабушки назвали Марией. Девочка родилась темноволосой, и это вызвало неожиданный скандал при дворце. Чарторыйского не было в Петербурге, он был выслан Павлом в 1798 году в Италию, но если посчитать сроки… Князь Адам был брюнетом, Мария Федоровна усомнилась в отцовстве сына, потом довела эти сведения до мужа. Великая княгиня родила незаконного ребенка! Павел совершенно потерял голову. Он расспрашивал медиков, может ли у блондинов родиться черноволосый ребенок. Медики что-то мямлили. Умная статс-дама графиня Ливен, у нее Павел тоже искал правды, ответила философски: «Государь, Бог всемогущ!» Скандал разрастался. Павел хотел было немедленно призвать Чарторыйского в Петербург и указом сослать его в Сибирский полк. Но гофмаршал граф Н. А. Толстой (1765–1816), человек разумный и уравновешенный, а также граф Ростопчин посоветовали не выносить сор из избы. Зачем царственному дому скандал? Через год, 27 июля 1800 года, девочка умерла. Что думал Александр по поводу смерти Марии, мы не знаем.

Павел не любил невестку, он не мог ей простить черноволосого ребенка, а для самой Елизаветы Алексеевны свекор был лицом официальным — деспот, тиран. Конечно, смерть его была ужасна, но ведь «выхода не было», России нужен был новый государь. Императрица была скрытным человеком, и о ее характере и жизни мы можем судить по отрывкам из ее дневника и письмам, которые она аккуратно писала матери. Беда только, что дневник почти полностью был уничтожен императором Николаем I. В одном из писем матери Елизавета Алексеевна пишет: «Конечно, она (Мария Федоровна. — *Авт.)* добрая, прекрасная, неспособная сделать кому-либо зло, но чего я не могу переносить, это ее заискивания у Нелидовой, у предмета мерзкой страстишки императора». И вот сама очутилась в плену этой самой страстишки!

У Александра тоже была… не хочется говорить — связь, это была любовь. Сердце он отдал прекрасной польке — Марии Антоновне Нарышкиной (1779–1854), в девичестве княжне Святополк-Четвертинской. Обращусь опять к «Запискам» Р. С. Эдлинг: «Государь любил общество женщин, вообще он занимался ими и выражал им рыцарское почтение, исполненное изящества и милости. Что бы ни толковали в испорченном свете об его расположении, но оно было чисто и не изменялось в нем и тогда, как с летами, размышлениями и благочестием ослабели в

нем страсти. Он любезничал со всеми женщинами, но сердце его любило одну женщину и любило постоянно до тех пор, пока сама она не порвала связи, которую никогда не умела ценить… Нарышкина своей идеальною красотою, какую можно встретить разве на картинах Рафаэля, пленила государя, к великому огорчению народа, который желал видеть в императрице Елизавете счастливую супругу и счастливую мать. Ее любили и жалели, а государя осуждали, и, что еще хуже, петербургское общество злорадно изображало ее жертвою».

Красота Нарышкиной волновала современников. Графиня Софья Шуазель-Гуфье, фрейлина русского двора, пересказывает в своих «Исторических мемуарах» легенду: «Рассказывают, что Александр, шедший под руку с королевой Пруссии, встретил в одной из дворцовых галерей красивую госпожу Н. (Нарышкину), одетую в простое креповое платье; одна гирлянда из голубых цветов, так называемых незабудок, украшала ее черные волосы». У Набокова (не помню где) есть замечательное описание — юноша, желая очаровать некую девицу, неделю плавал перед ее окнами в обнимку с лебедем — красиво! Набоков смеется над немецкой сентиментальностью. Ну ладно, юноша наивен и прост, но восхищаться этой сценой — чистое дурновкусие. Явление Нарышкиной в гирлянде, то есть в венке, может вполне соперничать с «прелестным юношей и лебедем».

Да и время госпожой Шуазель-Гуфье указано неправильно. Мария Антоновна появилась в Петербурге много раньше, в пятнадцать лет она уже стала фрейлиной при русском дворе. Платон Зубов успел положить на нее глаз. Тогда же и Александр приметил красивую девушку. Род князей Четвертинских был очень древним, он происходил от правнука святого Владимира — Святополка, князя Черниговского. После монгольского нашествия на Русь земли князя отошли к Литве, семья долго оставалась верна православию, беднела. В Россию Четвертинские перебрались после волнений в Польше.

Вигель о приезде из Гродненской губернии вдовствующей княгини Четвертинской (матери нашей красавицы): «Она помнила мученическую смерть мужа своего, убитого варшавской чернью за настоящую или мнимую любовь к России; помнила отеческую нежность к ее семейству, неисчислимые благодеяния, которыми осыпала ее Екатерина».

Вигель тоже не оставил вниманием красоту Марии Антоновны: «Я помню, как в первый мой год пребывания в Петербурге разиня рот стоял перед ее ложей и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможною; скажу только одно: в

Петербурге, тогда изобиловавшего красавицами, она была гораздо лучше всех». О любви Нарышкиной и Александра знал весь Петербург, «но эта связь не имела ничего похожего с теми, кои обыкновенно бывают у других венценосцев с подданными».

Вигель прав: отношения этой пары совсем не напоминали те, которые существовали при дворе всего десять лет назад. Существовали имперский двор, царственная супруга, долг перед государством, который Александр честно исполнял, а рядом протекала его частная жизнь, та, о которой он мечтал, то есть у него была семья, но не династическая, а просто человеческая. Связь их продолжалась пятнадцать лет. Нарышкина была не просто красавицей, но еще и умницей. Она никогда не понуждала Александра к разводу, она не хотела властвовать в гостиных и салонах дворца, не вмешивалась в политику. Муж смотрел на эту связь сквозь пальцы. Обер-егермейстер двора, Дмитрий Львович Нарышкин (1758–1838), сын любимца Екатерины II Льва Нарышкина, был сказочно богат, совершенно равнодушен к прелестям жены, у него была своя жизнь.

Александр знал, что царицу жалеют, а Нарышкину осуждают и чернят, можно сказать — ненавидят, поэтому считал своей обязанностью вознаграждать ее «нежным попечением, доверием, нежностью». Р. С. Эдлинг: «Я еще помню блестящие праздники до 1812 года. Роскошь и царственное величие проявлялось на них во всем блеске. Среди ослепительных нарядов являлась Нарышкина, украшенная лишь собственными прелестями и ничем иным не отделявшаяся от толпы; но самым лестным для нее отличием был выразительный взгляд, на нее устремленный. Немногие подходили к ней, и она держала себя особняком, ни с кем почти не говоря и опустив прекрасные глаза свои как будто для того, чтобы под длинными ресницами скрывать от любопытства зрителей то, что у нее на сердце».

Мария Антоновна родила Александру дочь Софью (1708–1724). Государь признал ее своей, очень любил, но жила она под именем матери. Девочка была болезненной, бич XIX века — туберкулез. Мать возила ее на юг — в Одессу и в Крым, лечились они и за границей. Накануне свадьбы с А. П. Шуваловым Софья умерла. Александр очень тяжело перенес ее смерть. «Это мне за грехи мои» — его слова. Молва приписывает ему отцовство еще трех дочерей Марии Антоновны. Все они умерли в младенчестве.

Роман с Марией Антоновной кончился по ее инициативе — еще одна «пагубная страсть». У Александра служил секретарем молодой человек — князь Гагарин — умный, усердный, честный. На эту должность его рекомендовала сама Нарышкина. Р. С. Эдлинг: «Он пошел бы очень далеко и по заслугам, если бы

тут не замешалась любовь. Они влюбились друг в друга и стали думать, как бы получить возможность удалиться от двора и от своих семейств и предаться взаимной страсти». Князь Гагарин сослался на нездоровье и получил отставку в 1816 году, на его место был назначен граф Нессельроде. Князь Гагарин Г. Н. (1782–1837) впоследствии стал посланником в Италии и Баварии.

Исследователей чрезвычайно волнует вопрос — сколько всего было внебрачных детей у Александра? Цифры называют разные — от одиннадцати до двадцати. Как они там считали, интересно бы узнать. Европейские полицейские, приставленные следить за русским императором во время его пребывания за границей, писали отчеты: весь вечер провел в салоне у такой-то, на следующий день у госпожи N пил чай. Может быть, это является прямым доказательством рождения детей у этих особ?

Конечно, Елизавета Алексеевна ревновала мужа к Нарышкиной. Мария Антоновна еще имела наглость как бы между делом сообщить на балу императрице, что опять беременна. Нетрудно было догадаться, кто причина этой беременности. Об этом императрица с горечью пишет матери. А ведь во всем этом была двойная обида. Елизавета Алексеевна так и не исполнила своей главной обязанности — не родила наследника.

Дело шло к войне. Государь уехал в апреле в армию, а императрица тут же перебралась на Каменноостровскую дачу. Это было любимое местопребывание царской четы, хоть в доме не было ничего царственного.

Р. С. Эдлинг: «Он выстроен и убран с отменной простотой. Единственное украшение его — прекрасная река, на берегу которой он стоит. Несколько красивых дач построены рядом с императорской резиденцией. Лицевая сторона дворца окружена прекрасными, правильно рассаженными деревьями; садовые входы никогда не запирались, так что местные обыватели и гуляющие свободно ими пользовались. Вокруг царского жилища не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, убранных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги». Странно это читать — никакой охраны! Павла охраняла вся армия, Александра — только доброе имя.

Вокруг дворца располагались павильоны, в одном из них жила принцесса Амалия. «Мы вели очень правильную жизнь. Надо было вставать рано и сопровождать императрицу в ее прогулках, продолжительных и занимательных, потому что в это время она была общительна и словоохотлива». Амалия, сестричка… «Она всегда находилась между супругами. Ее гостиная была

сосредоточием городских сплетен, производивших дурное впечатление на императрицу».

Эдлинг пишет, что, любя государыню, которая была очень добра и участлива к ней, она часто в ее присутствии чувствовала стесненность. «На меня находило иногда смущение; в противность характеру моему, я замыкалась сама в себе, и лишь спустя долгое время я заметила, что это происходило от недостатка равновесия в характере императрицы: воображение у нее было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное к настоящей привязанности. В этих немногих словах вся история ее. Благородство ее чувств, возвышенность ее понятий, благожелательные склонности, пленительная наружность заставляли толпу обожать ее, но не возвращали ей ее супруга».

Деликатная фрейлина не пишет, что императрица пережила роковую любовь. Может быть, этот роман был виной меланхолии, а вовсе не равнодушие мужа? Избранником императрицы стал кавалергард Алексей Охотников. Для Екатерины Великой подобный выбор был нормой, для скромницы Елизаветы Алексеевны — совершенная неожиданность. Он проникал в покои императрицы тайно — экий романтик! Воображение рисует испанский балкон, плащ, под ним шпага, а может, гитара. Как-то все это очень необычно для русского двора. Когда об этой связи узнала Мария Федоровна, она была в ужасе. Романовы сто лет стеснялись этой связи.

Родители Алексея Охотникова жили в Воронежской губернии, были богаты. По обычаю, юный отпрыск отправился искать счастья в столицу и поступил в кавалерийский полк. Там он был произведен в офицеры, в 1806 году он уже штабс-ротмистр. На него также были возложены обязанности полкового казначея, поэтому в 1805 году, когда война была в разгаре, он находился в Петербурге в должности интенданта.

Елизавета Алексеевна была фактически «соломенной вдовой», поэтому нет ничего удивительного в том, что она ответила на любовь красавца кавалергарда. Но очень может быть, что она сама спровоцировала их близость — позволила себя любить. Связь их продолжалась несколько лет. Кавалергард проникал в спальню императрицы через окно, на Каменном острове это было легко сделать, в Таврическом дворце труднее. Остались «улики» этой удивительной любви. «Не бойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы под твоим окном», — пишет Охотников своей возлюбленной. Если были письма, значит, был посредник. Видимо, это была верная Елизавете Алексеевне фрейлина. «Если я тебя чем-то обидел, прости — когда страсть увлекает тебя целиком, мечтаешь, что женщина уступила бы

нашим желаниям, отдала все, что более ценно, чем сама жизнь».

Сопротивлялась, видно, императрица запретному чувству, но потом характер писем меняется. Охотников называет Елизавету «моя женушка». «Мой друг, моя жена, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя». После смерти Елизаветы Алексеевны письма эти попали в руки Николая I. Он приказал сжечь их, но перед сожжением показал жене Александре Федоровне. Они произвели настолько сильное впечатление на императрицу, что она оставила запись в своем дневнике: «Если бы я сама не читала это, возможно, у меня остались бы какие-то сомнения… Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье, и, оглядываясь при этом на себя, я молила Бога, чтобы Он уберег меня от такого, так как один легкомысленный шаг, одна поблажка, одна вольность — и все пойдет дальше и дальше, непостижимым для нас образом».

3 ноября 1806 года императрица родила дочь Елизавету. Отцовство приписывают Охотникову, хотя официально пишут, что это был второй ребенок императорской семьи. Девочка умерла в апреле 1808 года, когда Охотникова уже не было в живых. О его смерти нет точных данных — одни легенды и предположения. Самый устойчивый миф следующий: 4 октября 1806 года (и мифотворчество любит точные даты) Алексей Охотников был в опере. Давали «Ифигению в Тавриде». Императрицы не было в театре, ей оставался месяц до родов.

Не исключено, что Охотников был поклонником Глюка, а скорее всего, посещение оперы входило в кавалергардский этикет: встретить знакомых, раскланяться с дамами, подмигнуть хорошенькой. Недаром про Охотникова сочинили еще одну легенду. Он был очень увлечен фрейлиной Натальей Загряжской, ставшей вскорости Гончаровой. Ее выдали замуж за три дня до смерти Охотникова. Эта самая Наталья Гончарова, Загряжская в девичестве, стала со временем тещей Пушкина. Какие странные «сближенья», сказал поэт (Боратынский, если не ошибаюсь). А про самого Александра Сергеевича упорно говорят, что в юности он был влюблен в императрицу Елизавету Алексеевну и посвящал ей стихи. Любовь случилась в лицейской жизни, Пушкин и императрица гуляли по одним и тем же тропкам Царскосельского парка.

Но вернемся в ноябрь 1806 года. На выходе из театра Охотников был смертельно ранен подосланным убийцей. Пистолет, шпага? Тут разночтения. Правда, чаще пишут про кинжал. Но имя заказчика убийства называли уверенно — великий князь Константин Павлович. Цесаревич защищал честь семьи. Покушение на честь императора —

противогосударственный поступок, ранее он карался смертью. Охотников не был убит, он был только ранен, но рана оказалась смертельной. Проболев четыре месяца, он умер. Это случилось 27 января 1807 года. Похоронен он на Лазаревском кладбище. Могила его сохранилась по сей день.

Великий князь Николай Михайлович написал биографию императрицы Елизаветы Алексеевны. Глава о ее романе с Охотниковым по приказу Николая II была изъята из издания, но рукопись сохранилась. Из нее мы знаем, что Елизавета Алексеевна тайно приезжала в дом умирающего (это можно считать подвигом) и что после его смерти принцессе Амалии удалось забрать письма императрицы к нему.

Что говорит против легенды с кинжалом? 27 октября 1806 года кавалергард Алексей Яковлевич Охотников подал рапорт об отставке, в котором он сослался на «грудную болезнь». Об этом пишут Е. Э. Лямина и О. В. Эдельман в своей статье «Дневники императрицы Елизаветы Алексеевны». Авторы предполагают, что у Охотникова была чахотка: мол, от нее он и скончался. Рапорт об отставке попал на стол цесаревича, командующего гвардейским корпусом Константина, и тот дает письменное распоряжение шефу кавалергардов Уварову: «Охотникова лично освидетельствовать в болезни, и действительно ли он к службе не способен, а что по тому окажется, мне лично донести». Через месяц Охотников был отставлен от службы. Но и этот дошедший до нас приказ Константина Павловича можно трактовать по-разному. Нет достаточно точных документов, подтверждающих и первую, и вторую версии, а фантазия у людей есть, и они дают ей волю.

Александр согласился признать дочь Елизаветы Алексеевны своей. Это мы знаем из дневника секретаря Марии Федоровны — Вилламова. Он оставил о разговоре со вдовствующей императрицей подробную запись. Не было никаких упреков, обид, Александр только радовался, что родилась дочь, а не сын. Родись у Елизаветы Алексеевны мальчик, он бы стал императором. К идее наследования власти Александр относился очень серьезно, зачем ему Охотниковы на троне?

Что касается дневников Елизаветы Алексеевны, то здесь тоже много туману. В последние годы жизни она подружилась с Карамзиным и обещала после смерти передать ему свои дневники. Это не случилось, дневники вместе с письмами попали в руки Николая I. Из дневника супруги его Александры Федоровны также известно, что в комнате покойной Елизаветы Алексеевны в одном шкафу лежали письма Охотникова к ней, его портрет и вещи их покойной дочери Лизоньки. Дневники

Елизаветы Алексеевны, так же как и ее письма, пошли в огонь, но прошло время, и стали обнаруживаться у частных лиц отрывки из этого дневника. Видимо, Николай I перед сожжением дал кому-то прочитать дневники императрицы. Тогда не было копировальной техники, но копировали все и вся необычайно быстро. Посади ночью десять, двадцать — сколько надо писцов, они любой труд за ночь скопируют. Но есть также мастера делать великолепные подделки. Кого бы вы ни читали, делайте сами выводы согласно своему знанию и опыту.

Александр — Наполеон, начало отношений

С осени 1801 года между русским императором и французским консулом идет активная и доброжелательная переписка. Александр видит в Наполеоне освободителя от революционного террора, он дал Франции свободу. Наполеон заинтересован в прочном союзе с Россией в его вечной политической и экономической борьбе с Англией. Он сумел даже договориться со строптивым и непредсказуемым Павлом, в том, что ему удастся поладить с «мягким» Александром, причем в свою пользу, он не сомневается.

Со временем отношения двух правителей начинают портиться. В июне 1802 года по настоятельной просьбе матери Марии Федоровны Александр встретился с четой прусских монархов — Вильгельмом III и знаменитой королевой Луизой. Кочубей, как мог, отговаривал Александра от этой встречи, С. В. Воронцов, орел нашей дипломатии, тоже был против, но с матерью не поспоришь. Да Александр не очень и спорил. Любовь к Пруссии была у Романовых генетической. Петр III и Павел преклонялись перед Фридрихом Великим.

Александр поехал в Пруссию инкогнито, под именем графа Российского. Встреча произошла в Мемеле и была обставлена очень торжественно. Потом о встрече в Мемеле в Европе слагали анекдоты, явно намекая на случившуюся там любовь Александра и прекрасной Луизы. Русский император очаровал королеву на всю жизнь, и верность этому романтическому чувству она сохранила до самой смерти. Про Александра этого не скажешь, он вел себя куда сдержаннее. Наполеон был очень недоволен «заигрыванием» России с Пруссией, его противницей.

У Александра были свои претензии к Наполеону. 2 августа 1803 года его выбрали пожизненным консулом. Что это? Неограниченная власть, при этом пожизненно. Это значит, что Наполеон — безблагодатный царь, только и всего. В письме Лагарпу от 14 июля 1803 года царь пишет: «Я совершенно переменил, так же как и Вы, мой дорогой, мнение о первом консуле. Начиная с момента установления его пожизненного консульства, пелена спала; с этих пор дела идут все хуже и хуже. Он начал с того, что сам лишил себя наибольшей славы, которая может выпасть на долю человеку. Единственно, что ему оставалось, — доказать, что действовал он без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, и оставаться верным Конституции, которой он сам поклялся передать через десять лет свою власть. Вместо этого он предпочел по-обезьяньи

скопировать у себя обычаи королевских дворов, нарушая тем самым Конституцию своей страны. Сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история». Трогательное письмо. Александр рассуждает в нем совсем как наши декабристы.

Дальше — больше. По Амьенскому договору Франция и Англия поделили территории и сферы влияния. И вдруг Англия в нарушение договора заявляет, что оставляет за собой Мальту еще на семь лет. Наполеон просит у Александра быть посредником в урегулировании этого вопроса. Тот отказывается, не желая вмешиваться с европейские дела. Тогда Наполеон собирает армию — Булонский лагерь, а потом стремительно занимает Ганновер и Неаполитанское королевство. Европа только руками развела, Англия озаботилась. Нас это пока не касалось, но ясно было — дело идет к войне.

18 марта сенат провозгласил Наполеона императором. А через четыре дня вдруг новое злодеяние во Франции. По приказу Наполеона 21 марта 1804 года в Эттенхейме схвачен, поспешно осужден и расстрелян герцог Энгиенский — полное имя Луи Антуан Анри де Бурбон Конде (1772–1804), то есть представитель королевской фамилии. Суть этой истории следующая. Накануне был раскрыт заговор против Наполеона, в нем угадывалась английская рука, а исполнители, конечно, роялисты. В нужный момент, желая выслужиться и доказать свою лояльность, Талейран, человек умный и беспринципный до цинизма, сообщил Наполеону, что заговором руководит герцог Энгиенский, живущий в Бадене, в городке Эттенгейме, то есть фактически за границей. Наполеон приказал отряду жандармов выкрасть его и привезти во Францию. Герцога доставили в Венсенский замок, далее скорый военный суд. В ту же ночь он был расстрелян. Надо ли говорить, что никакого отношения к заговору герцог не имел. Он даже написал объяснительное письмо Наполеону, но Талейран предусмотрительно задержал доставку этого послания. Позднее Наполеон прочитал это письмо и заявил, что, прочитай он его раньше, герцог был бы помилован. Переживал, конечно, что несправедливо расстрелял человека, но потом успокоился, для острастки роялистов это, пожалуй, и хорошо. Обычная революционная логика!

Но на Европу это событие произвело тяжелое впечатление. А суд, а справедливость — где? Представителя королевского дома расстреляли в овраге у Венсенского замка как в самые черные годы террора. Раздались призывы к войне, пора проучить «корсиканское чудовище»! Россия объявила траур по герцогу Энгиенскому, но Пруссия отказалась подписать протест против

казни. Как ни странно об этом писать, но в Петербурге при дворе существовала оппозиция. Особенно вызывал нарекание ближайший круг императора, эта самая четверка горячих и молодых. Во главе оппозиции стояла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она ненавидели Наполеона и предупреждала сына, что с «корсиканцем» дружить нельзя, предупреждала и не раз, и вот что получилось.

На этот раз Александр был полностью согласен с матерью. Россия выслала во Францию протест, в котором Наполеону в доходчивой форме объяснялось, в чем он не прав и как его безрассудность может отразиться на политическом положении Европы. Ответ России сочинил Талейран: если вы хотите воевать, то не надо искать для этого повода, действуйте открыто. Пожизненный консул не желает войны, но он никому не позволит вмешиваться во внутренние дела Франции. Далее следовало разъяснение. У меня нет точного текста, поэтому воспользуюсь цитатой из Е. В. Тарле: «Наполеон приказал своему министру иностранных дел дать тот знаменитый ответ, который никогда не был забыт Александром, потому что более жестоко его никто никогда не оскорбил за всю его жизнь. Смысл ответа следующий: герцог Энгиенский был арестован за участие в заговоре на жизнь Наполеона; если бы, например, император Александр узнал, что убийцы его покойного отца, императора Павла, находятся хоть бы и на чужой территории, но что возможно (физически) их арестовать, и если бы Александр в самом деле арестовал их, то он, Наполеон, не стал бы протестовать против этого нарушения чужой территории Александром». Фактически он обозвал Александра отцеубийцей. С этой минуты отношения двух императоров имеют не только государственный, но и личный характер.

27 июля Франция отозвала из Петербурга своего посла. Мотивировка — Россия дерзко объявила траур по казненному герцогу, хотя не имела с ним родственных связей. Дипломатические отношения были прерваны. 2 декабря 1804 года Наполеон был коронован папой римским, привезенным специально в Париж, а 6 декабря Александр подписал договор с Англией. Это был открытый вызов Франции.

Александр не хотел войны. Желая ее предотвратить, он направил в Лондон Новосильцева с четкими инструкциями. Замечательно об этой поездке пишет Марк Алданов, непревзойденный автор «Исторических портретов». Вот выдержка из инструкции Александра: «Почему нельзя было бы определить таким образом положительное международное право, обеспечить преимущество нейтралитета, установить обязательство никогда

не начинать войны иначе, как по истощении всех средств, представляемых посредничеством третьей державы, и выяснив таким образом взаимные претензии и средства для их улаживания? Вот на каких началах можно будет устроить всеобщее умиротворение и создать лигу, в основание которой должен быть положен, так сказать, новый кодекс международного права, который, будучи одобрен большинством европейских государств, естественным образом сделается непременным законом для кабинетов. В особенности потому, что желающие его нарушить рискуют вызвать против себя силы новой лиги. К этой лиге, наверное, приступят мало-помалу все державы, утомленные от последних войн…»

Вот так, предложение создать Лигу Наций, и это в самом начале XIX века. Текст инструкций Новосильцеву изложил также Чарторыйский в своих «Записках», наверное, он сам эти инструкции и писал, но, понятное дело, все было обсуждаемо всей четверкой и одобрено самим государем. Ни Воронцов, наш посол, ни Уильям Питт, премьер-министр Англии, серьезно ни о какой лиге говорить не стали. Инструкции опередили время на сто лет. Тем приятнее читать Алданова. Он пишет об Александре, советчиках его и о самой России с гордостью: «Именно в этой среде возникла мысль о Лиге Наций. Не обязательно быть фанатичным поклонником Женевского учреждения, — пишущий эти строки не опасается зачисления в список фанатичных поклонников. Но какая же культура может отказаться от заявления авторских прав, хотя бы и очень отдаленных, на идею, столь нашумевшую в мире?»

Амьенский договор был расторгнут, и Англия фактически находилась в состоянии войны. Наполеон в Булони собирал огромную армию, рядом Ла-Манш. Питт отлично понимал размер нависшей над страной угрозы. Тут как раз и появился Новосильцев со своими предложениями. К союзу с Англией Александра I активно склонял Чарторыйский, уже министр иностранных дел. Сам Александр говорил: «Россия и Англия — единственные державы в Европе, не имеющие враждебных между собой интересов». Если Питт одобрит идею создания лиги и нового международного кодекса, донесет эту идею до Наполеона, и тот ее одобрит, тогда все прекрасно. В противном случае исход один — война.

Новосильцев прибыл в Лондон 4 ноября 1804 года. Разговор с Воронцовым о создании лиги не получился, посол вообще скептически относился к деятельности Негласного комитета — мальчишки, нахватались новых французских идей! А Питт уже все для себя решил — Наполеона надо поставить на место, Франция

должна быть «введена в свои естественные границы». Разговор с Новосильцевым пошел о том, что надо создать третью коалицию, в которую вошли бы Англия, Россия, Австрия и Пруссия. 11 апреля был подписан договор, в котором определялось, сколько солдат должны поставить государства. Англия будет воевать на море. За войну на суше она согласна была платить. За каждые сто тысяч солдат Англия обязывалась выплатить один миллион двести пятьдесят фунтов стерлингов. Мальту Лондон оставлял за собой, но согласился с притязаниями русских на Польшу и Турцию. Пунктов в договоре было много — семь открытых и тринадцать секретных.

Армии русские и австрийские пришли в движение, Пруссия отказалась участвовать в коалиции. Война — забава императоров — началась. А дальше? 14 октября 1805 года австрийская армия потерпела поражение под Эльхингеном, 20 октября та же история повторилась под Ульмом, 32-тысячная армия сдалась на милость победителя.

6 ноября 1805 года в русскую армию в Моравию прибыл Александр I. В Европу он приехал много раньше. Первым пунктом назначения был Берлин, Александр предпринял попытку уговорить Фридриха-Вильгельма III войти в коалицию. Вильгельм боялся и Наполеона, и Александра, в конце концов все-таки согласился предъявить Наполеону протест и со временем вступить в коалицию. Был также договор о «дружбе на все времена», что было подтверждено клятвой. Об этой клятве много писали, на эту тему рисовали картины, иные клятву называли романтической и сентиментальной, другие нелепой, находили и более жесткие определения. Дело в том, что Александр, королева Луиза и Фридрих-Вильгельм III произносили свою клятву в двенадцать часов ночи, при свете факелов в склепе над прахом Фридриха Великого. Произнося возвышенные слова о вечной дружбе, Александр и Фридрих-Вильгельм держались за руки и смотрели друг другу в глаза. Нелепость этой сцены состоит в том, что Фридрих Великий проводил враждебную политику по отношению к России, мы с ним воевали в Семилетней войне, а Екатерина II всегда опасалась каверз с его стороны. Мемельская и Берлинская встреча Александра I с Фридрихом-Вильгельмом III в международной политике того времени не имела серьезного значения (смейся над ней сколько хочешь), но она определила политику России на многие годы. Мы не воевали с Германией многие годы. «Клятва над гробом» была нарушена только в 1914 году.

Итак, 6 ноября царь прибыл в Ольмюц в Моравию. А 2 декабря 1805 года Наполеон с 68-тысячной армией при

Аустерлице разбил 92-тысячную армию союзников, разбил в пух. На этой битве стоит остановиться подробнее, потому что при Аустерлице Александр I фактически взял на себя командование.

Основанный в XII веке тамплиерами Аустерлиц — крохотный городок в 120 километрах от Вены. Произошедшее 2 декабря сражение называли «битвой трех императоров». Все были «на поле» — Франц I, Александр I и Наполеон I. Кутузов же считал несвоевременным давать битву Наполеону. Русская армия только что избежала окружения, солдаты были измотаны. Идея атаковать первыми принадлежала австриякам. Они были уверены в победе. В армии распространился устойчивый слух, что Наполеон избегает сражения. Он только что занял Вену, армия устала. Но французский император разыгрывал свою карту. Ему как раз было нужно, чтобы русские дали сражение, и с этим покончить войну.

Накануне сражения в русском лагере неожиданно появился французский генерал-адъютант Савари. Он привез от Наполеона письмо — любезнейшее — с предложением мира. Кроме того, он просил Александра о встрече. Русский штаб ликовал. Александр от встречи отказался, а ответно послал во французский лагерь «для переговоров» своего адъютанта, молодого и самоуверенного князя Петра Долгорукова. По возвращении князь так рассказал о встрече с Наполеоном: «Больше всего этот человек в сером сюртуке хочет услышать, чтобы его называли «ваше величество». Я не дал ему этой возможности». А вот отзыв Наполеона о посланце Александра: «Я имел с этим наглым шалопаем беседу, в которой он говорил со мной так, как мог бы разговаривать с отправляемым в Сибирь боярином. Этот молодой человек наделен, кроме всего прочего, невиданным высокомерием. Неужели он принял мою крайнюю сдержанность за знак великого страха?» В том то и дело, что принял. Наполеон трусит! Вот какой вывод сделал Долгоруков и внушил это Александру.

Великолепно написал об Александре и его свите, в состав ее входила и «великолепная четверка», Л. Н. Толстой в «Войне и мире». Молодые люди были веселы, уверены в себе, красивы, на великолепных лошадях, а рядом старый одноглазый полководец. Кутузов уговаривал Александра не торопиться, подождать подходящего с войсками Беннигсена (бывший заговорщик великолепно воевал на этих войнах), но Александр не послушался. Все цитируют известный разговор полководца с царем (не знаю, в каких дневниках или записках нашел его Толстой):

— Что же вы не начинаете битву, Михаил Илларионович? — спросил Александр.

— Поджидаю, ваше величество, — ответил Кутузов, — не все

колонны еще собрались.

— Мы ведь не на Царицыном лугу, — со смехом сказал Александр, — где не начинают парада, пока не собрались все полки.

— Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном лугу. — После ответа минутная заминка, свита молчит, и Кутузов уже другим тоном: — Впрочем, если прикажете, ваше величество…

Их величество имел неосторожность приказать, чем вынудил Кутузова покинуть выгодную позицию. Александр был слабым полководцем. Армией командовали в основном австрийские генералы. Солдаты обратились в бегство, за ними поспешили императоры, боясь попасть в плен. На лугу среди мертвых тел лежал, глядя в небо, князь Болконский. Поражение было страшным. Австрияки потеряли шесть тысяч солдат, русских погибло в три раза больше. А вообще-то, кто там точно считал, сейчас все энциклопедии и военные справочники называют разные цифры. После позорного поражение Александр ночью разрыдался от горя. Жалко было солдат, обидно, стыдно за свою самонадеянность. Наполеон провел его как мальчишку! Позднее он сказал Кутузову: «Я был молод и глуп, а вам следовало быть настойчивее». Александр не любил Кутузова. Он не мог простить ему свою самонадеянность при Аустерлице.

4 декабря 1805 года Наполеон подписал перемирие с Австрией. Францу I были поставлены условия: русские войска должны немедленно покинуть Австрию.

В Петербурге после Аустерлица Александр I, как сейчас говорят, «получил по полной» (вульгаризм, конечно, но очень точно) — за позорное поражение, за неправильную политику. Больше всего негодовала мать Мария Федоровна и ее окружение. «Я заклинаю вас следить за тем, — увещевала она сына, — чтобы вас не могли обвинить в предательстве интересов и славы России».

Чарторыйский, он руководил Министерством иностранных дел, тоже не поддержал царя. У них были разные задачи. Чарторыйский ненавидел Пруссию, и его можно понять. Напомню читателю результаты третьего раздела Польши: Россия получила Литву, Курляндию и Западную Белоруссию, Австрия — Краков и Любляны с прилегающими территориями, Пруссия — Варшаву и большую часть польских земель. Чарторыйский мечтал, что Россия, начав войну в Наполеоном, прежде всего покорит Пруссию и Польше будут возвращены Варшава и отошедшие к пруссакам территории.

Но ведь за объединение Польши надо платить. Алданов

пишет: «…в составленной им (Чарторыйским. — *Авт.*) записке говорилось, что в «случае крайней необходимости Пруссии взамен отказа от польских земель можно будет предложить Голландию». Австрия в благодарность за то же должна получить Баварию и те области в Швабии и Франконии, которые она сама выберет».

Удивительно, с какой легкостью в XIX веке перекраивали, перелицовывали карту Европы. Государства в ней большие, богатые, погоды хорошие. Утром встал трудолюбивый народ, подмел территорию, тюльпаны из лейки полил, и живи — радуйся, а какому государю ты сейчас подчиняешься — бог весть. Россия под эти портняжные ножницы не попадала, не пришлось. Да и кому нужен Таймыр или море Лаптевых с островами. Подметай вечную мерзлоту, сажай тюльпаны. И звучит-то глупо. Сейчас уже все иначе.

В апреле 1806 года Чарторыйский разразился письмом (прямо скажем, вызывающим), он критиковал царя, сознательно давя на самые болевые точки: «…приучая солдат видеть Вас постоянно и без всякой необходимости, Вы ослабили очарование, производимое Вашим появлением.

Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где Вы находились, войска были тотчас совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы. Этому Вы ни в коем случае не должны были подвергать себя… Надо отдать справедливость генералам, что еще заранее, до катастрофы, они, чувствуя, насколько Ваше присутствие, Государь, затрудняет и осложняет их действия, непрестанно упрашивали Ваше Величество, во-первых, удалиться из армии и, во-вторых, не подвергать себя ненужной опасности…» Ну и так далее. В июне этого же года Чарторыйский подал прошение об отставке и получил ее. Вот отрывок из его письма Александру: «Ваше величество никогда никому не доверяет вполне, вот почему, быть может, ни одно предприятие не было выполнено так, как это было желательно…»

Но Александр дал клятву защитить Пруссию и не желал отказываться от своего слова. В июле 1806 года Александр подписал с Вильгельмом III декларацию о союзе, после чего король, человек спесивый и недалекий (видно, слава Фридриха Великого застила глаза), потребовал от Франции вывода войск с территории Пруссии. Ах так? Наполеон тут же дал пруссакам парочку сражений и разбил их на голову, потом занял Берлин. Прусская армия перестала существовать. Как негодовала вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее двор! Зачем

нам Пруссия? Это при Фридрихе Великом с ней считались, а король Вильгельм слаб, коварен и несимпатичен.

18 ноября 1806 года Россия объявила Франции войну. Не только Пруссия Александра заботила. Ему все хотелось окоротить Наполеону руки, кроме того, угроза континентальной блокады, которую Франция хотела навязать России, грозила разрушить нашу экономику. Суть континентальной блокады в том, что государствам Европы было запрещено торговать с Англией. Торговать можно было только с Францией и с дружественными ей государствами. Сейчас это положение особенно обострилось, потому что французский флот был уничтожен Нельсоном в сентябре 1805 года в Трафальгарской битве (сам Нельсон тогда погиб). Англия была владычицей морей. А что делать Архангельскому порту и Петербургу, в котором, как известно, «все флаги были в гости к нам»?

Война так война, Наполеон любил воевать. Она сразу началась с наших поражений, но после сокрушительного поражения под Фридландом (14 июня 1807 года), все надежды Александра I испарились. Наполеон шел на Кенигберг, последнюю крепость пруссаков. Беннигсен встал у него на пути. Русские дрались храбро, но роковая ошибка командования решила дело. После разгромной битвы под Фридландом Наполеон остановился на реке Неман у городка Тильзит. По Неману шла границе с Россией. Беннигсен предлагал перемирие, Наполеон соглашался, но Александр колебался. Столько потрачено сил и все зря? Цесаревич Константин еще после поражения под Гейльсбергом высказал свое мнение: «Государь, если вы не хотите мира, тогда дайте лучше каждому русскому солдату заряженный пистолет и прикажите всем им застрелиться. Вы получите тот же результат, который даст вам новая битва!..» Константин был натурой бурной, вспыльчивой, истеричной, и, оказывается, он был прав? В русских войсках царила паника, а Наполеон мог немедленно начать вторжение в Россию, до Вильно было рукой подать.

Тильзитский мир

И тут Александр I круто, разом переменил свою внешнюю политику. Сейчас войной с Наполеоном ничего не добьешься. Нужен прочный мир. Александр был очень одинок в это время. Чарторыйский был далеко, Кочубей трудился в Министерстве внутренних дел. Новосильцев состоял при Александре, но далеко не всегда они находили общий язык.

В лагерь Наполеона был послан генерал Лобанов: «Скажите Наполеону, что союз между Францией и Россией был предметом моих желаний и что я уверен, что он один может обеспечить счастье и спокойствие на земле. Совершенная новая система должна заменить существовавшую доселе, и я льщу себя надеждой, что мы быстро поладим с императором Наполеоном, так как будем договариваться без посредников. Прочный мир может быть заключен между нами в несколько дней».

Наполеон принял Лобанова доброжелательно, пригласил к обеду, он был рад приезду генерала. Император вовсе не собирался дальше воевать с Россией. К такой войне надо было серьезно готовиться, а от Александра ему нужно было, чтобы он не мешал его дальнейшим планам и принял континентальную блокаду.

25 июня 1807 год. Переговоры о мире состоялись на нейтральной территории — на реке Неман, границе между Россией и Пруссией. Посередине реки был сооружен плот, на нем построили вполне комфортабельный дом из двух небольших комнат. Одна из комнат была отдана императорам, другая штабным и свитским. На прусском, завоеванном Наполеоном берегу стояла французская армия, на русском — Александр со свитой. В свите Александра присутствовал Денис Давыдов, в своих воспоминаниях он пишет, с каким восторгом приветствовала французская армия своего императора, «скачущего во всю прыть между двумя рядами своей старой гвардии». Сам Давыдов тоже не мог скрыть восторга перед Наполеоном, видя «этого чудесного человека, этого невиданного и неслыханного полководца со времен Александра Македонского…». Потом Давыдов, став партизаном, покажет этому «чудесному человеку»… Наш Александр был спокоен, хотя писали позднее, что это было «искусственное спокойствие».

С двух берегов к плоту поплыли две лодки. Александр был облачен в форму Преображенского полка, Наполеон в серый мундир гвардейских егерей, через плечо лента Почетного легиона. Газеты не упустили ни одной мелочи. Императоры

встретились и обнялись. Это была их первая встреча. Переговоры начались, и велись они с глазу на глаз. О чем и как они говорили, можно только догадываться, но, как утверждают, первая фраза Александра была:

— Я ненавижу англичан так же, как и вы!

На это Наполеон якобы ответил весело:

— Ну что ж, тогда все может устроиться, мир обеспечен!

Через три дня Наполеон пригласил Александра переехать в Тильзит, после этого переговоры велись ежедневно. Они продолжались одиннадцать дней. Решалась дальнейшая судьба Пруссии, но король Вильгельм редко приглашался к переговорам. Наполеон ненавидел пруссаков и хотел стереть их государство с лица земли. Александр вежливо улыбался и учтиво просил все-таки оставить Пруссии хоть какие-то земли. Вильгельм в отчаянии даже вызвал в Тильзит жену, красавицу Луизу. Надеялись, что она смягчит сердце французского императора. «Хотя бы сохрани Магдебург!» — увещевал жену Вильгельм. Не удалось. Позднее Наполеон со смехом рассказывал своим генералам: «Если бы король прусский вошел в комнату немного позже, мне пришлось бы уступить Магдебург». Это было чистым бахвальством. Сердце Луизы было отдано Александру I, во всяком случае, так утверждает молва.

Переговоры сопровождались праздничными обедами, парадами, конными прогулками. В Тильзите находился и цесаревич Константин, он был в совершенном восторге от французской армии — вот где порядок и умение! Он подружился со многими французскими генералами и был счастлив. Наполеон писал в Париж Жозефине: «Я очарован Александром, он красив, добр и гораздо умнее, чем обычно о нем думают». В разговоре с генералом Коленкуром Наполеон высказался жестче: «У царя есть некий взгляд, некие плохо продуманные мысли о своем положении… Он ставит все чувства доброго сердца на место, где должен находиться просвещенный разум».

Александр тоже оставил отзывы о своем «новом друге». Вот отзыв после первой встречи: «Он (Наполеон. — *Авт.*) вежлив, но застегнут на все пуговицы». Тильзитский мир был унизителен для России, и Александр знал, как отнесутся к нему в Петербурге. Оставалось только надеяться, что дома поймут — русская армия была в безвыходном положении. Матери Александр писал: «…на наше счастье у Бонапарта, несмотря на весь его гений, есть одна уязвимая черта — это тщеславие. Я решил принести ей в жертву свое самолюбие». Посланнику Савари он скажет позднее, что имел огромное предубеждение против Наполеона, но все рассеялось как сон после сорока минут разговора, слушая

императора, он боялся единственного — забыть хоть одно слово из сказанного им. Наверное, и Савари Александр «принес в жертву свое самолюбие», но одно точно: эти два императора понравились друг другу, но у каждого была своя задача и роль, которую оба прилежно играли.

Талейран оставил после себя «Мемуары». Вот выдержка из них: «Инструкции, полученные мною, указывали, что я не должен был допустить внесения в договор ничего, что касалось бы раздела Оттоманской империи и даже будущей судьбы Валахии и Молдавской провинции (а именно на этих узловых точках сходились интересы России. — *Авт.),* я точно их выполнял. Таким образом, Наполеон… сохранил свободу, в то время как императора Александра оплел всевозможными обещаниями».

На людях Александр держался безукоризненно — вежлив, любезен, доброжелателен. Но при встречах с Наполеоном он умел отстаивать свою точку зрения. В ссылке на острове Святой Елены Наполеон даст Александру такую характеристику: «Он умен, изящен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец времен упадка империи. У него, конечно, есть подлинные или наигранные убеждения, однако, в конце концов, это только оттенки, данные ему воспитанием и наставником. Поверите ли мне, если я скажу, что мы с ним обсуждали? Он доказывал мне, что наследование является злом для верховной власти, и я вынужден был потратить целый час и призвать на помощь все мое красноречие и логику, дабы доказать ему, что подобное наследование есть покой и счастье народов. Вполне возможно, что он меня дурачил, ибо он тонок, лжив, ловок: он может далеко пойти. Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником в Европе. Только я мог его остановить, когда он появлялся во главе своих татарских полчищ…»

Наполеон уже пережил войну в России, и Эльбу, и Ватерлоо, а про Александра так ничего и не понял. Но помнил, о чем беседовал с молодым Александром в Тильзите — про наследственную власть. А ведь Александр был именно искренен, когда коснулся этой темы. Наверное, ему хотелось узнать, как Наполеон относится к власти, когда она узурпирована, но прямо ведь не спросишь. Отсюда и замечание: «Он (Александр. — *Авт.)* ставит все чувства доброго сердца на место, где должен находиться просвещенный разум».

Тильзитские переговоры окончились тем, что Пруссии были оставлены, «из уважения к его величеству императору российскому», четыре провинции, отняты польские земли и образовано Великое герцогство Варшавское (России оставили

только Белостокский округ). Во время переговоров Александр очень старался облегчить участь Пруссии, сам король Вильгельм Наполеоном в расчет не принимался. Между императорами был заключен тайный оборонительный и наступательный союз. Александр был вынужден принять к исполнению указ о континентальной блокаде.

8 июля 1807 года был подписан Тильзитский мир. Императоры обменялись знаками отличий своих государств, Наполеон получил ленту Андрея Первозванного, Александр — ленту Почетного легиона. Все пленные были освобождены. Затем был устроен смотр французской и русской гвардии, парад, крики «ура», императоры расцеловались на виду у войска — любовь до гроба!

Что испытал Александр по возвращении в Петербург, знает он один. Россия ненавидела Наполеона, а теперь царь подверг ее позорному унижению. Негодовала церковь, называя Наполеона «тварью, достойной презрения» и «антихристом», дворянство считало Тильзитский договор предательством. Уже делались жесткие заявления, что Александр — слабый государь, недальновидный, нерешительный, что не следует ждать от него чего-либо хорошего. Нашлись умники, которые шептали по углам, что император может кончить так же, как его отец и дед: за этим, мол, дело не станет. Мало того что шептались, анонимки присылали. Русская дипломатия тоже почитала себя смертельно обиженной.

Императрица Елизавета Алексеевна, как могла, поддерживала мужа. Она писала матери: «Чем более привязанности Александр выказывает своему новому союзнику, тем больший шум это вызывает, тем сильнее крики, от которых иногда становится страшно». Но эта поддержка мало значила. Семья была настроена против Александра. Мария Федоровна заявила, что ей неприятно целовать друга узурпатора Наполеона. Ее двор и составлял главную оппозицию. Мария Федоровна жила в Павловске, и туда стекались все недовольные. В противовес скромной даче Александра двор вдовствующей императрицы был роскошен. Она словно давала понять обществу, где находится истинная власть государства.

Но Александр знал, что поступил правильно. Положение его было действительно безвыходным. Он писал из Тильзита сестре Екатерине Павловне, своему верному другу: «Вместо жертв мы выходим из борьбы даже с некоторым блеском». Теперь ему оставалось только скрывать от всех свои мысли и планы, терпеть и ждать.

Между Тильзитом и Эрфуртом

Франция обожала Наполеона. Тарле: «Это был какой-то непрерывный, блестящий праздник, волшебная феерия… Никогда при старом режиме не было такого блеска и такой громадной толпы залитых брильянтами царедворцев обоего пола. Но все они знали, что в далеком кабинете дворца, куда не долетали звуки веселья, часто стоит, склонившись над географической картой Пиренейского полуострова, их властелин, многим из беспечно танцующих придется по велению императора внезапно распроститься со всей роскошью, в которой они купаются, и опять стоять под ядрами и пулями. И во имя чего?»

Вот именно — зачем? Но Наполеон не хотел ставить точку. Теперь ему необходимо было разделаться с Португалией и Испанией. Англия полновластная хозяйка на море. А какая может быть континентальная блокада, если Гибралтар в ее руках? В Испанию с армией был послан Мюрат. Испанский престол занимал слабый государь Карл IV Бурбон, страной фактически правила его жена вместе с фаворитом. Был еще наследник Фердинанд, который враждовал и с отцом, и с матерью. Когда французские войска шли на Мадрид, король с женой и ее фаворитом бежали из города, но были схвачены. Власть перешла в руки Фердинанда. Мюрат занял Мадрид 23 марта 1808 года. Наполеон не признал власти Фердинанда и пригласил семью Бурбонов во Францию. Там он фактически сделал их своими пленниками. Испанский престол занял брат Наполеона Жозеф.

Наполеон «замечательно» устроил дело с правителями, но не с народом. В Испании поднялось восстание. Партизанская война — непривычное и непонятное для Наполеона дело. «Нищие канальи», как звал их Наполеон, поднялись бороться за свободу страны. «Гверилья» — значит «маленькая война». Кстати замечу, что из всех покоренных Наполеоном стран только в Испании и в России началась эта самая гверилья — партизанская борьба. Недаром Хосе Ортега, философ и социолог, так любит проводить параллели между Россией и Испанией. Народная война — это как цунами, землетрясение. Со стихией Наполеон успешно сражаться не умел. Повстанцам удалось занять Мадрид. Война с Испанией входила в новую фазу.

Новое веяние тут же почувствовала Австрия и начала спешно вооружаться. Австрию надо было «укоротить», и Наполеон решил сделать это руками России. Именно это заставило его пригласить Александра в Германию на встречу в Эрфурте.

Александру очень не хотелось ехать в Эрфурт, но он обязан

был выполнять пункты договора, подписанные в Тильзите. Против поездки активно выступила и мать Мария Федоровна. В России было известно, как обошелся «узурпатор» с испанской королевской семьей. А вдруг он задумал совершить подобное и с ее сыном? Тревожное было, одним словом, настроение.

Встреча состоялась 27 сентября 1808 года. Наполеон встретил русского императора, как и прежде, любезно и с подобающей пышностью. Музыка, торжественные приемы, обеды, охота, конные прогулки, каждое желание царя тут же исполнялось. Но год, проведенный после Тильзита, многому Александра научил. Он был учтив, сдержан и куда менее податлив, чем прежде. Разговоры между императорами продвигались туго. Наполеон сказал в сердцах французскому посланнику в России генералу Коленкуру: «Ваш император упрям, как мул: он глух ко всему, чего он не хочет слышать».

У каждого императора была своя политическая задача. В Тильзите щедрый на обещания Наполеон сказал, что Франции будет принадлежать Запад, а России — Восток. Россия находилась с Турцией в состоянии война. Год назад там произошло отречение султана Селима, государство было ослаблено, и Александр надеялся не только на присоединение Молдавии и Валахии, в мечтах он уже хотел захватить Константинополь. Разве не это завещала ему мудрая бабушка Екатерина? Но на деле выяснилось, что Наполеон рассчитывает сам хозяйничать в Турции и даже Молдавию и Валахию прибрать к рукам. Александр, в свою очередь, обходил молчанием все предложений Наполеона относительно Австрии. Император чувствовал, что царь ускользает от его влияния. Иногда он буквально выводил его из себя. Наполеон был вспыльчивым человеком и при объяснении со своими проштрафившимися подданными мог пустить в ход руки, ноги и даже палку. Но царя не ударишь. Однажды Наполеон в гневе сорвал с голову треуголку и яростно принялся ее топтать. Александр невозмутимо наблюдал за происходящим, потом сказал:

— Вы резки, а я упрям. Будем разговаривать, будем рассуждать, иначе я уеду.

Разговоры и рассуждения продолжились. В Эрфурте случилось, казалось, невозможное: Талейран, «великий дипломат» и правая рука Наполеона, предал своего хозяина в пользу Александра. Талейран запатентовал за собой в истории кличку «отец лжи». Еще о нем говорили, что он всегда продавал тех, кто его покупал, что он продал бы и родную мать, но не нашел покупателя. Талейран вышел в отставку еще в Тильзите. Говорили, что его прогнал Наполеон за непомерные взятки, но

есть сведения, что он сам спровоцировал свою отставку, почувствовав, что власть Наполеона не может быть долговечной. Но и в отставке Талейран остался при деле. Он теперь назывался великим вице-электором, чисто дворцовая формальная должность с хорошим окладом и титулом «высочество». Но не в этом суть. Главное, что Наполеон вдруг взял его с собой в Эрфурт, днем он работал на Наполеона, вечером давал советы Александру, как этого Наполеона переиграть. Было несколько тайных свиданий. Цену за услугу Талейран заломил немыслимую. Сохранилось письмо Талейрана Александру — сентябрь 1810 года. Вице-электор вежливо попросил императора «по прочтении сжечь», но тот по забывчивости или с умыслом не выполнил эту просьбу. Письмо сохранилось для потомков. Вот несколько строк из него. Дело здесь даже не в смысле, но стиль! Истинный дипломат!

«…Целая система упреков, стеснений и внутренних треволнений поставила меня, а следовательно, и мои дела со времен Эрфуртского свидания в весьма затруднительное положение. Всякое побуждение, всякая простая в иное время вещь могли быть истолкованы в дурную сторону (кем? Наполеоном, конечно. — *Авт.*). Поэтому надобно было предоставить всесильному времени разъяснить предубеждение императора, которое должно было исчезнуть, так как моя преданность ему не изменилась ни на минуту». Еще на абзац шарканье ножкой, потом четкая деловая фраза: «Мне необходимо иметь всего 1 500 000 франков, и было бы весьма важно получить их в ноябре». Далее опять реверансы: «Ежели Ваше Высочество найдете, что, обратившись к Вам с полным доверием, я отдаю этим лишь должное присущим Вам достоинствам и великодушию и действую исключительно под влиянием того доверия, которое Вы мне внушили, и ежели все это возбудит у Вас вывести меня из затруднительного положения, то я умоляю Вас приказать доверенному лицу…» Затем следуют четкие указания, в какой банк и кому перевести деньги, чью подпись считать действительной и т. д. Александр велел выслать Талейрану деньги, но сумма была меньше требуемой. Тарле пишет, что свое предательство впоследствии Талейран объяснял заботой о Франции, которую Наполеон вел к неминуемой гибели. На этих страницах мы еще встретимся с «отцом лжи».

Рассуждая и разговаривая, Наполеон «разрешил» Александру «уладить отношения со Швецией». То есть царю «позволили» воевать со Швецией. В результате Шведской войны Россия получила Финляндию. Наполеон также согласился на присоединении к России Валахии и Молдавии, но вопрос о давлении России на Австрию так и не был решен. Переговоры в

Эрфурте не принесли желаемых Наполеоном результатов. Были подтверждены договоренности в Тильзите, был подписан мирный и оборонительный союз, который не был соблюден. Раздраженный император назвал императора Александра «истинным византийцем», то есть человеком коварным и непредсказуемым. Известна еще одно прозвище, которым наградил император царя, — Северный Тальма. В Эрфурте была широкая «культурная программа», каждый вечер лучшие актеры «Комеди Франсез» разыгрывали драмы, это и вызвало ассоциацию с великим актером.

Потом Александра упрекали, что он дал обмануть себя Наполеону, который наобещал с три короба и ничего не выполнил. Но историк А. А. Корнилов пишет: «Трудно сказать, кто был более обманут в этом дипломатическом турнире… Если смотреть на дело с точки зрения тогдашних международных отношений и если принять реальные условия момента, то следует, во всяком случае, признать, что политика Александра в Тильзите и затем через год при новом свидании с Наполеоном в Эрфурте была очень искусна. В этих переговорах Александр выступает впервые в качестве тонкого и проницательного дипломата, и, кажется, теперь можно считать, что это и была его настоящая сфера, в которой он был, несомненно, крупным государственным человеком, способным состязаться со всеми европейскими знаменитостями своего времени».

1809 год. Наполеон усмирил и Испанию, и Австрию, он всемогущ, у него великая империя. А что нужно для укрепления империи навечно? Наследник, которого у Наполеона не было. Император решил развестись с Жозефиной. Стали искать невесту. Наполеон приказал провести быстрый поиск. На долгие смотрины у него не было времени. В Европе остались три великие державы: Англия, Россия и Австрия. Англию исключили сразу, с ней идет война. В России есть две великие княжны: Екатерина Павловна и Анна Павловна. Выяснилось, что Екатерину Павловну поспешили выдать замуж за принца Ольденбургского. В конце 1809 года Франция сделала запрос относительно брака Наполеона с Анной Павловной.

Петербург пришел в смятение. Мария Федоровна говорила, что ни за что не отдаст свою дочь в руки узурпатору. А что оставалось делать Александру? В самых вежливых выражениях он уверял французского посла Коленкура, что для него было бы истинным счастьем видеть свою сестру на французском троне, но Анна очень молода, шестнадцать лет, и мать просит императора Наполеона отсрочить свадьбу. Фактически это был отказ. Марию Федоровну поддерживало все ее окружение, континентальная

блокада вызвала новый приступ ярости против Франции.

Австрийцы были более сговорчивы. Супругой Наполеона стала Мария-Луиза Австрийская. Казненная Мария-Антуанетта была ее родной теткой — вот ведь гримаса истории. Принц де Лиль сказал об этом браке: «Австрия принесла в жертву минотавру прекрасную телочку». Павловский двор вздохнул с облегчением, а русская дипломатия была обеспокоена. Похоже, Австрия окончательно перешла на сторону Наполеона, и теперь Россия осталась на континенте в полном одиночестве против произвола узурпатора.

Сперанский

У Александра и дома было полно дел. Негласный комитет распался, но у императора появился новый человек, который один стоил целого комитета, — Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839). Он был сыном сельского священника, «поповичем», как презрительно называло его царское окружение. Первое место учебы — Владимирская семинария. Там он и получил свою фамилию — за выдающиеся способности. Фамилия отца была Третьяков, а записали нового ученика Сперанским как «подающего надежды», от латинского sperare — «уповать, надеяться». В числе лучших выпускников Сперанский попал в главную семинарию при Александро-Невском монастыре в Петербурге, которую с успехом окончил. Ему было предложено место преподавателя в той же семинарии, курсы по математике, физике, красноречию и философии, но судьба подготовила ему более престижное место. Он стал домашним секретарем князя А. Б. Куракина. У князя был гувернер — немец из Пруссии Брюкнер. Молодые люди подружились. Восприимчивый Сперанский проникся либеральным духом, стал поклонником Вольтера, Дидро и энциклопедистов.

Вступив на престол, Павел назначил Куракина генерал-прокурором. В 1797 году Сперанский начал работать в канцелярии князя, где зарекомендовал себя самым лучшим образом. При Александре I его карьера быстро пошла вверх. Он перешел в Министерство внутренних дел в звании статс-секретаря. Его обязанностью было составлять различные отчеты и доклады по министерству. Писать он умел великолепно. Вот, например, чем он покорил князя Куракина. Прежде чем взять молодого человека в свои секретари, Куракин устроил ему экзамен, поручив написать десять деловых писем на одну и ту же тему разным лицам. На это Сперанскому хватило одной ночи. Восторг князя был полный.

В 1806 году из-за болезни Кочубея, тогда министра иностранных дел, Сперанский попал с бумагами и докладом к государю. Это решило его судьбу. Характеризуя отношения царя и его гениального чиновника, можно даже употребить слово «подружились». Отправляясь в Витебск для смотра 1-й армии, Александр взял Сперанского с собой. После этой поездки Сперанский был уволен из Министерства внутренних дел с оставлением звания статс-секретаря. В 1808 году Сперанский в свите императора присутствует на Эрфуртском свидании с Наполеоном.

Осенью 1808 года Александр поручил Сперанскому разработать проект новых государственных преобразований. Царь проявил к этому огромное любопытство, иногда целыми вечерами они вдвоем обсуждали предстоящую работу, сравнивали различные системы европейского управления. И какие идеи обсуждались? Надо, например, чтобы законодательное собрание не имело власти санкционировать свои собственные постановления, но его мнения, совершенно свободные, должны быть точным выражением народных желаний. Или… члены судебного сословия должны свободно выбираться народом, но надзор за соблюдением судебных форм и охранение общественной безопасности будут лежать на правительстве.

В. О. Ключевский: «Сперанский принес в русскую неопрятную канцелярию XVIII века необычайно выправленный ум, способность бесконечно работать и отличное умение говорить и писать». В 1807 году в России создается комитет по безопасности, в 1809-м появляются два указа — о придворных званиях и об экзаменах на чин, которые должны были повысить образовательный уровень чиновников. Чинами перестали жаловать, как раньше. Придворные чины камер-юнкера и камергера, прежде приравненные по Табели о рангах к высшим военным и штатским чинам, превратились в почетные звания.

Александр поручил Сперанскому руководство комиссии по составлению государственных законов, а также разработку плана государственного преобразования. И работа эта была сделана. Сперанский был теоретик. Помните, у нас была при Хрущеве и дальше при Брежневе появилась «бумажная архитектура» — гениальные, не побоюсь употребить это слово, проекты наших лучших архитекторов, которые по недомыслию начальства не пошли в жизнь. Так же обстояло дело со Сперанским. Его труд назывался «Введение к уложению государственных законов». Он создал на бумаге необычайно стройную систему управления государством. Три ряда учреждений — законодательные, судебные и исполнительные — пронизывали всю государственную систему от волости до Петербурга и носили земский, выборный характер. Государственная дума — законодательная власть, Сенат — судебная, министерства — исполнительная. Три этих учреждения объединялись Государственным советом: тридцать пять членов во главе с императором. Совет — совещательное учреждение, он рассматривает законы до внесения их в Думу, а затем наблюдает за выполнением этих законов.

Осуществление планов Сперанского началось с образования Государственного совета (1 января 1810 года). Далее последовало

преобразование министерств… а дальше все встало. Этому было много причин. Советская историография отводит в этой остановке непомерно большую роль Аракчееву, еще одному любимцу царя, человеку верному, преданному, но косному. Аракчеев занимал пост военного министра, он готовился к войне с Наполеоном, а в свободное от работы время люто ненавидел Сперанского. Вельможи также зело не любили преобразователя, считая его «безродным поповичем» и «выскочкой». Общественность подозревала его в страшных грехах: он ездил с царем в Эрфурт и наверняка продался узурпатору, недаром он в своих законодательных проектах использует «Кодекс Наполеона».

Кроме всего прочего, план Сперанского предусматривал освобождение крепостных крестьян (без земли), а уж это, простите, «не в какие ворота». Окружение Александра все в один голос кричали: «Рано! Будет Бунт! Только второго Пугачева нам не хватало!» Рупором общественного мнения стал Карамзин, который в записке «О древней и новой России» (1811 год) утверждал, что нам нужны не реформы, а «патриархальная власть и добродетель». (Господи, как все похоже! А ведь двести лет прошло! — *Авт.*) Власть должна быть, утверждал Карамзин, более «хранительной, чем творческой». России нужна не конституция, а пятьдесят дельных губернаторов.

Опять не могу утерпеть: где их взять, этих золотых «дельных губернаторов», это во-первых. Державин, честнейший человек, был губернатором в Тамбове. Боролся со взяточничеством и воровством, а за это местная элита вкупе с соседями чуть его со света не сжила, и Екатерина II отставила его от должности. Правда, потом сделала его своим статс-секретарем. Она вообще считала Державина простаком и навязчивым занудой. Строга была к нему богоподобная Фелица. А во-вторых, при Сталине у нас была лучшая в мире Конституция — и что? Разве в этой Конституции были прописаны статьи про ГУЛАГ и рабство?

Право слово, на Россию не угодишь. Придумали лозунг, что народ всегда прав, а народ и по сей день Сталина славит, опять порки хочет. Эх, знал бы Александр I, как пойдут дела в его отечестве через сто лет, он бы меньше корил себя и отчаивался. Чиновники ненавидели Сперанского как-то особенно люто, экзамены, вишь, на должность надо сдавать! Можно сказать, что от имени чиновников выступал Вигель. Вот некоторые цитаты: «Сие ненавистное имя в первый раз еще является в сих записках. Человек сей быстро возник из ничтожества»; «Он не любил дворянства, коего презрение испытал он к прежнему своему состоянию; он не любил религии, коей правила стесняли его действия и противились его обширным замыслам; он не любил

монархического правления, которое заслонило ему путь на самую высоту; он не любил своего отечества, ибо почитал его недостаточно просвещенным и его недостойным». При всем этом Вигель отдавал должное уму и таланту Сперанского: «Я разделял всеобщее к нему уважение; но и тогда близ него мне все казалось, что я слышу серный запах и в голубых очах его вижу синеватое пламя подземного мира».

Вокруг Сперанского при дворе закрутилась серьезная интрига. Подметные письма слали и самому преобразователи, и царю — лично. Главной пружиной интриги стал глава комиссии по финляндским делам барон Армфельт, он считал, что Сперанский слишком мало уделяет внимания его Финляндии. Армфельт пользовался большим расположением царя и вынашивал большие планы относительно собственной карьеры. Армфельт был дружен с министром полиции Балашовым, который откровенно подозревал Сперанского в измене. Стая осведомителей работала на полицию, донося, что и где сказал Сперанский о существующем в России правопорядке. Все доносы ложились на стол царю. По рукам ходила рукопись, в которой доказывалось, что единственная задача Сперанского — разрушить основы государства в пользу Наполеона. А Сперанский просто не мог остановить финансового расстройства в стране. Руки ему связывала континентальная блокада, и это была не его вина.

В конце концов, все это Александру надоело — все негодуют, даже Карамзин, патриот и умница, против преобразователя, а Россия на пороге войны. Состоялся двухчасовой разговор между царем и его гениальным чиновником, разговор был тяжелым. Рассказывали, что после него государь плакал. На следующий день царь сказал князю Головкину: «…у меня в прошлую ночь отняли Сперанского, а он был моей правой рукой». Преобразователь не смог себя защитить, и Александр вынужден был сказать ему, что ввиду приближения неприятеля к границам России он не имеет возможности проверить все возведенные на Сперанского обвинения, поэтому тот должен уйти в отставку.

Но вообще-то во всем этом присутствует некая тайна. Какая-то серьезная трещина расколола отношения Александра и преобразователя. Царь вовсе не всегда прислушивался к общественному мнению, пренебрег бы им он и на этот раз, но… там была обида. И обиделся именно Александр, Сперанскому обижаться было не по чину, да и не до этого ему было, он был слишком предан своей науке. Отставка Сперанского громом прошла по стране. М. А. Дмитриев в своей книге «Главы и воспоминания моей жизни» пишет: «…падение Сперанского наделало в пансионе много шуму. Всякий, съездивший домой,

привозил разные известия. Большая же часть была такого мнения, что Сперанский изменил России и передался Наполеону». Но царь позднее защитил своего статс-секретаря (к делам тот вернулся в 1816 году). Известны слова Александра о Сперанском: «Он никогда не изменял России, он изменил лично мне».

17 марта 1812 года Сперанский был отставлен от всех должностей и сослан на жительство в Нижний Новгород. До войны оставалось два с половиной месяца.

Перед войной (Наполеон)

Помните, как Наполеон уговорил Павла I погнать казаков в Индию, собираясь со временем присоединиться к русской армии. Он хотел сломить политическую и экономическую силу Англии. Зачем? Во имя собственной славы и славы Франции. Он говорил: «Моя любовница — власть». В мечтах Наполеон хотел создать всемирную империю, в Европе тесно, ему и Азию подавай. Но между Европой и Азией стояла Россия, и ее надо было сокрушить. Он говорил Нарбонну перед походом на Россию:

«Во всяком случае, мой милый, этот длинный путь есть путь в Индию. До Александра так же далеко, как от Москвы до Ганга; это я говорил еще при Сен-Жан-д'Арке… В настоящее время я должен зайти в тыл Азии со стороны европейской окраины для того, чтобы там настигнуть Англию… Предположите, что Москва взята, Россия сломлена, царь просит мира или умер от какого-нибудь дворцового заговора; скажите мне, разве не возможно для французской армии и союзников из Тифлиса достигнуть Ганга, где достаточно взмаха французской шпаги, чтобы разрушить во всей Индии это непрочное нагромождение торгашеского величия? То была бы экспедиция гигантская, я согласен, во вкусе XIX века, но выполнимая».

Но это мечты, а реальность? Война всегда имеет экономическую подкладку. Континентальная блокада разоряла не только Россию, но и Европу, а стало быть, и саму Францию. Необходимо было оградить ото всех европейских берегов торговые суда Англии. Это была сложная и фактически нерешаемая задача. Таможня и полиция вроде бы работали в полную силу, но в этом заборе было полно щелей. Процветали контрабанда, взятки, подкупы. Император посылал для проверки ревизоров, контролеров, но те тоже люди, им слишком много платили, чтобы они закрывали глаза. А еще плутовство банков, махинации промышленников, которым нужно было привозное сырье, хлопок, например. Тогда Наполеон вообще запретил даже легальную торговлю колониальными товарами. Тарле пишет: «… не веря таможенным чиновникам, полиции, жандармам, властям крупным и мелким, начиная от королей и генерал-губернаторов и кончая ночными сторожами и конными стражниками, Наполеон приказал публично сжигать все конфискованные товары. Толпы народа угрюмо и молчаливо, по свидетельству очевидцев, глядели на высокие горы ситцев, тонких сукон, кашемировых шалей, бочек сахара, кофе, какао, цибиков чая, кип хлопка и хлопковой пряжи, ящиков индиго, перца, корицы, которые

обливались и обкладывались горючим веществом и публично сжигались». Народу это очень не нравилось, даже к аутодафе в Испании относились спокойнее. Люди устали воевать, они хотели мира. Но кто-то грел на этом руки и поддерживал континентальную блокаду.

Наполеон был в бешенстве, а на ком срывать зло, конечно, на Александре I. Тот явно нарушает договоренности Тильзитского и Эрфуртского соглашений. Не было ясной договоренности по поводу польских дел, а Александр очень радел об этом государстве. Разговоры с Адамом Чарторыйским не пропали даром. По поводу женитьбы императора тоже не смогли договориться. Наполеона вполне устраивала австрийская принцесса, но явный отказ России в этом вопросе император счел для себя оскорбительным. Он выгнал герцога Ольденбургского из его собственных владений, ссылаясь на то, что герцог не строго соблюдает континентальную блокаду. Герцог был супругом любимой сестры Александра — Екатерины Павловны. Александр счел такой поступок несправедливым и разослал по всем европейским дворам циркулярный протест против действий Франции. Наполеон был уверен, что Россия ведет тайную торговлю с Англией в северных морях, и что уж совсем возмутительно, царь ввел в 1810 году высокий тариф на предметы роскоши, ввозимые из Франции. Наполеон начал бы сразу войну с Россией, но эта война требовала серьезной подготовки.

Был объявлен рекрутский набор, будущих солдат отлавливали по всей Европе. 24 февраля 1812 года в Париже было подписано соглашение с Пруссией. Эта униженная и разоренная страна готова была участвовать в любой войне, которую Франция развяжет. Пруссия должна была поставить двадцать пять тысяч солдат и провиант для Великой армии. 14 марта 1812 года такое же соглашение подписала Австрия, с обязательством поставить тридцать тысяч солдат. Для Наполеона это была капля в море, но Наполеону был важен нейтралитет этих государств. Впрочем, пока Россия вела войну с Турцией, а потому наступательная война была для нее немыслима. Англии Наполеон не опасался, она воевала с Североамериканскими Штатами.

Дипломаты верили в успех. На Россию шла армия, силой и численностью сравнимая с татаро-монгольским нашествием. Но были и сомневающиеся. Их было немало, вспомним, например, предостережения французского посла Коленкура, отозванного из России. Он говорил Наполеону: «Там не тешат себя иллюзиями относительно вашего величества и его неисчислимых ресурсов и возможностей; там знают, что придется столкнуться с

победителем многих крупных сражений. Но знают также, что страна их широка. В ней есть куда отступать и есть территории, которые можно уступить… Надо также считаться с зимой, тяжелым климатом, а более всего с решимостью никогда не уступать…» На это Коленкур получил жесткую отповедь императора, которую тот закончил криком: «…Вы говорите как русский человек! Вы стали русским!» Что Наполеону зима, он был уверен, что война будет быстрой, ему хватит лета. Достаточно выиграть первую битву, а там — заключение перемирия, и Александр с его государством становится вассалом Франции.

В мае 1812 года Наполеон вместе с Марией-Луизой (она уже родила императору наследника) приехал в Дрезден. Оттуда он проследовал в Познань, далее в Торн и Данциг и, наконец, в Кенигсберг. Всю поездку он усиленно работал по организации армии. Девяносто тысяч поляков влились в его армию, Польша принимала императора с восторгом. В Литве Наполеон подписал приказ по армии. Текст приказа был необычайно пышным, у нас такие сочиняли в Гражданскую войну восторженные комиссары. Россия нарушила свою клятву, и ее необходимо наказать, и последняя фраза: «…мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет оказывает на дела Европы». Приказ был воспринят как объявление войны. Великая армия двинулась к Неману.

Перед войной (Александр)

Было время, когда Александр сомневался в намерениях Наполеона стать властелином мира. Еще на Тильзитской встрече Наполеон сказал князю Волконскому за обедом: «Передайте вашему государю, что я его друг, но чтобы он остерегался тех, которые стараются нас поссорить. Если мы соединимся, мир будет наш, Вселенная подобна этому яблоку, которое я держу в руках. Мы можем разрезать его на две части, и каждый из нас получит половину. Для этого нам нужно быть согласными, и дело сделано». Волконский донес эти слова до царя. Александр ответил тогда: «Сначала он довольствуется одной половиной яблока, а там придет охота взять другую». Так оно и вышло. Надо было готовиться к войне.

Александр боялся этой войны. Он не доверял ближайшим сановникам, он не знал и не понимал «свой народ» — загадочное крепостное крестьянство — рабов, которых хотел освободить, но не знал как. Он старался преобразовать свою страну, и всюду, на всех уровнях, встречал активное сопротивление своим преобразованиям. И что он может сделать теперь — слабый, средних талантов человек, да и имеет ли он право на власть, которую получил таким страшным образом. Все это так, но Александр был мистиком, он считал, что самой судьбой России назначено сокрушить эту страшную, враждебную силу — Наполеона, а он обязан возглавить эту борьбу.

Не будем забывать, что Россия в это время вела войну с Турцией. Главнокомандующим на турецком фронте был Кутузов. В начале 1812 года русским удалось нанести серьезное поражение противнику. Главнокомандующему было приказано продолжать войну, но в нарушение инструкции Александра Кутузов заключил в мае 1812 года в Бухаресте мир с турками, что было очень своевременно. Александр настаивал, что обязательным условием договора с турками был бы подписанный договор о совместной оборонительной и наступательной войне. Царь надеялся в случае необходимости перебросить через Турцию к иллирийским землям Наполеона нашу армию. Но умный Кутузов понимал, что России не про Иллирию надо думать, а о сосредоточии всех оборонительных сил против Наполеона. Война с Турцией была окончена, но с Персией мы продолжали воевать.

Но война с Персией как бы и не в счет. Сейчас на повестке дня была совсем другая война. Александр устроил свою ставку в Вильно, это была передняя граница русской армии. Еще до того, как двинуть свои войска к границе России, Наполеон послал к

Александру своего генерал-адъютанта Нарбонна. Встреча состоялась в Вильно. Генерал от имени Наполеона стал упрекать царя, что тот не соблюдает условия договора, не соблюдает правила континентальной блокады, при этом ставил новые условия. Александр был любезен, условия отклонил, но при этом заявил, что никогда первым не обнажит шпагу против французов. Русские останутся в своих границах, но если грянет война… О, он понимает все преимущества Наполеона, но и у него, русского царя, есть сильные союзники в этой войне — пространство и время. Царь подвел француза к карте России, показал на Берингов пролив и сказал, что, если Наполеон начнет войну и удача не будет благоприятной русским, французскому императору «придется идти до этих мест, чтобы найти мир». Нет, французы не понимали, что такое Чукотка!

Когда авангард армии Наполеона по трем мостам перешел Неман, Александр танцевал на балу в предместье Вильно во дворце Беннигсена. При известии о начале войны, лицо царя не дрогнуло. Он не остановил бала, но остаток ночи провел за рабочим столом. К утру был составлен рескрипт. Вот выдержка из него: «Я не положу оружия, доколе ни одного неприятельского воина не останется в царстве моем».

Наполеон перешел через Неман 24 июня (по новому стилю) 1812 года. Он был удивлен, что русские сдали Вильно без боя. Коленкур пишет: «Потерять надежду на большое сражение при Вильно было для него все равно что нож в сердце».

Уже после того как Наполеон занял Вильно, Александр в первый и последний раз послал к нему министра полиции генерал-адъютанта А. Д. Балашова (1770–1837) с предложением мира.

«Мой брат Александр, который так надменно держал себя с Нарбонном, хотел бы уже уладить дело, — так пишет о реакции Наполеона Коленкур. — Он боится. Мои маневры сбили русских с толку. Не пройдет и месяца, как они будут у моих ног».

Наполеон принял Балашова только на третий день после его приезда. Балашову было поручено передать письмо от Александра, а также на словах «запросить о мотивах этого нашествия среди полного мира, без всякого объявления войны и предложить, так как России не известен ни один обоснованный повод к недоразумению между странами, объясниться и предотвратить войну, если император Наполеон согласен в ожидании исхода переговоров возвратиться в свои позиции за Неман» (Коленкур).

«Я пришел, чтобы раз и навсегда покончить с колоссом северных варваров… Надо отбросить их в льды, чтобы в течение

двадцати пяти лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы» — так говорил Наполеон своим свитским накануне встречи с Балашовым. При самой встрече с посланником Александра император был вежлив, насмешлив, уверен в себе, и смысл речей его был тот же: «Шпага вынута из ножен!» Он позволил себе даже поиздеваться над русской армией, о составе которой был хорошо осведомлен. Он знал, что там нет единомыслия — бери их голыми руками. «Что все они делают? — вопрошал он с насмешкой у Балашова. — В то время как Фуль предлагает, Армфельт противоречит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на которого возложено исполнение, не знает, что заключить, и время выходит у них в ничегонеделании».

Вигель пишет про весну 1812 года: «Показалась на горизонте ужасная, великолепная, блестящая комета с огромным хвостом, которой подобной я во всю жизнь мою не видывал ни прежде, ни после. Все лето, вплоть до осени, горела она на нашем небе и извещала мои вечерние и ночные прогулки. Как простолюдин, веровал я в сие страшное знамение и в мрачных мыслях невольно стал переноситься в будущее».

Отечественная

О первой Отечественной войне написано много исторических трудов, статей, диссертаций, романов и стихов, подробно и внимательно разобрано каждое сражение, каждая стычка. В мою задачу входит дать только краткий, поверхностный обзор этих кровавых событий второй половины 1812 года.

При Александре в Вильно было много советчиков, определяющих тактику и стратегию предстоящей войны. В конце концов все сошлись на термине «скифский план», именно в таких терминах генералы оценивали начало войны. Скифский план — это заманивать неприятеля в глубь страны, не давать серьезного сражения (а Наполеон рассчитывал именно на быструю, победоносную битву), изматывать противника уничтожением его флангов и, грамотно отступая, оставлять после себя мертвую, выжженную территорию без провианта и жилья. План, конечно, хороший, но он был не столько хитроумным и гениальным, сколько вынужденным. Русская армия при всем желании не могла дать большого решающего сражения, потому что была малочисленна и разъединена.

Информация относительно численности армий у историков разнится. Наполеон привел к границам России 420 тысяч солдат (235 тысяч он оставил во Франции и в Пруссии). При этом император знал, что целиком положиться он может только на французскую, закаленную в сражениях часть армии, прочих он собирал по всей Европе. Это были плохо обученные рекруты, которым наплевать на Францию и ее величие.

У русских на границе было 210 тысяч солдат, но армия была рассредоточена. Во главе 1-й Северной армии стоял главнокомандующий Барклай де Толли (герой недавней Финской войны). Армия Барклая размещалась на линии Немана. 1-й армии подчинялись казаки атамана Платова. Во главе 2-й армии — Южной — стоял Багратион, сподвижник Суворова, она стояла между Неманом и Бугом. 3-я резервная армия под командой генерала Тормасова стояла у Луцка, прикрывая путь на Киев.

С. П. Мельгунов, который относится к Александру, мягко говоря, скептически, говорит, что тот мнил себя великим полководцем и потому поехал в Вильно. А. А. Корнилов замечает, что Александр просто почитал своим долгом находиться в армии, но нашлись умные люди, которые посоветовали ему оставить армию, мотивируя это тем, что царь будет сковывать действия своих генералов. Любимая сестра Екатерина Павловна вторила генералам: «Ради бога, не поддавайтесь желанию командовать

самому!.. Не теряйте времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении вы не внушаете никакого доверия!» Горький совет, но Александр ему последовал. 18 июля был подписан договор между Россией, Англией и Швецией. Александр передал командование Барклаю-де-Толли и уехал вначале в Москву, а затем в Петербург.

Задачей Наполеона было не дать русским армиям объединиться. Он хотел их уничтожить одну за другой. Произошел целый ряд стычек. Наполеон хотел обойти Барклая под Витебском, Барклай же хотел именно в Витебске объединиться с армией Багратиона. Объединить армии не удалось, но и Наполеон не смог выполнить свой план. С горечью он увидел, что русские опять ускользнули, отступив в глубь страны. Объединение русских армий произошло в Смоленске. Французские солдаты были уже порядком измотаны. Шли они быстро и по плохим дорогам, стояла страшная жара, фуража не хватало, начался падеж лошадей.

В Смоленске Наполеон решил дать свою главную битву. Багратион, горячего нрава был человек, утверждал, что без боя Смоленск сдавать нельзя. Барклай вынужден был сделать эту уступку, хотя и считал ее ненужной, главные силы русских ушли без боя на восток. 3 августа Наполеон приказал начать бомбардировку города. Русские сражались храбро и очень упорно. Битва шла до шести часов вечера, французы заняли окраины города. На следующий день бой возобновился, отступали в полном порядке. Сдерживать французскую армию во время отступления поручили генералу Дохтурову. В ночь на 6 августа русские взорвали пороховые склады и оставили город. Армия Даву вошла в него без боя. Смоленск горел. Улицы были завалены трупами людей, лошадей, крики раненых были ужасны. Рассказывают, что Наполеон, пройдя в приготовленный для него уцелевший дом, бросил саблю на стол и сказал мрачно: «Кампания 1812 года окончена».

Далее Наполеон раздумывал — разделить ли кампанию на два года, получив подкрепление из Европы, или сразу идти на Москву. Трудностей было много. Русские опять ускользнули, ушли от генерального сражения. Все это было похоже на войну нового типа. Огромные, малонаселенные пространства России обязывали к устройству непомерно длинной коммуникационной линии, продовольствия было заготовлено почти на год, но по плохим русским дорогам его плохо подвозили, солдаты болели. Кроме того, Наполеон не знал о разногласиях в русском стане, о растерянности и страхах русского двора. Он только видел, что русские воюют гораздо лучше, чем он ожидал. Уже было ясно, что

при сложившихся обстоятельствах дипломатическими переговорами мира не добьешься. Наконец, он решил, что войну надо закончить в этом году, а для этого надо было взять Москву. И Наполеон пошел на Москву.

В салонах и в штабах

Я уже писала о фрейлине императрицы госпоже Эдлинг. Злоязычный Вигель: «Наружностью ее плениться было трудно: на толстом, несколько скривленном туловище коровья голова. Но лишь только она заговорит, и вы очарованы, и даже не тем, что она скажет, а единственно голосом ее нежным, как прекрасная музыка. И когда эти восхитительные звуки льются, что выражают они? Или высокое чувство, или высокую мысль… и притом какая простота! Какое совершенное отсутствие гордости и злобы!» Р. С. Эдлинг всю жизнь имела особые, дружественные отношения с Александром. Эту цитату я привела, чтобы ясно было, что отношения ее с государем были чисто платонические. В своих «Записках» она приводит интересный разговор с Александром, состоявшийся после его приезда из Москвы в Петербург. Царь поселился на Каменном острове на даче, и императрица сказала, что государь хочет познакомиться со скромной и умной фрейлиной. «После обыкновенных вежливостей разговор зашел о тяжелом положении того времени… Говоря о патриотизме и народной силе, государь отозвался так:

— Мне жаль только, что я не могу, как бы желал, соответствовать преданности этого удивительного народа.

— Как же это, государь? Я вас не понимаю.

— Да, этому народу нужен вождь, способный вести его к победе; а я, по несчастью, не имею для этого ни опытности, ни нужных дарований. Моя молодость протекала в тени двора, если бы меня тогда отдали Суворову или Румянцеву, они меня научили бы воевать, и, может быть, я сумел бы предотвратить бедствия, которые нам угрожают.

— Ах, государь, не говорите этого. Верьте, что ваши подданные знают вам цену и ставят вас во сто крат выше Наполеона и всех героев на свете.

— Мне приятно этому верить, потому что вы это говорите, но у меня нет качеств, необходимых для того, чтобы исполнить, как бы я желал, должность, которую я занимаю.

Но, по крайней мере, не будет у меня недостатка в твердой и доброй воле на благо моего народа в нынешнее страшное время. Если мы не дадим неприятелю напугать нас, война может обратиться к нашей славе. Он рассчитывал поработить нас миром, но я убежден, что если мы настойчиво отвергнем всякое соглашение, то в конце концов восторжествуем над всеми его усилиями.

— Такое решение, государь, достойно вашего величества и

единодушно разделяется народом.

— Да, мне нужно только, чтобы не ослабело усердие к великим жертвам. Лишь бы не падать духом, и все будет хорошо».

Вот такой разговор. Я не упускаю из памяти недоверие Лотмана к женским мемуарам, более того, я с ним согласна. Мужчины-историки стесняются широко цитировать дам, а я считаю, что они добавляют в текст красочку, женские мемуары «согревают» повествование. «Записки» писаны много лет спустя, и хоть госпожа Эдлинг утверждает, что «не забыла ни единого слова», это маловероятно. Кроме того, разговор этот, при всей важности темы, несет в себе черты салонной беседы. И все-таки он очень показателен, поскольку подтверждает сомнения и муки Александра, описанные и другими современниками. А ведь из этих описаний позднейшие историки и кроили свои труды.

В России вдруг все стали патриотами. До этого богатое дворянство не снисходило до родного языка, изъясняясь по-французски, теперь же все перешли на родную речь. Иногда квасной патриотизм приобретал почти комические черты. Вигель пишет, что в Пензе, где он тогда жил, было много эмигрантов из Москвы, Смоленска и прочих мест. Все ненавидели Наполеона. Из патриотических чувств дамы надели кокошники и сарафаны. Губернатор облачился в казацкое платье, чиновники последовали его примеру, даже сабли навесили к поясу. Еще из кисетов выкинули французский табак, из библиотек — французские книги, юные девы теперь не ездили к модисткам-француженкам. Они мечтали о работе в лазаретах и щипали корпию, то есть выдергивали нитки из старых простыней, готовя перевязочный материал, заменяющий вату.

А наша армия все отступала и отступала, и не было конца этому «скифскому плану», который не понимал народ и в который слабо верили, да и не хотели верить при дворе. Отступление наших войск вызвало огромное негодование и беспокойство у россиян. Но мирное население может думать что угодно, главная беда была в том, что в армии не было согласия. У каждого главнокомандующего были свои амбиции. Багратион был по званию выше Барклая де Толли, но он вынужден был ему подчиняться. Во главе русской армии стояли иностранные генералы, и многие в армии видели именно в этом причину наших неудач. Они немцы, какое им дело до наших, русских, дел. Солдаты считали, что их предали.

Барклай-де-Толли стал «козлом отпущения». Багратион писал в Петербург: «Министр ведет гостя прямо в Москву». Строки эти дышали яростью. А ведь Барклай великолепно провел начало войны, он сохранил армию. По отзыву современников, Барклай

был одним из лучших русских генералов. Вот отзыв Ермолова о нем: «Барклай — человек ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле, равнодушен к опасности, недоступен страха. Свойств души добрых!» Еще Ермолов пишет: «…он излишне скромно ценил свои способности». И это отзыв человека, которого Александр назначил присматривать за Барклаем, мало ли что… а если «что», то тут же донести царю лично. В армии часто не доверяли друг другу, каждая неудача могла обернуться подозрением в предательстве.

Багратион тоже не любил Барклая, уж слишком разный у них был темперамент. Багратион был менее образован, чем Барклай, и в военном деле, и в общем образовании и уже этого не мог ему простить. Главным врагом Барклая был великий князь Константин Павлович. Он настолько непочтительно и хамски относился к главнокомандующему, что тот вынужден был под благовидным предлогом удалить его из армии. Великий князь был направлен в Петербург с важным поручением — он вез депеши царю. Возвращение в армию цесаревича Барклай счел «бесполезным». Цесаревич не застал Александра на месте, тот был в Финляндии. В ожидании брата всем и каждому, был бы слушатель, Константин Павлович рассказывал о безобразиях в армии, о том, как мы плохо воюем и что по-доброму пора бы заключать с Наполеоном мир — нам, мол, его не одолеть.

В учебниках пишут, что, уступая желаниям народных масс и их логике, Александр сменил главнокомандующего, поставив во главе армии чистокровного русского человека. Речь идет о Михаиле Илларионовиче Кутузове. Обычно не сообщают, насколько эта фигура не устраивала самого государя. Он помнил унижение, которое испытал при Аустерлице, он был раздражен самовольством Кутузова при недавнем перемирии с Турцией, при котором Россия так и не смогла обрести Валахию и Молдавию. Кроме того, Кутузов был стар — шестьдесят семь лет уже. Кажется, отвоевал, но почему-то солдаты его очень любили.

Назначения Кутузова главнокомандующим негативно воспринял и Багратион. Он сам метил на это место, считая, что по праву должен быть спасителем России. Смиренно принял новое назначение лишь Барклай-де-Толли. Он подчинился воле царя, но считал себя глубоко униженным. При Бородине он искал смерти, три лошади под ним пало, но он остался жив. Позднее народ оценил его заслуги, около памятнику Кутузову у Казанского собора вполне заслуженно стоит и памятник Барклаю-де-Толли.

Для самого Кутузова новый пост был полной неожиданностью. Он сказал Ермолову: «Если бы кто два или три

года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы ему в рожу». Кутузов прибыл в армию у деревни Царево-Займище 17 августа 1812 года. Кутузов говорил: «Разбить меня может Наполеон, перехитрить никогда». Кутузов не хотел давать генерального сражения. Он так же, как Александр I, хотя вряд ли они договорились об этом, был уверен, что наши союзники в этой войне «пространство и время». Но надо было считаться с общественным мнением. Скажу кстати, что деревушка Бородино была собственностью нашего героя и поэта Дениса Давыдова.

Бородино

После войны 1914 года, после наших революционных битв и Второй мировой кажется, что первая Отечественная была чем-то романтическим, подчас озорным, бесшабашным: ментики, доломаны, гусары и кавалергарды, шпаги и сабли. Конечно, Бородинская битва была тяжелой, но ведь не Сталинград! А потом я натолкнулась на рассказ про Маргариту Михайловну Тучкову, про то, как она искала на Бородинском поле останки мужа, право слово, кровь стынет в жилах. Битва состоялась 26 августа по старому стилю, то есть 7 сентября — по новому. Данные о потерях разнятся. Очень приблизительно: мы потеряли 45 тысяч, из них двадцать четыре генерала, французы примерно столько же при сорока девяти убитых и раненых генералах.

Обе армии сразу оставили поле сражения, хоронить трупы было некому. Только через два месяца явилась на поле похоронная команда. Теперь представьте — на Бородинском поле лежат 60 тысяч убитых, раздетых мародерами и объеденных зверьем молодых мужчин и 100 тысяч трупов лошадей. Запах страшный! (Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский пишет, что на поле было сожжено и похоронено 58 211 человек. Часть людей умерла позднее в госпиталях.)

И по этому полю с группой монахов идет молодая женщина, надеясь найти останки своего мужа. Тучкова Александра Алексеевича звали в армии Тучков 4-й (всего братьев было пять). Этот Тучков 4-й был не только бесстрашный генерал, но и красавец необыкновенный (посмотрите на его портрет в Эрмитаже). Я знаю, жалеть надо всех, но почему-то талантливых и красивых как-то особенно жалко, не так уж часто они появляются на свет. Тело мужа Маргарита Михайловна не нашла, не могла найти. Тучков 4-й на Семеновских флешах с полковым знаменем в руках поднял в атаку Ревельский полк. Он был убит прямым попаданием ядра в грудь, тело его превратилось в пыль.

Но место гибели было найдено. Генерал Коновницын выслал вдове план сражения, на котором крестиком указал Семеновские флеши. Там и поставила Маргарита Михайловна церковь, которая позднее превратилась в Спасо-Бородинскую обитель. Она там стала первой игуменьей, там и умерла.

Французы считают Бородинскую битву своей победой. Формально они правы, русские отступили. Кутузов хотел на следующий день продолжать сражение, но, подсчитав потери, счел за благо отступить, но сохранить армию. Но морально победа, конечно, была нашей. Бородинская битва была

поворотной в этой борьбе, это была точка бифуркации, после которой все пошло по другому пути. И еще про Бородино говорят, что среди однодневных сражений оно самое кровопролитное в истории.

После совещания в Филях русские оставили Москву. По приказу Кутузова Милорадович заключил на несколько часов перемирие с французами, чтобы дать возможность русским войскам уйти из города, оставив его нетронутым. Это обещание Милорадовича дает историкам возможность сомневаться в официальных приказах поджечь столицу.

Самая распространенная тема для школьного сочинения «Наполеон на Поклонной горе по роману Толстого «Война и мир»». А вот как пишет об этом Тарле: «Наполеон… не мог сдержать своего восхищения: его, как и свиту, поразила красота зрелища. Колоссальный, блиставший на солнце город, расстилавшийся перед ним, был для него мостом, где он даст, наконец, своей армии передохнуть и оправиться и прежде всего послужит тем залогом, который непременно заставит Александра пойти на мир». Наполеон ждал депутацию, которая бы вручила символические ключи от города. Но скоро выяснилось, что нет не только депутации, но и самих жителей. Кое-где в домах были слуги, кое-где теснилась беднота, но по большому счету город был пуст. Жители оставили свою столицу. А ночью вспыхнул первый пожар, горели торговые ряды. Потушили, к этому Наполеон не отнесся серьезно, деревянные дома русских все время горят. На следующую ночь опять горело, тушить было трудно, почти невозможно, потому что при отступлении губернатор Ростопчин приказал вывезти все противопожарные устройства. А потом заполыхала вся Москва. До сих пор историки спорят о причинах этого пожара — «от копеечной свечки», то есть от недосмотра, как у нас бывает, или поджог? Наполеон был уверен в последнем. Эти фанатики сами подожгли свой город. Нашлись и поджигатели, и свидетели из французов, которые все это видели. Около ста человек было расстреляно. Толстой пишет, что пустой, без хозяйского глаза город уже обречен, при чем здесь поджигатели? Ростопчин потом говорил, что дал распоряжение по сигналу подпалить город. Иные сомневаются — может, врет? Историки не любят Ростопчина с его показным, квасным патриотизмом. А ведь и правда, у нас без всяких поджогов так ходко горят дома, леса и торфяники! Все помнят.

Из-за пожаров Наполеон из Кремля переехал в Петровский дворец. Он очень много работал и днем, и ночью, думал, что делать. Во время пожара сгорело много богатых домов, но не все. Началось повальное мародерство и среди местного населения, и в

армии. Вполне логично — не пропадать же добру. Потом французы увлеклись, стали хватать все подряд, грабили церкви. Дисциплина в армии стремительно падала. Продовольствия хватало, еще в Данциге он собрал его столько, что могло бы хватить на год, но было плохо с фуражом, не везти же овес из Франции? А лошадь в армии XIX века — то же самое, что в нашей армии техника. Наполеону нужен был мир, но как глупо — занять Москву и самому делать первый шаг.

Если гора не идет к Магомету, то, как известно, иди сам. Первым кандидатом на передачу письма Александру стал генерал-майор Тутолмин. Он был начальником Воспитательного дома, не смог вывезти вверенных ему детей и вынужден был остаться в городе. Наполеон сам его вызвал, долго говорил с генералом. Тутолмин с охранной грамотой направился в Петербург. Но не дожидаясь ответа, император решил послать к Александру еще одного гонца. Им стал господин Яковлев, человек богатый и знатный, задержался в Москве против своей воли — попал в плен. Яковлев был отцом Герцена, поэтому мы может в его романе «Былое и думы» прочитать «отчет» о встрече Яковлева с Наполеоном: «…Наполеон разбранил Ростопчина за пожар, говорил, что это вандализм, уверял, как всегда, в своей непреодолимой любви к миру, толковал, что его война — в Англии, а не в России, хвастался тем, что поставил караул к воспитательному дому и Успенскому собору, жаловался на Александра, говорил, что он дурно окружен, что мирные расположения его неизвестны императору». Наполеон отправил Яковлева с письмом, взяв с него честное слово, что он передаст его Александру.

Был и третий гонец — маркиз Лористон, секретарь французского посла в России. Тарле пишет: «Наполеон согласен на самый снисходительный, самый легкий, самый почетный и безобидный мир». Он так и не дождался ответа от Александра. Наполеон попробовал напрямую договориться с русской армией. Письмо Наполеона: «Князь Кутузов! Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша светлость поверила тому, что он Вам скажет, особенно когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтобы Он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом».

Кутузов ответил: «Я подверг бы себя проклятию потомства, если бы сочли, что я подал повод к какому бы то ни было примирению; таков в настоящее время образ мыслей нашего

народа». Были еще попытки договориться: неаполитанский король и правая рука Наполеона Мюрат в качестве посла время от времени наведывался в лагерь казаков и вел с ними мирные разговоры. Те морочили ему голову, уверяя, что в русской армии полный разброд, все устали воевать и с нетерпением ждут из Петербурга приказа о заключении мира: он-де, этот приказ, вот-вот прибудет.

Наполеон привез с собой мешки фальшивых русских ассигнаций. Он не пустил их в дело. Он подумывал о том, не поднять ли в России вселенский бунт крестьян-рабов. Он знал, как боится русское дворянство, что победитель-император объявит вольную их живому имуществу. Услужливые секретари подготовили ему материалы по Пугачеву, ведь это восстание было совсем недавно, менее сорока лет назад. Наброски манифеста по поводу освобождения крестьян уже были сделаны, но Наполеон не дал им ходу. Эдуар Дрио, французский историк, пишет про Наполеона: «Он был не творцом революций, но их усмирителем…»

Из Европы приходили плохие вести: Испания опять подняла голову.

Долгое отсутствие императора могло вызвать непредсказуемые события в его огромной империи. 6 октября Наполеон оставил Москву. Когда я читаю у Толстого и других многочисленных авторов, как Кутузов встал перед иконой на колени и сказал: «Боже, Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей. Спасена Россия», я всегда плачу.

А что в Петербурге?

В начале сентября Александр получил первое донесение от Кутузова о битве при Бородине. Фельдмаршал оценивал это сражение как победное. Донесение было оглашено в Александро-Невской лавре. Город вздохнул с облегчением.

Наконец-то! Значит, назначение Кутузова было правильным. Ура! Но вскоре пришло сообщение, что Москва оставлена без боя, а русская армия уходит по Рязанской дороге. Куда уходит? Почему оставили древнюю столицу?

Это было самое страшное время в жизни Александра, сравнимое разве что с тем ужасом, когда был убит Павел I. Царь заперся в своем кабинете, где провел ночь без сна. Наутро приближенные заметили, что в волосах тридцатипятилетнего императора появились седые пряди. Дальше — больше: сообщение не менее страшное — Москва горит.

После того как Шишков и Аракчеев в Вильно деликатно выдавили Александра из армии, он поехал в Москву. Старая столица встретила его восторженно: толпы горожан и крестьян на улицах, восторженные лица с выражением любви и доверия. Купечество собрало 2 миллиона рублей в пользу армии. Дворянство было не менее щедрым. Они обещали выставить ополчение в 80 тысяч солдат. Люди были их собственностью, и они жертвовали эту собственность на «алтарь Отечества». Теперь старая столица в огне, а Петербург напряженно и враждебно молчит.

Р. С. Эдлинг: «Приближался день коронации 15 сентября, обыкновенно празднуемый в России с большой пышностью». Москва уже пала. Решено было, чтобы ободрить народ, не отступать от обычных правил. Единственной уступкой обычаю было то, что Александр ехал в Казанский собор не верхом, а в карете вместе с женой и матерью. «Мы ехали в каретах о многих стеклах, окруженные несметной и мрачно-молчаливой толпой. Взволнованные лица, на нас смотревшие, имели вовсе не праздничное выражение.

Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступили в церковь, следуя посреди толпы, ни единым возгласом не заявлявшей о своем присутствии. Можно было слышать наши шаги, а я была убеждена, что достаточно малейшей искры, чтобы все вокруг воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходило в его душе, и мне показалось, что колени подо мной подгибаются».

Петербург был в панике. Часть коронных драгоценностей

была погружена на русскую эскадру, которая должна была в случае крайней опасности плыть в Англию. Знать бежала из города, увозя ценные вещи. Константин Павлович и Аракчеев заклинали Александра немедленно заключить с Наполеоном мир и не дать врагу повернуть войско на Петербург. Императрица Мария Федоровна паковала вещи, собираясь забрать дочерей и уехать из Павловска. Екатерина Павловна писала брату из Твери: «Занятие Москвы французами переполнило меру отчаяния в умах, недовольство распространено в высшей степени… Вас обвиняют громко в несчастии Вашей империи, в разорении общем и частном, словом, в утрате чести страны и Вашей собственной».

Объясню вкратце, почему Тверь стала собственным домом Екатерины Павловны. Как уже было говорено, великую княжну Екатерины готовили в жены Наполеону. Мать была в ужасе, сама Екатерина Павловна тоже не хотела этого брака, поэтому быстро вышла замуж за герцога Ольденбургского.

Императрица Елизавета Алексеевна, однако, во всем поддерживала мужа и потому была занята делом: посещала госпитали, готовила для раненых одежду и белье. Мадам де Сталь называла ее ангелом-хранителем России. В это самое время, когда в столице буквально шло бегство, до Александра дошел слух, что друг молодости Голицын Александр Николаевич, обер-прокурор Синода (1773–1844), не только не торопится уезжать, но и закладывает новый дворец. Уже поползли слухи, что не иначе как князь изменник и ждет прихода Наполеона. Встреча Александра и Голицына все объяснила и оказала на измученную ответственностью душу Александра удивительное действие. Оказывается, князь ни на минуту не сомневался в нашей победе над Наполеоном, и твердый ответ в этом ему дало Евангелие. Так в руки Александра попала Библия. Это стало для него спасением. Об этом еще поговорим подробно.

В Петербурге не оценили по достоинству распоряжение Ростопчина о поджоге старой столицы, все считали, что Москву подожгли французы. А как же иначе? Можно жечь свое добро, чтобы не попало в руки Антихриста, исчадия ада Наполеона, но чья же рука поднимется на старые храмы и дворцы, на гордость русскую? В Подмосковье были того же мнения. Уже тогда стали возникать партизанские отряды.

Р. С. Эдлинг: «Эти тяжелые дни миновали, и вскоре прибыл от Кутузова полковник Мишо с известием, которое вывело нас из состояния страшного недоумения». Мишо сообщил, что армия сохранена, объяснил план и политику новой кампании и причину пожара. Встреча царя и Мишо замечательно описаны Толстым в «Войне и мире». Весь разговор велся по-французски. Александр

был взволнован, потрясен: «Я вижу, что провидение требует от нас великих жертв. Я готов подчиниться его воле».

«Какой дух в армии, — спросил Александр, — солдаты в отчаянии, в унынии?»

Мишо ответил с достоинством (как в сказке, право слово): «Они боятся только одного, что ваше величество по своей сердечной доброте надумает заключить мир».

Александр ответил с не меньшим достоинством: «Я отращу себе бороду и буду скорее питаться черствым хлебом в Сибири, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы которых умею ценить».

При разговоре с Мишо Александр произнес такую фразу: «Не забудьте, что я вам сейчас скажу, полковник. Возможно, мы когда-нибудь вспомним об этом с удовольствием. Наполеон или я! Я или Наполеон, но вместе мы царствовать не можем». Возможно, что эта фраза несколько расцвечена кистью более поздних авторов, но смысл ее точен.

И Мишо ответил подобающе: «Государь, в это мгновение устами вашего величества говорят слава нации и освобождение Европы».

Французы оставили Москву, и радостное известие достигло Северной столицы. Р. С. Эдлинг: «Я дожидалась императрицы в ее кабинете… Вдруг раздался пушечный выстрел с крепости, позолоченная колокольня которой приходится как раз против Каменноостровского дворца. От этой рассчитанной, торжественной пальбы, знаменовавшей радостное событие, затрепетали во мне все жилы, и подобного ощущения живой и чистой радости никогда я не испытывала. Я была не в состоянии вынести дольше такое волнение, если бы не облегчили меня потоки слез. Я испытала в эти минуты, что ничто так не потрясает душу, как чувство благодарной любви к отечеству, и это чувство овладело тогда всей Россией». Длинноватая получилась цитата, но уж очень мне нравится язык XIX века. Мы уже не умеем так ни говорить, ни писать.

Отступление Великой армии

Наполеон ушел из Москвы из-за недостатка припасов, пожаров и упадка военной дисциплины. Сам он назвал свой уход не отступлением, а стратегическим маневром. Арман де Коленкур, герцог Виченский (1772–1821), бывший в свое время послом в России, а теперь находившийся в Москве при особе императора, пишет, что при уходе из Москвы Великая армия имела 87 500 пехоты, 14 760 кавалерии и 533 орудия. Внушительная цифра.

Кутузов вынудил пойти армию Наполеона по старой Калужской дороге, это была мертвая земля. Император совершенно не понял тактики Кутузова. На первых порах отступление французов шло вполне организованно, хотя каждый, от солдата до генерала, вез с собой обозы награбленного добра, это делало армию неповоротливой, плохо управляемой. Далее зима, холод, снег, партизаны. Французская армия таяла, хотя Кутузов, казалось, не предпринимал для этого решительных действий. Все случилось словно само по себе. Под Боровском на французский лагерь внезапно налетели казаки. Рукопашная шла буквально в нескольких шагах от палатки императора. С этого дня он всегда носил при себе яд. Впоследствии, после отречения в Фонтенбло, он пытался отравиться, но яд не подействовал — выдохся.

После битвы при Березине Наполеон 22 ноября издал бюллетень о проигранной войне, а на следующий день, оставив армию на Мюрата, короля Неаполитанского, отбыл в Париж. Он считал, что теперь армия избежала участи попасть в плен, а его присутствие во Франции необходимо. «При нынешнем положении вещей, — сказал он, — я могу внушить почтение Европе только из дворца Тюильри». Наполеона сопровождали двести человек его гвардии, далее по ходу охрану императора передавали от одного полка другому.

Французский дипломатический корпус стоял под защитой армии в Вильно. После известий о Бородине, или сражении на Москве-реке, как называли его французы, министр иностранных дел Бассано заторопился немедленно ехать в Москву для предварительного обсуждения условий мирного договора, но потом пришли вести о московских пожарах, и он отложил поездку. Если поджоги устроили русские, то с заключением мира придется повременить. После этого французский дипломатический корпус «замкнул рты». В Вильно не было никакой информации о движении французской армии, но все

были уверены, что война идет успешно. В городе шла та же беспечная и веселая жизнь с балами, танцами и театром. Обо всем этом пишет в своих «Исторических мемуарах» графиня Софья Шуазель-Гуфье. Я пользуюсь трудами этой дамы, вот несколько слов о ней.

Софья Шуазель-Гуфье происходила из древнего польско-литовского рода, мать ее была из рода князей Радзивиллов. В 1818 году она вышла замуж за графа Антуана-Луи Шуазель-Гуфье, пэра Франции. Семейство Шуазель-Гуфье бежало из Франции еще при Екатерине II и стало служить русскому двору. Госпожа С. Шуазель пописывала, публиковалась, писала и романы, но самым известным из ее трудов стали «Исторические мемуары об Александре I и его дворе». Ее называют «самым видным из апологетов Александра I среди современников».

Потом в Вильно стали поступать тревожные вести, и тут вначале декабря вдруг тайно явился возок, который вез Наполеона. Секрет скоро узнал весь город. Император ехал вместе с Коленкуром, они оставили армию и очень торопились в Париж. Про императора говорили, что он был в хорошем настроении, бодр и весел. Думаю, это была не игра, императору предстояло собрать новую армию, а потому он был полон сил и энергии.

Тайный возок появился и исчез, а некоторое время спустя, появились остатки Великой армии. Это было ужасное и скорбное зрелище. С. Шуазель-Гуфье: «В течение трех-четырех дней по улицам Вильны толпились люди, которых нельзя было назвать военными в их смешных, неуклюжих одеждах. Один, бросив свою кирасирскую каску, нарядился в дамскую шляпу и черный бархатный плащ, из-под которого виднелись шпоры, он вел под уздцы свою изнуренную лошадь, на каждом шагу скользя по обледенелой земле. Другой, тщетно пытаясь защититься от холода, напялил на себя одно на другое церковное облачение — ризу, стихарь, напрестольные пелены. Некоторые, более счастливые в поисках добычи, накинули на себя женские, подбитые мехом капоты, завязав на шее рукава… Моля о помощи, они шли без порядка, без дисциплины, почти без оружия…»

Наполеон был уверен, что остаткам его солдат удастся отстоять город. Видно, он плохо представлял себе бедственное положение своей армии. Битва за Вильно была короткой. Город пал.

По приезде в Вильно Александр I посетил графиню Шуазель-Гуфье. Об этой встрече она пишет в таких восторженных тонах, что отпадает охота ее цитировать. Видимо, прекрасная дама была влюблена в своего императора. Что ж, бывает. Я в этом не вижу

ничего предосудительного. «Вдруг пришли сказать, что в эту ночь приехал император. Я заплакала и воскликнула: «Ангел здесь. Мы все будем спасены!»» Прозвище Ангел было в большой потребе в XIX веке. Тем не менее она боялась встречи с императором, брат воевал в армии Наполеона, по сведениям, он находился в русском плену. Отец был вынужден уйти с французскими войсками. Но Александр был великодушен, сказав, что ни в чем не винит литовцев. А что им оставалось, как не подчиняться Наполеону? Он сказал: «…Я ничего не имею против литовцев. Мы сами их покинули, но больше этого не случится».

Коленкур оставил нам великолепные мемуары под названием «Поход Наполеона в Россию», читала их не отрываясь. Там есть глава «В санях с императором Наполеоном». Дипломат провел рядом с императором двенадцать суток, все это время они разговаривали. Как я понимаю, каждый день Коленкур аккуратно делал соответствующую запись — не позабыть бы! Наполеон много говорил сам и вполне благодушно слушал возражения Коленкура по поводу европейской политики. По-настоящему его волновал не столько провал русской «операции», сколько отзыв на это прусского и венского дворов. «Наши беды произведут во Франции большую сенсацию, — говорил он, — но мой приезд уравновесит неприятные результаты этой сенсации».

А вот оценка Наполеоном Александра I и всей войны в России. Его интересовало, заключит ли сейчас Россия мир, на что разумный Коленкур отвечал отрицательно, вряд ли победа сделает русского царя более миролюбивым.

«— Вы считаете его гордецом? — спросил Наполеон.

— Я считаю его упрямым. Он мог бы, пожалуй, гордиться тем, что отчасти предвидел случившееся и не пожелал выслушивать предложения, посланные ему из Москвы.

— Сожжение русских городов, — сказал в ответ император, — в том числе пожар Москвы — это бессмыслица. Зачем было поджигать, если он возлагал столько надежд на зиму. Отступление Кутузова — это верх бездарности. Нас убила зима… Если бы я выступил из Москвы на две недели раньше, то моя армия была бы в Витебске, и я смеялся бы над русскими и над вашим пророком Александром, а он жалел бы о том, что не вступил в переговоры».

Наполеон говорил, что он выиграл в России все битвы, а русская армия не умеет воевать. «Русские жили изо дня в день без определенных планов. Они ни разу не сумели дать ни одного сражения вовремя. Если бы не трусость и глупость Партуно, то русские не взяли у меня ни одной повозки при переходе через Березину, и мы захватили был часть их авангарда, взяли бы 1800

пленных и с несчастными, еле дышащими людьми выиграли бы сражение, одержав верх над отборной русской пехотой…» Справедливости ради добавлю, что многие историки считают переправу через Березину военной удачей Наполеона. Это как посмотреть. Русские здесь подкачали только в одном — адмирал Чичигов мог окружить французскую армию и взять в плен самого императора, но… «промедление, нерешительность». Наполеон выиграл в России все возможные битвы, а войну проиграл.

На следующий день Наполеон уже говорил Коленкуру, что ему следовало оставить Москву сразу, как возник пожар. При хорошей погоде он бы сохранил армию. «Если бы морозы не отняли у меня мою армию, я еще продиктовал бы ему условия мира из Вильно, и ваш дорогой император Александр подписал бы их — хотя бы для того, чтобы избавиться от военной опеки своих бояр. Именно они навязали ему Кутузова. А что сделал этот Кутузов? Он рисковал армией под Москвой и несет ответственность за московский пожар». Удивительно читать эти строки!

И еще про императора Александра: «У этого государя есть ум и добрые намерения. Но он не является хозяином себе. Его постоянно стесняют тысячи мелких семейных и даже персональных соображений. Хотя он очень внимательно относится к армии, много занимается ею и, быть может, больше, чем я, вникает в мелкие подробности, его все же обманывают. Расстояния, привычки, оппозиция дворянства против рекрутских наборов, хищения плохо оплачиваемых начальников, которые прикарманивают солдатское жалованье и пайки, вместо того чтобы кормить ими солдат, — все препятствует укомплектованию русской армии». Здесь я, пожалуй, соглашусь с императором Наполеоном, тем более что все эти проблемы благополучно перекочевали в XXI век.

Но больше всего говорил Наполеон с Коленкуром о состоянии дел в Европе и о том, что делать дальше. Он не успокоится, пока Англия не исполнит его условий. Он соберет в кулак все страны Европы, создаст новую армию и даст окончательный бой. Франция превыше всего! «Через десять лет меня будут благословлять столь же горячо, как сейчас, может быть, ненавидят». При этом император не испытывал ни тени смущения или сомнения. Военная кампания в России — не ошибка, а несчастье, ему просто не повезло. Он не жалел своих несчастных, замерзших или попавших в плен солдат. Мысль о личной ответственности за тысячи трупов просто не приходила ему в голову. Тарле: «Война была настолько его стихией, что, когда он готовил ее или вел, он всегда производил впечатление

человека, живущего полной жизнью, дышащего полной грудью…»

Читатель может спросить, зачем я так много пишу про Наполеона, если эта книга про Александра I? В письме царю, которое вез из сгоревшей Москвы Яковлев, Наполеон написал: «Я веду войну с Вашим Величеством без всякого озлобления». Как сейчас говорят, ничего личного. Было там личное, было, и с той и с другой стороны. Я понимаю… народ, сила духа, патриотизм, фельдмаршал Кутузов, партизаны… Но эту страшную и победоносную войну можно также рассматривать как поединок двух императоров, как бой один на один. Отец Александра Павел I послал вызов всем императорам Европы, желающим сразиться с ним за дело справедливости. Эту наивную рыцарскую задачу выполнил его сын. Вот ведь как…

Европейская кампания

Канцлер Румянцев был против продолжения войны. Страна разорена, армия устала воевать, народ хочет мира. Сам Кутузов, авторитет которого в армии был необычайно велик, тоже был против дальнейшей войны. Говорят, в споре по этому поводу фельдмаршал со вздохом сказал русскому генералу: «Ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров завтра пойдет на дно, я не охну».

Но Александр не мог позволить себе подобных споров. Он уже все решил — Россия ответственна за покой в Европе. Избавление своей страны от Наполеона он считал чудом. А это значит, что его, Александра I, слабого и грешного человека, Провидение выбрало для победы над Антихристом. А с Богом, как известно, не поспоришь. Зная и чувствуя Наполеона, Александр был уверен, что он, как феникс, вновь возродится из пепла, создаст новую армию и опять будет диктовать Европе свои условия.

Так и случилось. Наполеон был еще в пути, а в Париже в газетах появились первые сообщения о провале русской кампании. Роялисты подняли было головы, но тут же сникли. Внезапное появление Наполеона все поставило на свои места. «Эффект был изумительный!» — писал Коленкур.

Энергия и спокойствие императора тут же вернули народу уверенность и веру в свои силы.

Еще пребывая в России, а эстафеты доходили исправно, Наполеон распорядился досрочно осуществить рекрутский набор 1813 года, он знал, что ему понадобятся свежие силы. Когда император прибыл в Париж, новобранцы уже находились в строю. Были у него также вассальные войска в Германии, надо было также срочно собрать всех, кто вышел из России. Будь его воля, он бы всех поставил под ружье.

У Александра была своя задача — объединить Европу для общей войны. «Народам и королям напоминаем мы об их долге и интересах, — провозгласил он. — Воспользовавшись нашими победами, мы протянем руку помощи угнетенным народам…» 1 января 1813 года русская армия пересекла границу. Во главе войска встал сам Александр.

Европейские страны вели себя осторожно. Первой откликнулась Пруссия. 16 февраля 1813 года с ней был заключен оборонительный и наступательный союз. Была занята Варшава, затем мы вступили в Берлин. В Бреслау царь встретился с прусским королем Вильгельмом III, с этой минуты они не

расставались. У Вильгельма вся надежда была на Россию.

16 апреля 1813 года после жестокой простуды в местечке Бунцлау (Силезия) умер Кутузов, и это сказалось на настроении русской армии. Первые две битвы (при Люцене и Бауцене) в мае 1813 года объединенная русско-прусская армия проиграла. Александр не принимал участия в сражениях, но находился поблизости. Нужно было перегруппировываться и привлекать новые силы. Было заключено перемирие.

Летом к коалиции присоединилась Австрия. Англия должна была взять на себя обеспечение военных расходов. 15 июня 1813 года военные действия возобновились.

Последний раз в том году судьба улыбнулась Наполеону в сражении при Дрездене, которое он блестяще выиграл. Но дальше пошла череда его поражений. В октябре 1813 года при Лейпциге состоялась Битва народов. Войска коалиции возглавлял австрийский фельдмаршал Шварценберг. Сражение продолжалось три дня, после которых Наполеон отступил. Александр писал в Петербург князю Голицыну: «Всемогущий Бог дал нам блестящую победу в четырехдневном сражении над пресловутым Наполеоном… Вы догадываетесь о том, что происходит в моем сердце».

Наполеон отступал к границам Франции. Он понимал, что его империя тает на глазах, но решил выиграть последнюю битву, а пока тянул время. Историки пишут, что конец затянувшимся переговорам положил Александр I. В марте 1814 года армия союзников перешла Рейн, англичане во главе с Веллингтоном перешли со стороны Испании Пиренеи и вышли на юг Франции.

Прежде чем выехать к армии, Наполеон назначил наследником своего трехлетнего сына — «римского короля», как все его звали. Император обожал сына. В 1809 году он занял Рим и подарил Вечный город новорожденному, а папу перед походом в Россию велел перевезти в Фонтенбло. Там главу церкви фактически содержали под охраной, которую называли почетным конвоем, а сам папа считался «гостем». Теперь он собирался освободить папу, но все было недосуг. Регентшей при «римском короле» в случае своей смерти Наполеон назначил супругу — королеву Марию-Луизу.

Дальше все произошло очень быстро. Наполеон кинулся в войну как в спасительный омут, последовал ряд его стремительных побед. Он разбивал армию коалиции по частям. Битвы следовали одна за другой, всегда с превосходящими силами противника. Наполеон показал чудеса храбрости, очевидцы говорили, что он явно искал смерти на поле боя. Военные критики считают, что кампания 1814 года была для

Наполеона одной из самых блестящих.

Союзники были очень озабочены победами императора и не раз поднимали вопрос о перемирии. Но Александр I не соглашался на перемирие. Он заявлял союзникам, что в случае их отказа продолжить войну он сам с русской армией пойдет на Париж. Больше всего воду мутила Австрия. Королю Францу и его министру Меттерниху было нежелательно усиление России. Теперь они остерегались, как они говорили, «рыцарского настроения царя», мол, для Александра важно войти в Париж победителем и показать всему миру собственное великодушие врагу, который сжег его столицу.

Александр понимал, что Наполеон бьет по одиночке разрозненные армии союзников, и предложил объединить силы, что и было сделано. Тут пришла помощь с неожиданной стороны. 17 марта в лагерь союзников тайно приехал из Парижа граф Витроль с запиской от Талейрана. Дипломат уже давно готовил могилу своему бывшему кумиру. Записка была без подписи, написана с орфографическими ошибками. Талейран все предусмотрел, хитрость была придумана на тот случай, что посланец попадет в руки французской жандармерии. Талейран давал Александру ненавязчивый, но дельный совет — не надо гоняться за Наполеоном по всей Франции, а надо идти прямо на Париж, «где вас ждут». Как только армия союзников займет столицу, будет провозглашен новый король Людовик XVIII, брат казненного короля. А дальше само собой произойдет низложение Наполеона.

Битва при Фер-Шампенуазе кончилась полной победой коалиции. Путь на Париж был открыт. Сам Наполеон в этой битве не участвовал, он «оперировал» в тылу армии союзников, решив зайти к ним в хвост. 100-тысячная армия подошла к столице. 29 марта императрица Мария-Луиза с сыном выехала в Блуа. За ними тянулись подводы со столовым серебром, драгоценностями, золоченой посудой, бочонками с золотом, даже их точное количество называют — тридцать два бочонка. Все это попало в руки союзников. Бой за Париж был коротким, у французов было 40 тысяч солдат. Узнав о происходящем, Наполеон тут же бросился на выручку своей столице, но опоздал, город был уже взят.

31 марта 1814 года утром Александр I триумфально въехал в Париж. Все как полагается, он ехал на белом коне, рядом король прусский Вильгельм и фельдмаршал Шварценберг. Их сопровождала 80-тысячная армия. Окраина города встретила их настороженно, центр Парижа ликовал, словно Александр был их освободителем.

Наполеон тем временем поспешно вернулся в столицу и остановился в Фонтенбло. Он тут же придумал новый план: Коленкур едет в Париж, он объявляет союзникам, что император согласен на их вариант примирения. А сам тянет время.

За три дня переговоров армия успеет подойти к Фонтенбло, а дальше мы объединим силы и отобьем Париж. И опять он было полон сил, энергии, он дышал полной грудью. Но все было уже поздно, армия его не поддержала.

Александр I обнародовал заявление: «…Союзные государи приемлют желания Французской нации. Они объявляют: что если для обуздания честолюбия Бонапарта необходимо было постановить в условиях мира твердейшие ручательства, то ныне условия сии должны быть благоприятнейшие, когда Франция, готовая возвратиться к Правительству мудрому, представляет сама себя залогом спокойствия.

Посему союзные монархи объявляют, что Они не будут более иметь дела с Наполеоном Бонапартом, ниже с кем-либо из его фамилии; что Они признают целость древней Франции в том виде, как она была при законных его королях; что Они даже могут больше сделать, поелику они всегда основывают на том правиле, что для счастья Европы нужно, чтобы Франция была велика и сильна, и что Они готовы признать и гарантировать ту конституцию, которую дает себе Французская нация.

Вследствие чего Они приглашают Сенат назначить временное правительство, которое бы имело попечение об управлении Государства и составило бы конституцию, приличную Французскому народу.

Все здесь объявленное совершенно согласно с мыслями и намерениями других союзных Государей.

Александр I,
граф Нессельроде»

Жестяной какой-то язык, чувствуется рука Нессельроде. Такой был тогда у Александра министр, в записках современников никто об этом Нессельроде доброго слова не сказал. И ведь пока ни о какой конституции разговора не было, все это плод фантазии. Кроме того, сам Александр был несколько смущен тем, что с его помощью как-то само собой исчезло из употребления любимое им слово «республика», а вместо него возобладало слово «монархия». Новый король был несимпатичен, важен, мелочен, и большая часть «французской нации» вовсе не жаждала вернуться к прежнему королевскому правлению.

Наполеон в свою очередь составил документ, в котором писал, что отказывается от престола в пользу своего сына при

регентстве матери. Документ пока не был подписан. Талейран заявил Александру, что в городе возможен заговор, поэтому царю лучше остановиться в его, Талейрана, дворце, где он будет под надежной защитой. Первое время Талейран очень «опекал» Александра, позднее тот переехал во дворец на Елисейские Поля. Александр вовсе не настаивал на Людовике XVIII, трон с тем же успехом мог перейти к трехлетнему «римскому королю». Главное, чтобы Наполеон подписал отречение. Но роялисты боялись гражданской войны и так отчаянно протестовали, что царь махнул рукой: мол, разбирайтесь сами. Мы свое дело сделали, теперь ваша очередь.

6 апреля Наполеон подписал отречение. Александр подтвердил, что остров Эльба в Средиземном море будет отдан Наполеону в полное державное обладание, а «римский король» и Мария-Луиза получат самостоятельные владения в Италии. Через пять дней после отречения Наполеон сделал попытку отравиться. Заготовленный еще в России яд вызвал серьезные мучения, но жизни его не лишил. По условиям договора экс-император мог взять с собой на остров один батальон своей гвардии. «Я хотел дать Франции власть над всем миром», — признался он как-то Коленкуру. Но народ его не понял, не оценил. Прощание с армией было коротким и тяжелым. Гвардия утирала слезы.

Еще в Тильзите Наполеон походя преподал Александру урок и объяснил, что такое победа. Разговор этот пересказывает госпожа Эдлинг. «Нынешнее время напоминает мне все, что я слышал от этого необыкновенного человека в Тильзите про случайности войны, — рассказывал Александр. — Тогда мы помногу беседовали, так как он любил выказывать мне свое превосходство, говорил с любезностью и расточал передо мной блестки своего воображения. Война, утверждал он, вовсе не такое трудное искусство, как воображают, и поистине неизвестно иной раз, почему именно выиграно то или другое сражение. Побеждаешь потому, что позднее неприятеля устрашаешься, и в этом вся тайна. Нет полководца, который бы не страшился за исход сражения; надо только припрятывать в себе этот страх как можно дольше. Лишь этим приемом пугаешь противника, и успех становится несомненным. Я выслушал с глубоким вниманием все, что ему приятно было сообщить мне об этом предмете, и питал в себе твердое намерение воспользоваться тем при случае…» В России Александр пересилил неприятеля, но позднее Наполеона устрашился. Но здесь, на родной земле, Наполеону был неведом страх. Словом, продолжение следует.

Русские в Париже

Зря Александр переживал о судьбе французского трона. Париж легко избавился от идеалов и тягот революции. Автор Марсельезы посвятил русскому царю такие стихи:

Героем века будь и гордостью Творенья!
Наказаны тиран и те, кто зло несут!
Народу Франции дай радость избавленья,
Верни Бурбонам трон, а лилиям — красу!

Перевод, конечно, чудовищный, но идея передана точно. Конечно, Франция не забыла главного лозунга революции: «Свобода, равенство и братство…», правда, наследники этой формулы потеряли из него последние слова: «…или смерть». То есть если ты не хочешь быть свободным, равным всем братом, то умри, негодяй! Но тогда было «такое время», время беспорядка и безумия, сейчас вроде бы река вошла в свои берега — пусть все будут живы. Но и в XIX веке, еще в «их время», герой 1812 года, поэт и декабрист Ф. Н. Глинка писал: «Свобода, равенство, братство были только на языке и в мечтах, а смерть на самом деле».

Но это все присказка. Париж полюбил Александра. Да и как не полюбить, если царь заявил: «Я не воюю с Францией, я ее друг. Я буду защищать свободу ваших либеральных устремлений и сенатских дебатов». Александр был мягок к поверженному императору. Принимая депутатов Парижа, царь заявил, что армия коалиции будет вести себя безупречно по отношению к горожанам, любое насилие будет жестоко наказываться. Александр отказался от военной контрибуции Франции, он даже не настаивал на возвращении художественных ценностей странам, которые ограбил Наполеон.

Париж был прекрасен. Александр вел себя скромно и доброжелательно: посещал больницы, госпитали, музеи, общественные и научные учреждения. Все ему было интересно. Он был набожен. На Пасху на площади Согласия, где двадцать пять лет назад казнили короля, была проведена торжественная служба. И в конце концов, он был красив. Александр носил тесно облегающий его военный мундир с высоким, расшитым воротником, белые лосины, блестящие лаковые сапоги. Сложен великолепно, улыбка — само обаяние! Во Франции умели ценить красоту. Среди прочих богоугодных заведений Александр посетил

дом для умалишенных. С. Шуазель-Гуфье пересказывает бытующий в то время анекдот-быль: «Осматривая приют для женщин, лишившихся рассудка из-за любви, его величество пожелал узнать, много ли там несчастных созданий, потерявших разум вследствие чрезмерной и плохо направленной чувствительности. При этом директриса сказала ему: «Ваше величество, до сих пор их было немного, но можно опасаться, что число их возрастет с той минуты, как вы вступили в Париж»».

Казалось, что парижане относятся к русскому царю лучше, чем к посаженному на трон Людовику. Новый король, тучный, неуклюжий человек, все время старался подчеркнуть, что его род более знатный и древний, чем род Романовых. Александр редко посещал дворец Бурбонов, разговор с королем как-то не клеился. В отместку Людовик XVIII не включил Александра в список лиц, получивших большую ленту Святого Духа, а парижане вежливо спросили у Александра, не желает ли он, чтобы они переименовали Аустерлицкий мост. Может он вызывает плохие воспоминания? Александр отказался: «Нет, достаточно того, что будут знать, что император Александр прошел через этот мост со своими войсками».

Еще, разумеется, балы и театры. Народные гулянья. Русское офицерство вело жизнь легкомысленную. Цесаревич Константин сказал, что никогда не веселился дома так, как в Париже.

Казимир Валишевский: «…царь сыграл роль верховного арбитра, проявив такую возвышенность взглядов, взвешенных суждений и властность, каких у него никогда не было в прошлом и которых он ни в каких обстоятельствах не достигнет в будущем».

В мае 1814 года принц-регент пригласил своих союзников в Англию. Успехи русских привели древний Альбион в восторг. Когда Александр со свитой ехал из Дувра в Лондон, то мог видеть вдоль дорог массы народа, все кричали «ура!». Александру и королю прусскому досталась своя порция почестей и от аристократов: балы, обеды, вино лилось рекой. Не меньшей славой был вознагражден казачий атаман Платов, он был в свите царя. Боевого атамана совершенно замучили любовью, в довершение всего, когда в Оксфорде Александру присвоили звание почетного доктора права с вручением докторского диплома, то эту же научную степень получил и Платов. (А еще мы своих ругаем за неразборчивость в присвоении научных наград! Помните, каков Платов в «Левше» у Лескова?) Английские дамы выдергивали по одному волосу на память из хвоста платовского коня, — это было модно. Словом, повеселились в Англии.

После Лондона Александр через Нидерланды направился в

Россию, а по дороге заехал в Баден, чтобы повидаться с женой, которую не видел полтора года. Императрица Елизавета Алексеевна выехала из Петербурга 19 декабря 1813 года. Она ехала в Германию к матери. Там в Бруксальском замке должна была состояться встреча с Александром. Поездка царя в Лондон задержала эту встречу, теперь его ждали с большим нетерпением.

Наконец день приезда Александра был назначен. Елизавета Алексеевна выехала навстречу мужу. Р. С. Эдлинг, она была в свите императрицы, так описывает эту встречу: «Государь обнял ее (Елизавету Алексеевну. — *Авт.)* с всей простотой и нежностью и спросил, узнает ли она его постаревшее лицо». Отношения жены с мужем были, скажем так, сложными. Матушка-маркграфиня надеялась их смягчить. Р. С. Эдлинг: «В свой проезд через Карлсруэ государь выражал самое нежное внимание к своей теще, так что маркграфиня стала надеяться, что супруги сблизятся между собой; но дело в том, что сама она вовсе не годилась для роли примирительницы; всегда холодная, чем-то затрудненная и недовольная, маркграфиня не имела понятия, что такое язык сердца. Она состарилась в сфере приличий и горделивых предрассудков, отчего бывала часто несправедлива и всегда несчастна».

На следующий день замок наполнился огромным количеством разномастной публики, давно ожидавшей царя. Вечером был бал. Р. С. Эдлинг: «Между царедворцами, дипломатами, князьями и любопытствующими лицами, теснившимися в залах Бруксальского замка, я заметила Лагарпа. Он наслаждался славою Александра, как плодом трудов своих. Мещанская простота и обращение не соответствовали его Андреевской ленте. Чистотой своих побуждений он обезоруживал ненависть и зависть, и самые сильные против него предубеждения незаметно пропадали в беседе с ним».

Венский конгресс

Александр пробыл в России два месяца, а в сентябре 1814 года уже был в Вене на конгрессе. Праздник кончился. Пора было приниматься за дела. Королям и дипломатам предстояло заново перекраивать карту Европы. Все признавали за Александром I первую роль, но каждое из представленных государств искало свою выгоду, при этом, разумеется, никто не учитывал народные привычки, обычаи и национальные чувства людей. Дипломатический кабинет Александра представляли князь Андрей Разумовский, графы Нессельроде и Штакельберг, далее Поццо ли Борго (француз-эмигрант на русской службе), Каподистрия (будущий президент Греции), Адам Чарторыйский и прусский барон Штейн. Австрию представлял на конгрессе Меттерних, Англию — лорд Каслри. Кроме четырех главных стран Европы присутствовали государи стран помельче. Талейран, его пригласили на закрытое заседание четырех стран (Россия, Англия, Франция и Австрия), сумел настоять на своем участии в дискуссии и скоро незаметно для всех завоевал там авторитет.

Талейран сам себя назначил быть представителем Франции. Он начал вести свои интригу задолго до начала конгресса и в Вену приехал во всеоружии. Его задачей изначально было перессорить членов коалиции и на этом фоне решать свои задачи. Все последующие годы он не уставал повторять, что ему удалось отстоять интересы своего отечества от огромного количества врагов. У Талейрана была плохая репутация. Недаром он говорил, что в течение своей длинной жизни четырнадцать раз принимал присягу, меняя на ходу свои убеждения. Он был «наибольшей канальей столетия» — так его называли за глаза. Как говорится, «плюнь в глаза, все божья роса». Он вел себя на конгрессе так, словно является представителем не проигравшего, а выигравшего войну государства, что ужасно раздражало Александра. «Талейран и тут разыгрывает министра Людовика XIV», — говорил он в сердцах, помня, сколько заплачено этому человеку за предательства Наполеона. В русских шпионских архивах Талейрана называли «Анна Ивановна».

Русские всегда хорошо воевали, но не всегда умели отстаивать свои интересы за столом переговоров. Назови навскидку десять славных полководцев — пожалуйста! Теперь десять русских дипломатов… Н. И. Панин, ведь такая умница, а в 1772 году при первом разделе Польши так повел дело, что Екатерина II плакала от обиды, а Григорий Орлов говорил, что Панин за такой раздел достоин смертной казни. Сейчас дело

обстояло иначе. Талейран, в свою очередь, знал, что сможет обмануть прусского короля, заморочить голову австриякам, но с царем надо держать себя осторожно, его не обманешь, об этом в свое время Наполеон предупреждал своего министра.

Франция оставалась в прежних, дореволюционных границах, на этом настаивал Александр, и с этим никто не спорил. Для России царь хотел получить Польшу, для Пруссии Саксонию, которую обещал вернуть королю Вильгельму III. Прочие дипломаты, естественно, считали главной своей задачей не дать усилиться России и Пруссии. Тут и завязался тутой узел. Все участники конгресса, даже Пруссия, которая ожидала от Александра главных подачек, боялись России и Александра. Боязнь эта осталась на многие века. Нас и сейчас боятся, а как не хочется, чтоб боялись.

В чем сложность ситуации? Чарторыйский предложил Александру восстановить Польшу в границах 1772 года под управлением младшего брата Александра Михаила Павловича, а это значило, что Россия должна была отдать Польше Литву. На это Александр никак не мог согласиться. Из-за этой Литвы (туда входила и Белая Русь) мы многие годы воевали с Польшей. Александр решил не возвращать Пруссии коренных польских земель, а создать самостоятельное Польское государство под его, Александра, скипетром, а Пруссии взамен польских земель отдать Саксонию, ранее верно служившую Наполеону.

Меттерних окружил русскую делегацию плотной шпионской сетью — надо было выведать их планы. Вот донос одного из австрийских агентов: «Генерал Жомини (из свиты Александра. — *Авт.*), который запирает на ключ свои бумаги, велел переделать все замки, а ключи уносит с собой. Было бы трудно и опасно в настоящий момент попытаться открыть его ящики…» Вот еще донесение шефу барону Хагеру: «Русские уже разговаривают как владыки всего света. Я знаю лицо, которому один из их министров сказал, что их цель сохранить преобладание, которое они приобрели столькими жертвами, усилиями и успехами… Александр, уезжая из Петербурга в Вену, сказал: «Я еду потому, что этого хотят, но я не сделаю ни больше ни меньше того, что хочу»». По-моему, совершенно бессмысленный донос, но он говорит о том, что в Вене ловили каждое слово русских.

Нужно добавить, что между делом и дипломаты, и весь город веселились без устали, у нас говорят — «как с цепи сорвались». Императрица Елизавета Алексеевна после путешествия по Германии тоже приехала в Вену и танцевала на балах. Муж от нее не отставал. Меттерних заметил повышенное внимание царя к женскому полу, Александр действительно любил флиртовать, чем

обратил особое внимание на это своих шпионов. Вот образцы доносов: «На балу у графа Паллфи царь, которому очень нравилась графиня Секени-Гилфорд, сказал ей: «Ваш муж отсутствует. Было бы очень приятно временно занять его место». Графиня ответила: «Не принимает ли ваше величество меня за завоеванную область?»» или «Княгиня Эстергази, муж которой был на охоте, получила от императора записку, где сообщалось, что он проведет вечер у нее. Княгиня послала ему список дам, попросив вычеркнуть тех, кого бы он не хотел у нее встретить. Царь вычеркнул из списка всех, кроме нее». Таких доносов были сотни. Меттерних складывал их в папочку до времени, авось пригодится. Компромат даже всесильных заставляет быть сговорчивыми. Но, видно, серьезного компромата так и не собрали, царь не шел ни на какие уступки и продолжал твердить свое: «Я уже в Польше, посмотрим, кто меня оттуда выгонит».

Меттерних и Талейран напирали на то, что Польше нужна независимость. Какая тут независимость, если ее перекроили три раза и лучшие земли отдали Пруссии и Австрии? Я не берусь судить о нравственной стороне этого вопроса. Конечно, Польша опять хотела стать Речью Посполитой, и это понятно, но и Александра можно понять. Повторюсь: он не доверял европейским государствам, кроме того, он не мог дать конституцию России, но хотел сделать это в Польше. Об этом столько было говорено с другом Адамом Чарторыйским! Любовь царя — Нарышкина — была полькой, любимая дочь Софья тоже несла в себе польскую кровь. Александр хотел исполнить обеты юности. И не будем забывать, что забота о Польше была завещана ему великой бабкой, ведь это она посадила на трон Станислава Понятовского, последнего польского короля. Адам Чарторыйский сам побывал у Талейрана и сказал, что во всем согласен с царем. Александр обещал создать из герцогства Варшавского Царство Польское, при этом сам Александр будет самодержцем в России, а по совместительству конституционным королем Польши.

Зная, что Англия тоже настроена против усиления России, Талейран немедленно заявил, что в таком случае он устраивает оппозицию польским намерениям Александра, но очень скоро понял, что тот не уступит. Ладно, забирайте Польшу, но Саксонию мы Пруссии не отдадим. На этом настаивала и Австрия. В своих отчетах королю Людовику XVIII Талейран писал, что если Россия не пойдет на уступки, тогда война, он даже подсчитывал, какое количество войск могут выставить коалиционные государства против России.

Весь декабрь 1814 года прошел в бесконечных разговорах и переписке, но Талейран добился своего. Пугая всех: мол, раньше у

нас был «колосс на Сене», теперь будет «колосс на Неве», он уговорил Англию и Австрию заключить тайный союз с Францией. 3 января 1815 года был подписан «Секретный трактат об оборонительном союзе, заключенном в Вене между Австрией, Великобританией и Францией против России и Пруссии». В случае нападение последних каждое из подписавшихся государств обязывалось выставить армию в сто пятьдесят тысяч человек из пехоты и кавалерии. Существовала и оговорка для Англии: если та не выставит требуемое количество солдат, то за каждого отсутствующего она платит двадцать фунтов стерлингов. Так оценивалась тогда человеческая жизнь.

6 марта 1815 года Меттерних давал бал, когда пришло сообщение, что Наполеон оставил остров Эльба и бежал, сейчас он на территории Франции. Это была бомба! Через час дворец Меттерниха был пуст. Александр сказал тогда Талейрану: «Я же говорил вам, что это не может долго продолжаться!»

Удивительна судьба Наполеона в течение «Ста дней»! Остров Эльба — 50 километров от Корсики, три небольших городка, население — несколько тысяч. При Наполеоне находилось 724 человека личной охраны (Старая гвардия) и 300 человек для охраны острова. Наполеон читал все газеты и знал, что французы недовольны новыми порядками.

Поплыли ночью, тайно, на утлых суденышках, солдатам не сообщили, куда они плывут. 1 марта император высадился на берег Франции, а дальше массовое помешательство. Наполеона встречали как божество, он прошел до Парижа без единого выстрела. «Долой дворян!», «Аристократов на пику!». Замечательно менялся тон парижских газет. Вначале они писали: «Узурпатор бежал из своего логова», а в конце недели: «Их величество император завтра прибудет в Париж».

13 марта коалиция стран приняла следующую, составленную Талейраном декларацию: «Разорвав соглашение, по которому местом пребывания ему был определен остров Эльба, Боунапарте разрушил единственное законное основание, которым было определено его существование… Державы заявляют поэтому, что Наполеон Буонапарте поставил себя вне гражданских и общественных отношений и как враг и нарушитель спокойствия мира обрек себя на преследование со стороны всего общества». Через неделю был подписан новый договор против Наполеона.

Король Людовик XVIII вместе со своим двором бежал в Гент и оттуда, забыв о старшинстве своего рода, писал слезливые письма Александру, умоляя о защите. Оставляя дворец в Тюильри, он так торопился, что забыл на рабочем столе копию с «Секретного трактата об оборонительном союзе, заключенном в Вене между

Австрией, Великобританией и Францией против России и Пруссии». Наполеон злорадно посмеялся и переслал бумагу Александру. Этот документ мог сослужить императору хорошую службу. Но Александр не стал раздувать скандал. Он просто предъявил Меттерниху этот документ, австрийский дипломат совершенно смешался. Царь бросил опасную бумагу в огонь и сказал: «А теперь продолжим наши переговоры. Я настаиваю на своих требованиях». Венский конгресс после этого закончился быстро. Александр получил все, что хотел. Прусский король, правда, остался без Саксонии, но ему отщипнули кусок земли от многострадальной Польши.

Александр уехал на родину, не дожидаясь конца Венского конгресса. Все и так было ясно. В битве при Ватерлоо русские войска не принимали участия. Наполеон был разбит и отбыл в пожизненное заключение на остров Святой Елены.

Священный союз

Осенью 1815 года у Александра состоялся конфиденциальный разговор с австрийским императором. Царь предложил создать Священный союз государей, основанный на братской любви и дружбе. В международной политике монархи обязывались бы руководствоваться заповедями Евангелия. Проект союза был собственноручно написан Александром. Вот выдержки из него:

«I. Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, договаривающиеся монархи пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства…

II. Единое преобладающее правило да будет… приносить друг другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского, поелику союзные государи почитают себя аки поставленными от Провидения для управления единого семейства отраслями… исповедуя таким образом, что Самодержец народа христианского… не иной подлинно есть, как Тот, кому, собственно, принадлежит держава, поелику в нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные…»

Меттерних отозвался о проекте так: «Это предприятие как если не опасное, то, по крайней мере, бесполезное». Проект был послан в Пруссию и Англию. Каслри тоже отнесся к документу скептически, назвав его «в высшей степени мистическим и глупым»: мол, это «простая декларация библейских принципов, которая отбросила бы Англию во времена Святых отцов, Кромвеля и Круглоголовых…». Тем не менее 14 сентября 1815 года Священный союз был подписан. В ноябре 1815 года к Священному союзу присоединился французский король. Далее в Союз вошло большинство европейских стран, кроме Англии, Папской область и Турции. Турция не присоединилась к священному союзу из религиозных соображений. Англия хоть и не подписала пакт, высылала своих представителей на конгрессы Союза, которые состоялись в Аахене, Троппау, Лейбахе и Вероне.

Идея о союзе христианских народов была старой, однако в свое время она привела к крестовым походом. Союз,

предложенный Александром, призывал не к войне, но к миру. Еще в 1804 году, я об этом уже писала, он выдал соответствующие инструкции Новосильцеву, направляя его в Лондон. Надо было выдержать чудовищную, кровопролитную войну, чтобы Европа его услышала. Сам Александр говорил: «Я никогда не начну войну, если меня не спровоцируют, и никогда не буду вести ее в личных интересах, особенно если она нанесет ущерб интересам моих братьев-государей». И еще он говорил в 1815 году: «Я слишком близко видел войну. Я от нее устал…»

Отношение историков к Священному союзу в большинстве своем отрицательное. Некоторые из современников считали, что Александр желает лидерствовать в Европе, другие не могли простить Союзу его мистической окраски, приписывая возникновение Священного союза дружбе Александра с некоей таинственной дамой — баронессой де Крюденер (предшественница Блаватской).

А. Валлаттон пишет в защиту Александра: «Пакт, о котором французский историк Буркен говорил, что он был «смесью политики и мистицизма», представляется нам искренним шагом убежденного христианина, а не ловкой и коварной проделкой победителя». Самое серьезное обвинение — Союз стал душителем свободы народов в борьбе за национальную независимость. Но не надо забывать, что в начале XIX века Александр I призывал государей к сокращению вооруженных сил, поднимал вопрос о неприкосновенности территорий. Гарантом порядка, «на котором держится человечество», он считал многотысячную русскую армию. Это вам ничего не напоминает?

Позднее люди создали Лигу Наций, из Второй мировой войны вышли, создав ООН. К этим организациям тоже можно предъявить серьезные претензии. И ведь смело можно тех, кого мы называем «террористами», назвать борцами за свободу и за национальные и религиозные принципы.

Другое дело, что умирать никому не хочется, поэтому кто же станет оправдывать террористов? Кстати, советская власть это спокойно делала. Про Священный союз говорили, что он со временем «выродился» и потерял первоначальные задачи, что Александр нашел общий язык с Меттернихом и вообще стал плясать под его дудку. По-моему, этот вопрос ждет более серьезного исследования, а следовательно, более объективной оценки. Жаль, что Александр не смог запатентовать свой пакт.

Попытка преобразований

Царствование Александра I обычно делят на три периода: преобразовательный, освободительный и религиозно-консервативный. Освободить крестьян от рабства Александр мечтал с молодости, но приступил к решению этой задачи только после войны, считай, что уже в религиозно-консервативный период. Как известно, крестьяне получили свободу только в 1861 году, но интересно рассказать, как пытались решать эту задачу при Александре I.

В 1816 году эстляндское дворянство добровольно освободило своих крестьян, поняв, что им выгоднее использовать труд вольных людей. Там крестьяне уже имели кое-какие права, например право на недвижимость, эту собственность могли передавать по наследству. В мае 1816 года Александр утвердил положение об эстляндских крестьянах. Они получали полную свободу, но без земли, теперь их ждало арендаторство.

У Александра появилась надежда повторить опыт эстляндских (а потом курляндских и лифляндских) дворян в России. Работа над проектом реформы велась в строгой секретности, наверное, именно поэтому Александр поручил разобраться в крестьянском вопросе преданному и неболтливому человеку — А. А. Аракчееву. В основу реформы была положена «добровольность», то есть никакого насилия над помещиками! Главное, предложить им выгодные условия, и дворяне освободят своих крепостных (и ведь верил, что получится, святой человек!).

В феврале 1818 года Аракчеев представил императору свой проект. По этому плану предлагалось выкупить у разоренных войной дворян их усадьбы вместе с крестьянами «по добровольному на то помещиков согласию». Купленная государством земля могла обрабатываться свободными крестьянами по найму или отдаваться им в аренду. У многих помещиков земли были заложены-перезаложены, уже не было денег платить банкам проценты, так что принцип добровольности можно было соблюсти. Но ведь государственная казна не бездонная. И потом, вовсе не все помещики находились в бедственном положении, большинство вовсе не собиралось продавать государству свои земли.

Александр ознакомился с планом, одобрил его и уехал в Польшу, на открытие первого польского сейма. 15 марта 1818 года он произнес в Варшаве свою коронную речь. Он говорил о конституции, которую дал Польше, о свободно-законных учреждениях и, в частности, произнес такие слова: «…вы мне

подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, как начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости».

Речь эта было услышана в России и привела общественность в состояние шока. Слова государя землевладельцы поняли однозначно — завтра у них отнимут крестьян. Может быть, секретность проекта Аракчеева не была соблюдена, но, скорее всего, слово «свобода» вызывало у общественности однозначную реакцию — завтра нас ограбят! Дворянство было готово грудью встать на защиту своей собственности. Атмосфера в столице накалилась, уже шли разговоры: мол, папеньку убрали с трона, и сын туда же пойдет.

Александр решил повременить с освобождением крестьян, но было и второе дело — дать отчизне конституцию. Он дал конституцию Польше, Финляндии, некотором германским государствам, да и сама Франция жила теперь по конституции, полученной из его рук. А как же Россия? В 1819 году Александр дал поручение Новосильцеву составить проект русской конституции. Разумеется, работа велась в глубокой тайне, о ней не знали даже ближайшие сановники. Новосильцев писал свою «Уставную грамоту государства Российского» в Варшаве, подальше от дворянской оппозиции. Проект «Уставной грамоты» был консервативен. Были провозглашены свобода слова, печати, вероисповедания (при главенстве Православной церкви), равенство граждан перед законом. Государь — полновластный глава государства, но при нем был двухпалатный парламент. Парламент мог отклонить предложение царя, но и сам парламент не мог принять никакого закона без одобрения государя. Надо было «договариваться», как любил говорить дипломат Александр.

Царь ознакомился с работой Новосильцева, но в жизнь конституция не пошла, засохла на корню. Подробности этой «отставки» конституции неизвестны. Однако дело с освобождением крестьян имело некоторое продолжение. И опять тайна, секретный кабинет, созданный по указу царя министром финансов Д. А. Гурьевым. Работали в нем люди, думали, как изжить крестьянскую общину, столь живучую на Руси, и создать хозяйство фермеров. И опять все впустую. Даже памяти об этой работе не осталось, но сохранились чудом уцелевшие кое-какие бумаги.

Герцен насмешливо называл Александра «коронованным Гамлетом»: мол, вместо того, чтобы решительной рукой принимать законы во имя народа, царь мучается вопросами: «быть или не быть?» и в чем смысл жизни. Здесь нет предмета для насмешки. В каком-то виде идеалы Герцена в России

«восторжествовали», а чем все кончилось? Человек с умом и совестью всегда сомневается, только тиран, дурак или злодей точно знает в политике, «как надо», и любым способом проводит свою идею в жизнь.

Все ушло в песок, потому что «общественность» не хотела нововведений, дворянство не доросло до подобных реформ, их боялись, ненавидели, в императоре Александре видели своего врага. Про Александра с его единомышленниками, так же как про декабристов, можно сказать словами Ленина: «Страшно далеки они от народа». А что народ? Он не всегда безмолствует, он иногда кричит. А если кричит — «он всегда прав»? Сейчас, в 2012-м, народ в России Сталина хочет. Мудрец Руссо еще в XVIII веке говорил, что республиканский строй возможен лишь в странах с малой территорией. Может быть, он был прав?

Генерал Серван, граф Аракчеев и военные поселения

Война закончилась полной победой, и Россия была на подъеме. Тогда все благословляли имя Александра. Ему и «титул» дали — «Благословенный». Сгоревшая Москва отстраивалась быстрыми темпами.

Про Александра писали, что у него было три страсти (опять цифра «три»): армия, Нарышкина и дипломатия. Полководцем он был никаким, но создание военных поселений относится именно к его первой страсти. Поселения эти возникли не вдруг, царя всегда интересовали военные реформы. Он мечтал сократить военные расходы на содержание армии и улучшить быт солдат. Старательно прививаемая любовь к армии нам завещана Романовыми на вечные времена.

В России привыкли считать образцом именно прусскую армию. После Тильзитского мира прусский генерал Шарнгорст был обязан сократить армию до минимальных размеров. Умный генерал нашел выход. Он сократил срок службы солдат до трех лет, но при этом создал обученную «запасную армию», которую в случае нужды можно было призвать под ружье. Постоянная же армия насчитывала всего 42 тысячи солдат, как и требовалось по условиям мирного договора. Красивая реформа, ничего не скажешь, но она не подходила Александру. Слишком велика была его держава, слишком плохи дороги, селения разбросаны на большие расстояния. Это тебе не Пруссия, при таком раскладе солдат быстро не соберешь.

В 1810 году в руки Александру попало сочинение французского генерала Сервана, который писал об организации пограничных военных поселений. Там солдаты и границу охраняют, и хлебопашеством занимаются. У нас, кстати, тоже были пограничные военные поселения — казаки, отличная была армия, Наполеон их очень хвалил. Не знаю, вспомнил ли царь о яицких и донских казаках, но идея Сервана очень его заинтересовала, приказал П. М. Волконскому срочно перевести брошюру на русский язык. Руководство новыми солдатскими поселениями он решил поручить Аракчееву, а тот не был силен во французском.

Первые военные поселения была созданы в Могилевской губернии. Одну волость отдали в подчинение военным, местное население переселили в Новороссийский край (и такое бывало!), а на их место привели Елецкий полк. Далее спешно выписали жен

с детьми, естественно, согласия солдат никто не спрашивал. Часть дня батальон несет военную службу, а другую часть хлебопашествует. Идея не успела полностью воплотиться в жизнь. Наступил 1812-й, и Елецкий полк ушел воевать.

Отвоевали, победили, на дворе 1816-й. В Европе мир. Себя Александр считал гарантом этого мира, а это значит, армия ни в коем случае не должна быть сокращена. Наоборот, она должна быть еще больше, еще сильнее и организованнее. Народ роптал, мирное время, а рекрутские наборы не сокращаются, налоги тоже непомерные. Фабрики активно работают на вооружение, ширилось также производство сукон и полотна — на армейские и флотские нужды. Тут Александр и вспомнил о могилевском опыте.

Местом военных поселений стала Новгородская губерния. Выделили волость недалеко от имения Аракчеева, и она стала полком. Местное население на этот раз не выселяли, а решили из всех чохом сделать солдат. Одна из деревень сгорела. Это было только на руку преобразователям. Все, из служивших Александру, говорили, что он очень любил порядок — во всем: в одежде, в убранстве дома, в государственных бумагах. Его «парадомания» тоже, видно, была основана на красоте и аккуратности военного строя. На пепелище по новому утвержденному плану был построен современный поселок, дома на каменных фундаментах были выстроены по стрелке, все регламентировано. Мужикам побрили бороды, обрядили в военную форму, и вперед! Пахарям-солдатам давали ссуды, скот, лошадей, более того, для них были построены школы и больницы. Холостые солдаты были у женатых батраками на полном содержании. Пришла пора жениться, тебе и хозяйство дадут, и невесту сыщут. Красиво, разумно! Невольно вспоминаешь Кампанеллу с его «Городом солнца». Солдаты ненавидели военные поселения, они не хотели жить «по букве», считая, что такая жизнь хуже крепостной зависимости.

Поселенцев лишили право выбора. Жениться можно было только по разрешению начальства. Вдовам и девкам велся строгий учет, иногда жена была много старше своего мужа. Мальчиков сразу после рождения записывали в кантонисты, то есть они уже росли солдатами. Школу тоже часто воспринимали как повинность. За каждым шагом поселенцев внимательно следили: плохо работаешь — отнимем хозяйство. И не забывайте, что при тяжком крестьянском труде нужно было нести военную службу, а за нарушение устава люто наказывали. Ну и конечно, про военные поселения сочиняли всяческие небылицы, говорили, что бабы даже щи в печь ставили по сигналу трубы, по этому же сигналу вынимали из печи горшок. В военных поселениях

периодически вспыхивали бунты, об этом и рассказывать не хочется. Расправлялись с бунтовщиками очень строго. Офицеры тоже ненавидели военные поселения, там был сухой закон, на карточную игру тоже был наложен запрет. Это какой же русский человек, да еще в армии, подобное выдержит?

Отвечал за военные поселения «бедно одаренный от природы граф Аракчеев» (так его аттестует энциклопедия Брокгауза и Эфрона). Несколько слов о председателе военного департамента Государственного совета, а со временем и фактического премьер-министра, хоть формально он и не был назначен на эту должность. А. А. Аракчеев (1769–1834) — из бедных дворян, окончил артиллерийское училище. Еще во время учебы он репетиторствовал в семье графа П. И. Салтыкова, учил его сыновей фортификации и артиллерийскому бою. Павел I искал дельных людей, и Салтыков представил честного юношу императору. За четыре года правления Павла Аракчеев успел сделать блестящую карьеру, можно сказать, что он был облагодетельствован императором. Александру он достался как бы в наследство от отца. При новом императоре Аракчеев успел повоевать, участвовал в Аустерлицкой битве, вполне успешно прошел Шведскую войну. Про дальнейшее он говорил: «Вся французская война прошла через мои руки». Следует добавить, что по профессии Аракчеев был артиллерист, а многие военные историки утверждают, что в войнах 1812–1813 годов русская артиллерия была лучше французской.

Из Аракчеева современники сделали монстра (а потомки подхватили эту версию). Вот как описывает Саблуков его внешность: «По наружности Аракчеев похож на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного; так как он был очень сутуловат и имел длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т. п. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие, мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону; цвет лица его был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший. Чтобы дорисовать его портрет — у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и злости».

Уж не любят, так не любят! А он вовсе не был так уродлив и совсем не так прост. Малообразованный, очень не глупый, хороший организатор, идеальный исполнитель, работоголик. Жестокий, да, но при неограниченной власти над людьми многие становятся жестокими. Он обладал еще одним редким среди временщиков качеством — он никогда не врал и не крал. Да

такого человека было только поискать, а Александр в последний период своей жизни успел разочароваться во многих преданных ему людях.

Но современники ставили в вину Аракчееву не только военные поселения, не его это была идея, вначале он был настроен против этих поселений. Аракчееву не могли простить, что он стал «другом» царя. В друзьях и соратниках Александра ходили либералы, знатные и красивые, потом один за другим уходили — кто по своей вине, кто вынужденно, а это пугало находился при императоре вечно. По мнению общественности, Аракчеев оказывал на Александра серьезное влияние. Сделать это чудовище своим фаворитом!

Да, Александр обращался в письмах к временщику «мой друг», но Аракчеев никогда не был ему другом, он был его исполнитель, раб, с некоторой натяжкой можно сказать, он был его «савельич». Аракчеев знал цесаревича с детства, знал все об убийстве Павла, и то, что он ни минуты не сомневался в непричастности его к убийству отца, было очень важно для Александра. Сам же Аракчеев смысл жизни видел в том, чтобы угадать желание императора и исполнить его достойным образом. Царь любил ездить к Аракчееву в гости в Грузино. Аракчеев сделал в усадьбе точную копию кабинета царского кабинета, все учел — и мебель, и картины на стенах, и образцовый порядок на столе. У Аракчеева была жена, но он жил с ней раздельно. Он, ярый противник взяток, вдруг узнал, что супруга тайно от него принимает подарки сановников в надежде, что это поможет устроить их дела. Разъехались в один миг и забыли о существовании друг друга. Теперь хозяйкой Грузина была наложница из крепостных Настасья Минкина, которую Аракчеев нежно любил. Потом эту Настасью крепостные убили за жестокость. Расправа была страшной.

Характер Александра после войны очень сильно поменялся, это был совсем другой человек. «Подверженный меланхолии», так называли в XIX веке депрессию, он часто был угрюм, вежлив с близкими, крут с подчиненными. В это время им овладела «охота к перемене мест». Он редко появлялся в Петербурге, то мотался по всей стране, то уезжал на конгрессы за границу. Министерство продолжало работать, все требующие рассмотрения императора дела передавали в комитет, затем эти дела в кратком изложении в письменном виде подавались императору. В папке под бумагами всегда имелось заключение Аракчеева. При дворе злословили, что Александр поступает всегда так, как рекомендует Аракчеев. Это неправда. Если тот и составлял иногда деловые бумаги, то черновик был написан самим Александром. За все

непорядки, творившиеся в империи последние годы, нес ответственность сам Александр, и он не отказывался от этой ответственности.

Аракчеев отказывался от всех наград. Военные ордена тоже принимал с оговоркой, только если лично участвовал в том или иной сражении. Он был действительно «без лести предан». Александр подарил ему свой украшенный бриллиантами портрет. Он портрет оставил, а бриллианты вынул и вернул императору. Александр хотел назначить его живущую под Тверью мать статс-дамой, Аракчеев взмолился: «Я счастлив благоволением Вашего Императорского величества, но умоляю не жаловать родительницу мою статс-дамою, она всю жизнь провела в деревне; если явится сюда, то обратит на себя насмешки придворных дам…»

К 1825 году Аракчеев добился своего, быт в военных поселениях был устроен, сельское хозяйство и ремесла процветали, солдаты содержали себя сами. Аракчеев гордился своей отчетностью, ему удалось даже сэкономить 50 миллионов рублей — все пошло в государственный сундук. Было немало людей, которые хвалили военные поселения, тут и Кочубей, и Карамзин, и возвратившийся из ссылки Сперанский. Но как ни аккуратен был в своей бухгалтерии Аракчеев, со временем выяснилось, что чиновники крали и много, бывало, что и голодали солдаты, и вообще много там было непорядка. Однако в конце царствования Александра военным поселениям была отдана треть армии. Бунты были, но относительно немного. Самым сильным был Чугуевский бунт 1819 года. Когда искали зачинщиков, многих солдат пропустили сквозь строй, некоторые умерли после шпицрутенов. Вот тогда якобы и сказал Александр свою жесткую фразу: «Военные поселения будут существовать, хотя бы для этого пришлось выложить трупами все дорогу от Петербурга до Новгорода». Будем все-таки помнить, что это только слова, до укладки трупами дороги дело не дошло, но при Николае I бунты стали обычным дело. Самым страшным был холерный бунт в 1833 году.

Настасью Минкину убили в 1824 году, накануне отъезда Александра в Таганрог. Смерть наложницы совершенно выбила Аракчеева из колеи, он словно разум потерял. И смерть любимого императора проглядел, и делами не мог заниматься. Следствие и суд по делу декабристов прошли без его участия. За это Аракчеев был отправлен в отставку. В 1833 году он внес в банк 50 тысяч рублей ассигнациями с указанием, чтобы эти деньги лежали в банке девяносто три года и обрастали процентами. По истечении срока скопившейся суммой следовало распорядиться следующим

образом: треть суммы — награда тому, кто напишет лучшую историю Александра I, остальные деньги пусть пойдут на издержки печати, а также переводчикам сей истории на немецкий и французский языки. Наивно, да, тем более что указанный срок истекает как раз в 1925 году. Сократи он срок хотя бы на десять лет, и премия досталась бы Николаю Карловичу Шильдеру (генерал-майор, историк, член-корреспондент Академии наук, в конце жизни директор Публичной библиотеки) — великолепную биографию Александра I он написал.

В Грузине Аракчеев поставил бронзовый памятник Александру. Он обожал императора. П. А. Вяземский об Аракчееве: «Беда его в том, что он родился в среде хотя дворянской, но малообразованной и что первоначальное воспитание его было совершенно пренебреженно. Другая беда его, что почти без приготовления был он судьбою заброшен на вышину, которая давала ему обширную власть, обязывала его большою ответственностью и ставила всем на виду. Поболее равномерности и равновесия в распределении того, что он дать был в силах, и того, что случайные обстоятельства и взыскательность от людей от него требовали… и из Аракчеева вышел бы человек, который мог занять с пользою второстепенное место в государственном управлении. Во всяком случае, избежал бы он тогда многих ошибок и тех укоризн, частью справедливых, большей частью празднословных и наглых поношений, которыми безжалостно и беспощадно преследуют память его».

Дорога в ад вымощена добрыми намерениями

В ноябре 1815 года в польском мундире с огромным эскортом Александр торжественно въехал в Варшаву. «Да здравствует наш король!» — такими криками приветствовал его народ. Княгиня Чарторыйская написала в своем дневнике: «Я видела короля Польши… У меня есть родина, и я оставлю ее моим детям».

Александр приехал в Варшаву работать. По его указаниям конституция уже разрабатывалась польской комиссией. Современники признавали эту конституцию весьма либеральной. Она гарантировала неприкосновенность личности, свободу печати, польский язык становился государственным и т. д. Король, то есть Александр, давал присягу на конституции. Законодательным органом являлся двухпалатный сейм из выборных депутатов. Была объявлена амнистия, снят арест с конфискованного имущества, император не скупился на награды и пенсии. Варшава ликовала.

15 декабря 1815 года конституция была утверждена Александром. Адам Чарторыйский произнес по этому поводу речь. В частности, он сказал: «Император Александр мог господствовать одной силой, но, руководимый внушением добродетели, отвергнул такое господство. Он основал свою власть не на едином внешнем праве, но на чувстве благодарности, на чувстве преданности и на том нравственном могуществе, которое порождает вместо трепета — признательность, вместо принуждения — преданность и добровольные жертвы». Великолепно!

Отчего же все эти начинания привели Польшу к полному краху? Задумывалось хорошо, а получилось «как всегда». Причин много, но одна из главных состояла в том, что Александр не тех людей поставил на ответственные посты. Все ждали, кто будет наместником, то есть фактическим правителем Польши. Самой подходящей фигурой, по мнению общества, был Адам Чарторыйский — патриот, блестящий, высокообразованный дипломат, честный и к тому же друг самого царя. К удивлению всех, Александр назначил на должность наместника генерала Зайончека. Это было похоже на насмешку. Зайончек был дивизионным начальником армии Наполеона, он был стар и к тому же одноног. Скоро выяснилось, что Зайончек стал послушным исполнителем любой воли царя. Адаму Чарторыйскому досталась всего лишь должность председателя

сената. Он был смертельно обижен.

Командующим польской армией, насчитывающей 35 тысяч солдат, был назначен великий князь Константин Павлович. Своенравный, неуравновешенный, часто буйный, как говорят на Руси, «без царя в голове», он скоро восстановил против себя всю Польшу. С польскими солдатами он разговаривал по-русски, за неисполнение приказов наказывал палками. Получил высокую должность и наш старый знакомец Новосильцев. Еще в 1813 году он был назначен вице-президентом временного совета герцогства Варшавского. До этого он три года просидел в Вене, где «поправлял здоровье», а по отзывам окружающих, предавался беспробудному пьянству, что сильно подпортило ему репутацию. С переименованием герцогства в Царство Польское он стал фактически комиссаром Александра. Он состоял при особе великого князя Константина, составлял проекты для правительственного совета, заведовал комитетом по учебной части — много дел, много.

Беда Новосильцева состояла в том, что он не любил поляков. Бывает. Поляки тоже не любят русских испокон веков, и тянется это не только с нашего Смутного времени, а еще с той эпохи, когда свободная Польша и Великая Литва противостояли Руси, получавшей ярлык на правление от татар. Новосильцев весьма скептически относился к конституции Александра. Энциклопедия: «Обнаруженная им (Новосильцевым. — *Авт.*) здесь строгость и даже жестокость, особенно по отношению к молодежи, вызвали ожесточение поляков…» Понятное дело, родители были в бешенстве, когда их сыновей приговаривали к пожизненному заключению без права обжалования. Чарторыйский жаловался царю на цесаревича Константина: «…он не щадит ни армии, ни народа, ни частных лиц. Конституция в особенности дает ему повод к постоянным сарказмам; он осмеивает все, относящееся к правилам, порядку, законам… он безусловно хочет ввести в армии палочные удары и даже вчера отдал по этому поводу приказ… Было бы возможным сказать, что существует план, созданный, чтобы противостоять проектам Вашего Величества, чтобы сделать призрачными Ваши благодеяния и заставить рухнуть Ваше предприятие в самом начале». Была еще причина, по которой Польша постоянно бунтовалась. Поляки хотели вернуть старые границы, то есть заполучить Литву, а конституция — это уже дело второе.

Забегая вперед, скажу, что в 1830 году, то есть через пять лет после смерти Александра, в Польше вспыхнул мятеж, переросший в Польскую войну. Новосильцев и великий князь бежали в Россию. Вскоре Польша перестала существовать как

самостоятельное государство. Великий князь Константин в 1831 году умер в Витебске от холеры. Славный наш декабрист Лунин, служивший в Варшаве адъютантом великого князя, был к этому времени давно в ссылке. Он считал цесаревича самодуром, однако в письме сестре он просит, чтобы та помолилась за упокой его души. Великий князь Константин знал о предстоящем аресте Лунина. Он дал ему возможность скрыться, но Лунин не захотел использовать эту возможность. И еще известно, что Александр и Екатерина Павловна искренне любили брата. И вообще, кто их там разберет.

Мистицизм Александра I

Про Александра не пишут, что он был «истинно верующим человеком», а пишут — император-мистик. Я уже рассказала, как в самое трудное для России и царя время к нему явился друг молодости князь Голицын и объявил, что в этой страшной войне мы победим и что эту истину ему возвестило Евангелие. У Александра не было под рукой этой книги, он пошел к жене. Елизавета Алексеевна дала ему написанное по-французски Евангелие, видимо, там был и Ветхий Завет. Александр погрузился в эту книгу, он читал ее с превеликим вниманием и на каждой странице, даже открытой наугад, находил ответ на мучившие его вопросы. Ответ был дан не в лоб, а иносказательно, но при желании, обладая хотя бы малой толики воображения, можно было понять, что именно советует ему великая книга.

С этого все и началось, это был его вход в религию. В детстве он не слишком охотно изучал историю религии, ее догматы и таинства, его больше интересовали возвышенные речи Лагарпа, чем скучные назидания Самборского. Библия попала к нему в руки в нужном месте и в нужное время, поэтому оказала столь сильное влияние на его психику.

Вступив на трон, Александр разрешил возобновить деятельность масонских лож, закрытых в 1792 году Екатериной. Сам он в то время не мог быть масоном, в момент закрытия лож ему было пятнадцать лет. В 1801 году он разрешил ложи не потому, что был в них заинтересован. Просто первые годы его правления были годами больших реформ, все твердили о свободомыслии, масонские ложи попали в общий список.

Масонство стало необычайно модным движением. Масоны организовали революцию во Франции, позднее считали, что они же создали Соединенные Штаты Америки. Специалист по масонству историк Пыпин пишет: «…разноцветные ленты, ордена, символы (регалии), торжественные обряды с рыцарским характером, громкие титулы, переименованные в латинские псевдонимы — все это принималось за чистую монету, было любопытно, льстило самолюбию и аристократическим притязаниям». Считалось, что Адам знал какую-то великую тайну мироздания, которую в свое время сообщил человечеству, но беспечное человечество в своем развитии потеряло эту тайну. Теперь делались попытки ее вновь обрести. Все вольные каменщики считали себя «огненными рыцарями в борьбе за справедливость», а по сути, ложи были неким подобием Английского клуба, туда захаживали, вместе проводили время,

обедали и ужинали вместе, а после трапезы пели гимны. В масонские ложи входили самые разные люди, от аристократов до поваров и парикмахеров из эмигрантов, много там было русского офицерства и чиновничества, а среди них весьма уважаемые и умные люди. Народ их не любил и боялся. Что он ищут, почему тайна, зачем такие страшные символы: гробы и черепа? Вступил ли Александр в ложу? Масоны заявляли, что, да, вступил и занимал там высокий пост, хотя этому нет никакому документального подтверждения.

Когда ты чем-то увлечен, судьба сама посылает тебе нужных людей. Таким человеком для Александра стала баронесса Крюденер. Уроженка Риги (родилась в 1764 году), она была дочерью крупного землевладельца и женой нашего посла в Германии. В молодости она попробовала себя на писательском поприще. Рассказывают, что Наполеон, прочитав ее роман «Валерия», сказал библиотекарю: «Посоветуйте этой сумасшедшей впредь писать свои романы по-русски или по-немецки, чтобы мы были избавлены от этой невыносимой литературы». Окунувшись в мистику, она мечтала и Наполеона сделать своим адептом — не получилось. Тогда она возненавидела императора и впоследствии предсказала, что содержание его на острове Эльба «будет пагубным для Европы» — слишком близко находился этот остров от Франции. Да, она открыла в себе дар прорицательницы, ворожеи, она разговаривала с умершими, вызывала духов, у нее было много последователей. С Александром баронесса решила познакомиться через Р. С. Эдлинг, буквально закидав фрейлину письмами. В русском царе она видела «избранника Божия и победителя Змия», то есть Наполеона. Вначале Александр отказался принять баронессу Крюденер, но она буквально путешествовала за русской армией по Европе.

Вот как описывает их встречу А. Валлатон: «4 июня 1815 года, дело происходило в Европе, в комнате постоялого двора. Александр перед сном читал Библию и остановился на следующих словах Апокалипсиса: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце…». Как раз в этот момент государю доложили, что какая-то женщина самым настойчивым образом просит ее срочно принять, ибо дело не терпит ни малейшего отлагательства! Увидев в этом знак Всевышнего, Александр попросил ввести незнакомку. Вошла маленькая и некрасивая женщина примерно пятидесяти лет, «облеченная» совсем не в солнце, а в очень простое платье и с накладными волосами. Ни секунды не раздумывая и без тени сомнения, она сказала царю: «Из всех народов и государей я славлю вас как избранника Божиего!»». Потом они вместе молились, стоя на

коленях.

В Париже Александр посещал ее собрания. Он был не одинок. Прорицательница Крюденер была очень популярна, к ней ходили и королева Гортензия, и Шатобриан, и герцог Ришелье, и мадам Рекамье.

О влиянии баронессы на царя много говорили в Европе, злые языки даже утверждали, что текст для Священного союза был написан ее рукой. Это полная чушь. Ко времени написания манифеста Александр уже порвал всякие отношения с прорицательницей Крюденер. Вот его слова: «Возможно, что у нее добрые намерения, но сколько же непоправимого вреда она нанесла…» Царь не сообщил, какой это был вред, но известно: услужливый дурак опаснее врага, что-то она наговорила лишнего со свойственной ей экзальтированностью и бесцеремонностью. Об одной из причин разрыва мельком сообщают, вернее, это просто отголоски какой-то истории. Госпожа Крюденер в присутствии Александра и некоей дамы с ее спутником впала в транс. Вернувшись в реальный мир, она сообщила указание гласа Божьего: русский царь должен выдать присутствующей даме какую-то сумму денег, видимо немалую.

Я не знаю, легко или трудно Александр расставался с людьми, которые занимали какое-то ответственное место в его сердце. Да и были ли у него друзья, сохранившие дружбу с ним на всю жизнь? Этих расставаний не счесть. Ему очень близка была сестра Екатерина Павловна, но она редко была рядом, все больше переписка, а в 1819 году она умерла. Жена только в самое последнее время стала его другом. Александр часто обижался на людей. Обиделся на Сперанского, чем-то он его, сам того не ведая, сильно задел. Царь был очень мнителен. Удивительное дело, столь красивый, яркий человек с мягким характером, облеченный самой высокой властью, был наделен огромным количеством комплексов неполноценности. Во-первых, он не очень хорошо слышал, а в более позднее годы стал попросту глуховат. Во всяком случае, он мог свободно общаться с человеком, если тот находился напротив него, может, он что-то додумывал по губам, помогала также мимика собеседника. Во-вторых, он был близорук, но никогда не носил очки, их нет ни на одном из его портретов. Из-за своей глухоты он часто принимал действительность не такой, какой она была в реальности. Ему все казалось, что над ним посмеиваются за его спиной. Может, кто-то и посмеивался, но не в дворцовых коридорах.

Александр не любил слишком пышное и богатое официальное богослужение. Это очень понятно. На Пасху по ТВ наша служба с облачениями священников выглядит столь

фантастически богатой, что экран прямо-таки «пахнет сырой нефтью». В старом русском споре между иосифлянами и нестяжателями я всегда была на стороне последних. Александр искал истину — свою, «внутреннюю церковь».

В 1813 году он удалился на время от армии, от собственного штаба и скрылся в Силезии в местечке Петерсвальдау. Александр жил там без свиты, только пара сановников и слуги были рядом, а время от времени он уезжал куда-то в полном одиночестве. Он ездил в соседний городок, где находилась колония гергутеров — масонских братьев. Селение было уютным, люди вежливыми и набожными. У них была своя вера, возникшая во времена Кирилла и Мефодия. Их вера отрицала обряды, святых отцов, иконы, им дела не было до сложной многовековой истории религий. Они считали, что посредники для общения с Богом не нужны, а как жить — все написано в Евангелие.

Через год Александр познакомился с квакерами. В 1814 году он поехал в Лондон, где и познакомился с их учением. Считается, что квакеры оказали на Александра свое влияние. В 1818 году представители этой секты приезжали в Петербург, они разговаривали с императором, вместе молились. Известный квакер Уильям Аллен был ярым борцом за уничтожение торговли людьми и надеялся с помощью Александра добиться того, чтобы работорговлю объявили пиратством.

Название секты — quakers (от *англ.* quake, трястись) — дано было в насмешку из-за странных телодвижений и звуков, которые сектанты произносили во время своих молитв, наши хлысты в чем-то были их последователями. Секту основал Георг Фокс в XVII веке. После долгого чтения Библии и размышлений Фокс пришел к выводу, что истина находится не у католиков, протестантов и прочих религий, а в сердце у каждого, куда заложена самим Богом. В человеческом сердце имеется «внутренний свет», слушай голос своего сердца, потому что это и есть глас Божий, и он огородит тебя от греха и порока. Квакеры получили очень широкое распространение в Европе и Америке.

Чем квакеры могли прельстить Александра? Квакеры — противники войны, они отказывались служить в армии и платили государству «отступные». Они против производства оружия и торговли им. Устройство общин основано на демократических принципах, во главе стоят выбранные достойные люди. У них нет алтарей, икон, нет музыки.

Проповедует на общих молениях тот, на кого сходит Дух Божий. Венчание отменено, молодые просто обещают друг другу верность на всю жизнь, и это строго соблюдается. Квакеры — ярые враги рабства. Все должны работать, и много, нищенство

запрещено, старые и больные живут в странноприимных домах. Все хорошо, логично, но никакого самоволия, искусству сказано «нет», жизнь трезвая, постная, лишенная удовольствий. Долг перед обществом превыше всего! Зато во всем четкий порядок, аккуратность и чистота. Это было так не похоже на бедные, забитые, убогие русские деревни, где юродивый — святой, всеми уважаемый человек, а работоголиков не любят, они успешнее и богаче прочих, а богатым завидуют и обвиняют во всех грехах.

Мистицизм, поднятый на государственный уровень, как правило, со временем плавно перетекает в реакцию и мракобесие. Это можно показать на примере создания в России Библейского общества. Оно было создано для борьбы с атеизмом, вольтерьянством, революционным свободомыслием, а также для утешения измученного войной 1812 года народа. Историки выстроили довольно стройную схему этого «перетекания», конечно, в жизни все это было гораздо сложнее и, так сказать, разветвленнее.

Первое Библейское общество было создано в 1804 году в Англии, цель — перевести Библию на все языки мира и сделать ее доступной для всех людей. Обществу помогали энтузиасты и всяческие жертвователи. В России Библейское общество вначале было филиалом английского, а в 1814 году Петербургское Библейское общество по величайшему указу было переименовано в Российское Библейское общество.

В губерниях стали активно развиваться местные отделения, в которые входили аристократы, чиновники, духовенство. Во главе общества стоит уже князь Голицын, обер-прокурор Синода. К этому времени вера князя претерпела некоторые изменения, он уже не делает различия между вероисповеданиями, и квакеры, и чистый мистицизм, и иезуиты — все были его дети.

Александр писал Голицыну: «…Я придаю ему (Библейскому обществу) величайшее значение и вполне согласен с вашим взглядом, что святое писание заменит пророков (les prophetes). Эта всеобщая тенденция к сближению со Христом Спасителем для меня составляет действительное наслаждение».

Но Библия не доходила до народа ввиду его полной безграмотности. Князь Голицын спохватился — нужны начальные школы. Он потребовал у Министерства народного образования для этих нужд 2 миллиона рублей, огромные деньги по тем временам. Идея хорошая, но невыполнимая. Деньги не дали, их неоткуда было взять, но произвели серьезные преобразования на ниве просвещения. Старый граф А. К. Разумовский давно просился в отставку, он ее получил, а Министерство народного образования, которым он заведовал, превратилось в

Министерство духовных дел и народного образования с князем Голицыным во главе.

Это совмещение привело к полному абсурду. Свобода совести — личное дело каждого, веру нельзя насаждать, как репу. С этим институт церкви не справлялся, а тут министерство… Устами князя Мышкина Достоевский говорит: «И не нас одних, а всю Европу дивит в таких случаях русская страстность наша: у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль скоро атеистом станет, то непременно начинает требовать искоренения веры в Бога насилием, оттого что отечество нашел, которое здесь просмотрел… От воспаления, от жажды горячечной».

Создавая Священный союз и поддерживая Библейское общество, Александр вряд ли ставил перед собой глобальную задачу общего перевоспитания людей в России, как, скажем, это делала советская власть. Не до того ему было, он Европу перестраивал. Но у нас всегда найдутся люди, которые, как теперь говорят, «бегут впереди паровоза». Их ухо улавливает любое движение наверху, любой сквозняк рядом с императором для них уже знак и призыв к действию. Греч пишет, что тому, кто не принадлежал к Библейскому обществу, «не было хода ни по службе, ни при дворе». Пушкин, которого в 1825 году сослали из Кишинева в Михайловское, так пишет Жуковскому: «Его величество (Александр I), исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, написанное три года назад, в котором находилось суждение об афеизме (атеизме), суждение легкомысленное, достойное, конечно, всякого порицания». Но одно дело — порицание. А другое — ссылка!

Самый большой урон понесло образование. А ведь в начале царствования Александра все так благополучно для просвещения начиналось. Под знаменем христианского благочестия стало преследоваться любое вольнодумство. Особенно прославились на этом поприще два негодяя — Магницкий и Рунич. Магницкий практически разгромил Казанский университет, Рунич преуспел в этом же в Петербурге. В Казани возникла фантастическая система образования: студенты маршировали строем, политэкономию должны были проходить по Библии, «провинившихся» обували в сермяк и лапти и с табличкой на груди «грешник» сажали в карцер. Даже математику надо было преподавать, ссылаясь на Священное Писание. Из двадцати казанских профессоров одиннадцать были уволены. Иностранных профессоров высылали за границу, запрещены были многие книги. Даже «Всеобщая мораль, или Книга о должности человека», авторство которой приписывалось Екатерине II и выдержало одиннадцать изданий,

была изъята из обращения. Теперь дело шло к погрому Харьковского университета. Прекращены все эти безобразия были только в 1827 году при Николае I.

От автора — напрашиваются аналогии: социализм плюс воинствующий атеизм — это ведь тоже абсурдный фанатизм, форма мистицизма, только Библия у нас была заменена другими книгами — историей партии с подробным описанием съездов. Сочиняя методички по любому предмету, преподаватели должны были пристегнуть к ним работы Ленина. Студенты тоже маршировали строем. В карцер, правда, их не сажали, а просто исключали из института при малейшем признаке свободомыслия.

Мистицизм заразителен, как грипп или чума. В Петербурге было полно ворожей, толкователей, колдунов, гадателей, пророков. Выходило много литературы мистического характера, была и отечественная, но в основном переводная. В моей любимой в юности книге «Лунный камень» героиня третьего плана разбрасывала по домам брошюрки такого содержания: «Дьявол в каминных щипцах», «Дьявол в половой щетке», примерно такое было и в России.

Но к пророкам у нас всегда относятся серьезно. В Петербурге в те времена был необычайно популярен скопец Кондратий Селиванов. В правление Павла он обретался в Обуховской больнице. В 1802 году больницу посетил Александр I, после этого Селиванова перевели в богадельню при Смольном монастыре, а позднее его забрали к себе богатые купцы Ненастьевы, и по столице распространилась молва о святом старце. Народ валом повалил в дом купца, все желали послушать пророка и получить его благословение. Боком Селиванов задел и царский дом. Во всяком случае, ходили слухи, что перед Аустерлицем Александр посетил старца и спросил у него, надо ли начинать войну с французом или нет. По слухам, старец ответил: «Не пришла еще твоя пора, побьют тебя и твое войско, придется бежать куда ни попало». Этот совет очень повысил акции Селиванова. Позднее Селиванову купцы построили дом божий, где он и проповедовал. На радения собиралось до 300 человек — чиновники, офицеры, представители самых известных фамилий, монахини и прочие.

Среди этой паствы находилась и жена полковника Татаринова. Дама эта испытала какое-то серьезное семейное несчастье, она легко впадала в транс, пророчествовала, а в 1817 году организовала собственное общество под названием «Братство во Христе». Кружок был очень популярен среди мистиков. Туда входили весьма известные в те времена люди, например художник Боровиковский, скульптор Федор Толстой и министр народного просвещения князь Голицын. Впадая в транс,

люди обретали возможность «говорить не по размышлению», «а по вдохновению, в котором голова нисколько не участвует». Считалось, что их устами говорил глас Божий. Как и что они там делали, точно мы не знаем, но сплетни по городу ходили самые разнообразные.

Известно, что Татаринова виделась с императрицей Елизаветой Алексеевной, которая обещала ей покровительство. Александр поддержал жену, передав Татариновой: «Я вами очень доволен за учение ваше о Спасителе нашем». Видимо, он считал, что главное, чтобы была вера, а какой она имеет вид, это частное дело человека. Татаринова жила в Михайловском замке. У нее была там квартира. Однажды и сам Александр был на татариновских радениях. С Михайловским замком у императора связаны особые воспоминания, может, поэтому он его и посетил. «Продолжайте, — сказал он тогда хозяйке квартиры. — Ныне распространяются на Западе карбонарии и проникли уже в мою державу». Стало быть, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы молчало.

В 1821 году в голове у Николая Павловича, будущего императора, возникла идея разместить в замке инженерное училище. Александр не мог отказать брату. Татаринова была выселена, но получила на обустройство вспомоществование, кроме того, она была как бы на государственном довольствии, получая ежегодно восемь тысяч рублей. Декабрист барон Штейнгель писал: «Общее бедствие 1812 года наклонило ум и сердца к набожности. Отселе начинается период мистицизма». Дату «1812» с легкостью можно поменять на 2000-й и другие годы. Не помню уже, было ли у нас когда-нибудь столько колдунов, гадалок, пророков и странных сект. Все в жизни идет по кругу. Интересно, что о нашем времени напишут потомки?

Реакция

Священный союз не мог обеспечить мира и спокойствия «в поврежденной уже в рассудке Европе» (так характеризует Европу Вигель). Франция бунтовала, в Испании король Фердинанд распустил масонские ложи и восстановил в правах инквизицию, в Италии обывателей пугали словом «карбонарий», за свободу боролись и в Неаполе, и в Папском государстве. В Германии тон задавали студенты, в них тоже вселился революционный дух. В марте 1819 года в Мангейне студент Занд убил немецкого писателя Августа Коцебу. Последний был статским советником и выполнял при нашем посольстве секретные поручения Александра I. Писателя убили как шпиона. Австрийский дипломат Генц писал: «Все европейские государства, без исключения, терзает изнутри жгучая лихорадка; она сопровождает или предвосхищает самые бурные конвульсии, которым когда-либо был подвержен цивилизованный мир со времен падения Римской империи…» Меттерних негодовал: бунтующая Италия наводнена русскими, которые похваляются, что либеральные течения «найдут покровителя в лице их государя». В Греции тоже было неспокойно.

В декабре 1820 года монархи России, Австрии, Пруссии, а также присланные из Франции и Англии представители провели конференцию в Троппау. Конференция проходила с 20 октября по 20 декабря, а в середине ноября фельдъегерь привез из Петербурга известие о бунте в Семеновском полку. Это известие буквально сокрушило Александра. Когда-то, еще при Павле, он сам командовал этим прославленным гвардейским полком, многие офицеры полка были ему хорошо знакомы. Армия была его главной заботой и усладой. И вот, оказывается, революционные настроения проникли в святая святых — в его столицу! Волнения в Семеновском полку не имели никакой политической подкладки, но Александр этого не знал.

А суть дела в том, что брат Михаил Павлович решил сделать подарок старшему брату. Как все Романовы, Михаил был помешан на армии. Гражданская служба его не занимала, он считал, что в государстве вполне достаточно иметь «военный порядок». Он был начальником бригады, Семеновский полк находился в его подчинении, и этот полк, «усыновленный самим государем», ему не нравился: слишком щеголеватые, ловкие и легкомысленные там служили офицеры, не было должного уважения к выправке солдат и военным учениям. Именно Михаилу пришла в голову мысль заменить «милейшего» генерала Потемкина на другого

командира — «чудесного фронтовика Шварца», он выбьет дурь и из солдат, и из офицеров. И Шварц принялся «выбивать». «Палка была всегда его единственным красноречивым документом» (Вигель). Офицеров он поминутно оскорблял, солдат лупцевал без жалости. А тут за незначительную провинность велел высечь несколько солдат — георгиевских кавалеров. По закону награжденные Георгиевским крестом были избавлены от телесных наказаний. Шварц пренебрег этим правилом. В результате несколько рот возмутились, вышли из казарм, выстроились на плацу…

Весть о бунте Семеновского полка привез Александру молодой адъютант генерала Васильчикова Петр Чаадаев. Вигель очень не любил Чаадаева, поэтому откровенно злорадствует по этому поводу: «Он был первым из юношей, которые тогда полезли в гении… Он был уверен, что, узнав его короче, Александр… приблизит его к своей особе и сделает флигель-адъютантом». Куда там! «Александр бывал ужасен в редкие минуты, когда переставал владеть собой». Вряд ли самому Ф. Ф. Вигелю удалось видеть императора в такие минуты, но, видимо, в обществе бытовало такое мнение.

Вот отчет Меттерниха своему королю от 8 августа 1820 года: «Не так давно царь сделал следующее признание: «Начиная с 1814 года я неправильно судил об обществе: сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла; и я постараюсь его исправить». Да, есть много ошибок, которые признают, когда зло уже свершилось. Человек, который позволяет ошибке свершиться, не может быть государственным деятелем; однако если он признает, что заблуждается, то он, по крайней мере, честен. Это относится к императору Александру».

Поверим на слово Меттерниху, он пишет очень уверенно, но Александр всегда был для него загадкой. Да, царь сильно изменился, многие его благие намерения потерпели фиаско, он разучился доверять людям. Энциклопедия сообщает, что, используя сомнения русского императора, Меттерних «смог превратить Священный союз из идеологического пакта в скрытый инструмент абсолютной монархии». Но можно сказать, что до 1820 года Александр, сделавшись резким противником всяческих революций, насилия и войн, оставался еще верным либеральным убеждениям юности. Меттерних никогда не мог ни понять, ни оценить этих мыслей, поэтому на всех конгрессах был противником Александра. Чаще он был уверен, что все сомнения царя есть романтизм и утопия не очень умного человека, а то вдруг начинал подозревать Александра в притворстве: мол, все эти либеральные мечтания есть только дипломатический ход,

прикрывающий истинные честолюбивые замыслы России и ее императора. Но, видимо, в мировоззрении Александра Семеновский бунт окончательно что-то разрушил, это была последняя капля.

Из Троппау конгресс переехал в Лейбах. Вести о положении дел в Европе были самые неутешительные: революция в Неаполе (в марте 1821 года австрияки заняли Неаполь, затушили пламя), дальше восстание в Пьемонте, и опять австрийская армия при деле. И тут в Лейбах пришло неожиданное известие — греки подняли восстание, и во главе его встал генерал-майор русской службы Александр Ипсиланти!

Либеральная Россия сочувствовала революционным настроениям Европы, но это ее как бы близко не касалось. Другое дело — Греция. Греки были единоверцы, и они находились под пятой Турции. Идеей пойти войной на Константинополь и вернуть его христианскому миру был одержим еще самозванец России Лжедмитрий I. Отчаянно воевали с Турцией Петр Великий и Миних. Екатерина II была одержима «греческим проектом». Даже сына нарекла Константином — такое имя очень уместно будущему правителю Константинополя. Для этого нужна самая «малость» — завоевать Стамбул и вернуть ему прежнее имя. Чесменская победа Алексея Орлова не принесла Греции освобождения, но греки все равно смотрели на Россию с надеждой.

Политика Александра в отношении Греции вызывала ему не только нарекания со стороны либеральной русской публики, но и превратилась почти в ненависть, поэтому на этом вопросе стоит остановиться подробнее. У Меттерниха в конце концов сложились отношения с Александром I, но с его статс-секретарем греком Каподистрией австрийский дипломат так и ни смог найти общего языка. Меттерних писал: «Каподистрия не злой человек, но, откровенно говоря, он отъявленный и законченный дурак; это извращенный ум, каких свет не видывал. Он живет в мире, куда отвратительные кошмары могут переносить наши души. И в то же время его тщеславие превосходит всякое воображение. Подумать только, такой человек — а занимает такое положение!»

Каподистрия, близкий по духу Александру человек, был фактическим министром иностранных дел России. Вот отзыв о нем П. А. Вяземского: «Чистая и благодушная личность Каподистрии была несколько лет светлою звездою царствования императора. Но и этому светилу по естественному течению суждено было в данную минуту отклониться от прямого и главного пути, ему предстоящего. Такова была уже участь Александра в приближении к себе сподвижников, вызываемых им

на совершение благих намерений его… Государь и министр хорошо понимали друг друга, они единодушно шли вперед путем, себе предназначенным. Но восстание Ипсиланти, не в добрый час и при неблагоприятных обстоятельствах задуманное и затеянное, бросило камень преткновения на этот мирный и благоуспешный путь».

Свои записки Петр Андреевич Вяземский писал «в преклонных летах», по мнению потомков, он уже стал ретроградом, но здесь есть о чем подумать. Революции и Греческое восстание в 1821 году за национальную независимость — все это прекрасно, но сколько жертв, сколько крови! Слишком большая цена, и мое женское сердце сокрушается от этой непомерной цены, жалко сыновей-то. В русской историографии имена Александра Ипсиланти и Ивана Антоновича Каподистрии всегда стоят рядом. Мне хочется о них рассказать.

Имя Александра Ипсиланти (1783–1828) в 20-х годах XIX века было у всех на устах. Его дед, валашский господарь, был казнен турками; отец, продолживший оппозиционную политику, вынужден был вместе с сыновьями бежать в Россию. Старшему Александру было всего пятнадцать лет, когда его взяла под свое попечительство императрица Мария Федоровна. С детства юный Ипсиланти мечтал об освобождении Греции. С ним и с Каподистрией была очень дружна Р. С. Эдлинг, она и рекомендовала его Александру для работы на Венском конгрессе.

Ипсиланти служил в русской армии, был адъютантом Александра I, воевал, получил чин генерал-майора, в битве под Дрезденом потерял правую руку. В 1816 году Константин Ипсиланти умер в Киеве, и теперь сын считал себя ответственным за греческие дела. Еще в 1814 году в Одессе греки организовали революционный тайный союз — «Дружественное общество», по-гречески «Филики этерия».

Каподистрия относился к этому обществу с недоверием, он надеялся на помощь Александра I. Все должно было произойти естественным путем, без насилия и крови. Но после 1820 года царь совершенно охладел к греческому вопросу. Вот тогда Каподистрия посоветовал Ипсиланти принять на себя руководство обществом гетеристов, так их называли в России. Ипсиланти в это время находился в присоединенной к России Бессарабии.

К 1821 году все были готовы к восстанию. Внезапную смерть господаря Валахии Суцо гетеристы восприняли как призыв к действию. Ипсиланти со своим многочисленным отрядом перешел Прут. За этим последовала встреча с турками и резня с той и другой стороны. Ипсиланти был уверен, что румынский народ его поддержит в праведной борьбе, этого не случилось. Он

повел себя с точки зрения населения неправильно: занял роскошный дворец в Яссах, создал там свой двор, а деньги на продолжение войны с турками добывал нечестным путем. Например, он приказал арестовать местного банкира, обещая выпустить его на свободу за большой выкуп. И подобный случай не был единичным. Большим ударом для Ипсиланти был официальный отказ Александра поддерживать борцов за свободу, царь даже предложил султану помощь в подавлении мятежа.

В сражениях с турецкой артиллерией Ипсиланти был разбит, после чего он бросил свою армию и бежал в Австрию, где был арестован. Но гетеристы продолжали свою борьбу. Вспыхнуло восстание в Морее, которое окончилось страшной резней. Турки убивали всех подряд — женщин, детей… Без суда в Константинополе был повешен патриарх Григорий. Александр мучительно переживал эту ужасную смерть, но Меттерних писал ему: «Судьба цивилизации находится ныне в мыслях и руках вашего императорского величества». Он уверял также, что Греция «будет брешью», через которую революция затопит всю Европу. Надо было решиться и «закрыть эту брешь». Если он, Александр, выступал за подавление всех революций, то почему он должен сделать уступку для Греции?

Каподистрия Иван Антонович, уроженец Корфу (1776–1831) был статс-секретарем Ионической островной республики. В 1807 году в Тильзите «росчерком пера» республика была уничтожена, и Каподистрия перешел на службу России, где и сделал блестящую карьеру. Он занимал должность министра Коллегии иностранных дел, тесно работал с Александром и на Венском конгрессе, и в Священном союзе, поддерживая его во всех начинаниях, но, когда дело коснулось его родины, он попросился в отставку. Состоялся разговор с царем, расстались мирно. Александр понял положение своего министра и предложил Каподистрии «уехать на воды для поправления здоровья» с сохранением его должности.

Последний конгресс Священного союза, на котором присутствовал Александр I, был в Вероне (осень 1822 года). Вопросы обсуждались разные: борьба с работорговлей, свобода судоходства по Рейну, подавление революции в Испании, признание независимости Латиноамериканских стран и т. д. Император пребывал в состоянии депрессии, молчаливый, сосредоточенный. Пришло письмо от Лагарпа, ранее он всегда был согласен со своим учителем. На этот раз Лагарп писал, что считает дело греков правым, что веронская политика только напрасная попытка задержать ход истории и что, в конце концов, грекам поможет Англия и Дарданельский пролив окажется у них в руках, что совсем не выгодно России. На письмо Александр не

ответил. Он уехал в Россию и 20 января 1823 года прибыл в Царское Село.

В греческие дела, как и предсказывал Лагарп, ввязалась Англия, уже при Николае I Россия воевала с Турцией. Греки наконец обрели свободу, и в апреле 1827 года народным собранием Каподистрия был избран президентом Греции. Прах Ипсиланти позже перенесли в Грецию и похоронили как народного героя.

Большинство историков отрицательно оценивают международную политику Александра в последние годы правления, но были у него и защитники. Не надо забывать, что революционный дух Франции летал по Европе. Потом пошел бродить призрак коммунизма, потом был 1917 год, и мы всех победили. Ну и что? Конечно, борьба за свободу, независимость и справедливость — отличная вещь. Революционный дух не истребим, но и его последствия, к сожалению, тоже. Террористы и XIX, и XXI веков тоже, между прочим, борются «за свободу и справедливость».

Декабристы

В молодости, да и не только в молодости, я была помешана на декабристах. Хотела о них писать, но потом познакомилась с Эйдельманом, и вопрос сам собой отпал. Куда уж мне… Лунин стал моим кумиром. Потом фильм Мотыля и юный Косталевский в роли Анненкова. Не поверите, ездила в Нижний Новгород и ходила с подругой на его могилу, положить цветы. И к Пущину в Бронницы ездила. Там рядом и декабрист Фонвизин похоронен. Прошло время, и я прочитала у очень уважаемого мной человека, кажется у Беленкова, что восстание декабристов отбросило Россию назад на сто лет. Восстание было несвоевременным, плохо организованным и т. д… Не будь Николай I так удивлен и напуган их выступлением, царствование его было бы значительно мягче. Теперь даже пишут, например художник Глазунов: «Предатели России декабристы…» Ну уж так-то зачем? Я не откажусь от идеалов молодости, но здесь есть о чем поговорить.

Вот, например, как смотрит на декабристов Ключевский. Молодые люди, гвардейцы — большей частью из лучших дворянских семей — были детьми вельмож-вольнодумцев эпохи Екатерины II. Отцы читали Вольтера, но воспитание в детстве получили поверхностное, случайное. Гувернеры их, французы и парикмахеры, обучили разве что французскому языку, далее каждый по своему усмотрению занимался самообразованием.

Детей этих вольнодумцев уже учили французские эмигранты и иезуиты. Тогда, кстати, было повальное увлечение католицизмом, и многие дамы света, и не только дамы, приняли католичество. Иезуиты были великолепными педагогами. Далее — парадокс. Образованные русские дети не только не стали католиками, но обратились в ярых патриотов России. Этому способствовала страшная, но успешная война, кроме того, они насмотрелись европейских порядков и увидели Россию совсем другими глазами. То, что для их родителей было естественным, для них стало непереносимым. Выступление их было спровоцировано бестолковым междуцарствием, а по сути дела, это была попытка типичного гвардейского переворота, характерного для всего XVIII века. От предыдущих переворотов их выступление отличается только тем, что оно было неуспешным и последним. Это все по Ключевскому. Еще он пишет: «Событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело; приписывались ему последствия, которые не из него вытекали».

Мое поколение в этом вопросе обучалось по Эйдельману. Советская власть канонизировала декабристов. Они боролись за

справедливость для своего народа, проиграли и были жесточайшим образом наказаны. Последнее главным образом и формировало отношение к декабристам. Душа болела не тогда, когда я узнавала про их программу (сколько их было — борцов за правду!), а когда читала про расплату: казематы Петропавловки, допросы, предательства, Нерчинские рудники, жены-декабристки… Все это очень впечатляет! Они действительно были очень достойными и порядочными людьми. И в ссылке, и после возвращения из нее (их мало осталось) они вели достойную жизнь. Недаром ими восхищался Л. Н. Толстой.

Далее вопрос — в чем вина Александра? В том, что он не оправдал их надежд? Они были, по сути дела, его выучениками. Но уже опыт с Польшей показывает всю несостоятельность их надежд. А вопрос с освобождением крестьян лежит и вовсе не в политической, а в экономической плоскости, его очень долго не могли разрешить.

Отечественная война дорого досталась России. Конец 1812 года и начало 13-го народ убирал, хоронил и сжигал трупы. Вода была заражена, отсюда болезни и эпидемии. Казна была пуста. Войну в Европе Александру субсидировала в основном Англия. Но подъем национального чувства — великая вещь! Разоренные города и деревни на удивление быстро отстраивались.

От Александра ждали перемен, а что получили на деле? 1 января 1816 года был оглашен написанный Шишковым манифест, направленный против «безбожников-французов» и прочих революционеров. Про государя говорили, что он подвержен мистицизму, ему не до преобразований. Масонство процветало. Говорили, что государя куда больше интересуют дела польские, а до отечества ему и дела нет. О работе над конституцией для России стало известно много позднее и то случайно. Бумаги с конституционным планом Новосильцева были обнаружены поляками в 1831 году, когда во время польского восстания ими был взят Бельведерский дворец, в котором жил великий князь. Константин Павлович со своей супругой убежал столь стремительно, что забыл в спешке секретный архив. Позднее бумаги Новосильцева были опубликованы.

Сохранилась запись генерала Киселева, человека достойного и честного, ему Александр поручил подыскать дельных людей для административной работы, но вместо этого получил отчет Киселев о страшных злоупотреблениях и воровстве на юге России. Александр сказал тогда генералу: «Я знаю, что большая часть людей в управлении должна быть переменена, и ты справедлив, что зло происходит как от высших, так и от дурного выбора низших чиновников. Но где их взять? Я и пятидесяти двух

губернаторов выбрать не могу, а надо тысячи…» И еще он сказал: «Армия, гражданская часть, все не так, как я желаю, но как быть? Вдруг всего не сделаешь, помощников нет…»

Разбор хозяйственной деятельности в России не входит в задачу этой книги, но все в стране как-то делалось помаленьку. Председателем департамента государственной экономии был с 1816 года адмирал Н. С. Мордвинов. Он активно работал для упорядочения бюджета страны: сделана была роспись государственных доходов и расходов, навели порядок в бессистемном и неумеренном выпуске ассигнаций (в 1817 году их было сожжено на 38 миллионов рублей), были произведены положительные изменения в фабричной промышленности, в таможенном тарифе. И при всем этом Мордвинов писал: «Томление России уже велико, и все состояния страдают… Чем речь каждого растворяется и умы, и сердца горестно наполняет? Жалобою на дороговизну, на ущерб капиталов, на умаление имущества для удовлетворения необходимо нужным издержкам. Богатый жалуется, что сделался бедным, избыточный — недостаточным, довольный — нуждающимся, и голос многочисленного народа громок и убедителен. Такое томительное состояние убеждает торжественно и безотложно к принятию мер, не временных и подверженных изменениям, но постоянных и действенных…»

Тайные общества

Томилась и гвардия, и не собственные нужды их волновали, но язвы отечества. Когда некий период жизни целой страны, или отдельного человека, или тайного общества начинают описывать спустя время, ссылаясь на летописи, документы, письма и мемуарам, все приобретает какую-то необычайную значительность и организованность, обычной жизни не свойственные. Но в обычной жизни все гораздо сложнее и в то же время естественнее. Вот, скажем, князь Юрий Долгорукий, основатель Москвы. Историк Костомаров даже не удостоил Долгорукого отдельной главы в своем труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» — не уважал он этого князя. Великая дата — 1147-й, год основания столицы. А что на самом деле? В деревне, совсем недавно называемой Кучково, обедали два представителя враждующих фамилий — Мономаховичей и Ольговичей. Юрий Долгорукий был хозяином, Святослав Олегович гостем. Оба имели весьма сомнительную репутацию. За столом разговор шел о власти, о борьбе за киевский стол. Попировали и разъехались, потом предали друг друга — не важно, но в летописи осталось упоминание об этом обеде. Долгорукий уже успел убить боярина Кучку, завладеть его имуществом и переименовать его деревушку в Москву, по имени ближайшей реки. Сейчас князь Юрий Длинные Руки у нас благородный рыцарь на бронзовом коне. Не устаю повторять, что история — это авторская точка зрения на события. Вы и мне не обязаны верить. Читайте сами исторические труды, разбирайтесь.

После войны 1812 года в России стали расти как грибы самые различные общества — здесь и офицерская «артель» (клуб Семеновского полка), и новые масонские ложи, и литературные кружки («Арзамас», «Зеленая лампа»). Появились и объединения, где говорили о политике, здесь преуспели М. Ф. Орлов, молодой Мамонов (сын фаворита Екатерины) и А. Н. Муравьев. Из этих объединений со временем и выросло Южное и Северное общества. На юге юнкер Борисов организовал Общество друзей природы, которое со временем превратилось в филиал декабризма — Общество соединенных славян.

1816 год. Поручик Якушкин зашел к своим товарищам по Семеновскому полку братьям Муравьевым-Апостолам: Сергею Ивановичу и Матвею Ивановичу. Потом подошли еще двое Муравьевых — Александр Николаевич и Никита Михайлович. В полку братьев звали «муравейником». Поговорили о том о сем, а потом договорились создать тайное общество, которое

способствовало бы улучшения государственного и общественного строя. А почему, собственно, тайное? Все они были очень молоды, только за двадцать лет перевалило. Тайна было в моде. Масоны задавали тон.

Тайное общество было очень умеренным по своим убеждениям. Потом появился Павел Пестель, адъютант князя Витгенштейна. Это был образованный, умный, талантливый, решительный и необычайно честолюбивый человек. Ему было двадцать четыре года. Общество стало называться Союзом спасения или верных и истинных сынов отечества — романтики! Пестель придал программе общества определенность и революционную устремленность. На стене Якобинского клуба в Париже был написан следующий текст: «Что сделал ты для того, чтобы быть расстрелянным в случае прихода неприятеля?» Поскольку императора и семью его Пестель воспринимал как своих «неприятелей», то смело можно сказать — для своей смерти он сделал все, по максимуму. Здесь уместно вспомнить слова Карамзина: «Честному человеку не должно подвергать себя виселице». Карамзин очень не одобрял декабристов.

Удивителен был устав Общества спасения. Во главе его стояли бояре — мозг предприятия, основные члены общества не знали их имен, далее шли мужи, тоже начальство, но попроще. Бояре и мужи знали устав общества, остальным членам — братьям — устав был неведом, но они должны были беспрекословно подчиняться своим тайным начальникам (масонские замашки). Был еще четвертый разряд — друзья. Это были люди, которые сочувствовали задачам общества, но они даже не подозревали, что занесены в списки как исходный материал будущих членов. Придет время, и все вместе будем действовать!

Пестель организовал революционное по сути общество и уехал вместе с князем Витгенштейном, начальника перевели на Юг. Там, в Тульчине, со временем и было организовано Южное общество. В Петербурге после отъезда Пестеля начались разногласия, особенно они усилились, когда в союз был принят Михаил Николаевич Муравьев. Он отказался принимать устав, который по его словам, более подходил «разбойникам муромских лесов», чем образованному человеку. Речь шла о том, что делать с царской семьей. М. Н. Муравьев вообще хотел убрать из устава общества политические задачи. Не получилось. Более того, опять встал вопрос о цареубийстве. В 1817 году гвардия собралась в Москве по случаю закладки храма Христа Спасителя в память героев Отечественной войны. И тут по городу прошел слух, подтвержденный письмом С. Н. Трубецкого, что царь Александр

собирается уехать в Варшаву, присоединит к Польше Литву и будет оттуда руководить страной, более того, прямо из Варшавы он даст указ об освобождении крестьян. Это что же тогда с Россией произойдет? Сам Александр I здесь был, как говорится, ни сном ни духом. Но Якушкин поверил и тут же предложил себя в жертву. Он возьмет два пистолета, из одного убьет царя, из другого застрелится сам. Его с трудом отговорили от этой затеи. Наконец на базе старого объединения было создано новое — Союз благоденствия. Это произошло в 1818 году. Союз был вполне благонадежен. Устав общества назывался «Зеленая книга», задача общества: улучшение жизни крепостных крестьян, улучшение правосудия, просвещение. Всем известна фраза крестьян Якушкина, которых он намеревался освободить, разумеется, без земли: «Нет батюшка, пусть все будет по-старому, мы — твои, а земля — наша». Иван Пущин бросил военную карьеру и пошел в надворные судьи. Шутка того времени. Вопрос: «Почему на балах не видно офицеров Семеновского полка?» Ответ: «Они учат грамоте солдат». Н. И. Тургенев написал известный труд «Опыт теории налогов», и не раз обращался к царю с просьбой-напоминанием об отмене крепостного права.

1820 год, «бунт» солдат в Семеновском полку. Из Троппау пришел приказ Александра — полк уничтожить, расформировать, нижние чины разослать по линейным полкам, офицеров перевести в армию, Шварца отставить от службы. Новый Семеновский полк, офицеров и солдат, велено было набрать из гренадерского корпуса. «Зараза декабризма» расползлась по стране, а Союз благоденствия с общего согласия членов его был распущен.

В мае 1821 года Александр I вернулся из-за границы, приехал в Царское Село, и сразу же перед ним предстал генерал-адъютант Васильчиков с докладом. Доклад был подготовлен Бенкендорфом и сообщал, что в стране созрел политический заговор. Донос сделал Михаил Грибовский, он же составил и список заговорщиков. Грибовский, харьковский профессор, был членом управы Союза благоденствия. По его утверждению, донос он сделал «бескорыстно». Союз Благоденствия уже не существует, но члены его заслуживают наказания. Александр внимательно выслушал доклад, задумался, а потом сказал: «Дорогой Васильчиков, вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, вы знаете, что я поощрял и разделял эти иллюзии. И не мне их карать». После этого заявления ни один из участников заговора не только не был предан суду, но даже не подвергался административным преследованиям.

Может, назначение Шварца и последующие за этим события и

были некоей точкой бифуркации, которая направила историю России на Сенатскую площадь. Заговорщики не прекратили свою работу. Южное общество, которое возглавляли Пестель и Юшневский, расширилось и окрепло. Задача общества была теперь определена точно: учреждение республики с физическим уничтожением всей царской фамилии — французы тропку протоптали, раньше такое в России просто не могло прийти в голову.

Пестель много способствовал тому, чтобы Петербургское общество возобновило работу. В 1822 году было организовано Северное общество, и Никита Муравьев принялся за проект конституции. По идее Пестеля монархия и свобода несовместимы, а потому необходим военный переворот. Далее следует уничтожение царской семьи и образование военной диктатуры. Временное правительство, активно работая, за десять лет переведет страну на республиканские рельсы. Действовать надо жестко, безжалостно расправляться с контрреволюцией, земля станет государственной собственностью, а дальше — процветающая Россия под эгидой православия. Конституция Н. Муравьева сохраняла монархию, но сильно ограничивала власть императора. Главная власть в стране принадлежала вече. Заговорщики ничего не хотели для себя лично, они только свергнут самодержавие и тут же передадут власть в надежные руки. Вече — главная власть в стране, но они понимали, что все эти идеи нельзя провести в России сразу, вдруг, страну надо готовить, а сколько на это уйдет времени, десять или тридцать лет, пока неизвестно. Но они были уже на пути к 14 декабря.

Александр знал о существовании и Северного и Южного обществ, знал об их целях, знал их имена. Постарались доносчики: Шервуд, Бошняк, позднее Майборода, писали, что все они плохо кончили. Бошняк был образованным человеком, с Карамзиным знаком, а потом активно помогал следствию.

Царь не стал преследовать заговорщиков. Оставил все как есть и уехал в Таганрог. Почему? «Не мне их судить» — трагическая фраза, потому что Александр и декабристы, по сути дела, хотели одного и того же — дать стране конституцию и освободить крестьян. Но Александр к концу жизни понял, что при современном ему состоянии общества это невозможно. (Попробуй насадить в стране «капитализм с человеческим лицом», когда шестьдесят процентов, а может, и того больше, населения обожает Сталина.) Но декабристы — молодые и горячие — осуществили свой бунт и окончательно завалили дело, уж кого они там «будили» и зачем — дело десятое. С. В. Мироненко (директор Государственного архива Российской Федерации —

какая благость — все документы под рукой!) пишет: «В стране возникла… парадоксальная, но если вдуматься, то вполне законная для деспотических государств ситуация: сторонники перемен таились друг от друга. Правительство, намекая на возможность коренных реформ, держало в величайшей тайне все свои практические шаги в этом направлении. Передовое дворянство, видя в реальной жизни лишь продолжение прежней политики, вынуждено было создавать тайные общества».

Собственно, для меня здесь главный вопрос: на кого падает ответственность за казнь пятерых, за каторгу и ссылку сто двадцать одного декабриста, за погибших во время восстания людей, за пропущенных сквозь строй солдат, их сотни — на Александра Павловича или Николая Павловича Романовых?

В 1856 году (на троне Александр II) декабристам была объявлена амнистия. Оставшиеся в живых вернулись из Сибири. Александр II заказал барону Корфу («однокласснику» Пушкина, Кюхельбекера и Пущина) написать книгу о восстании 14 декабря. Общество всколыхнулось. Тридцать лет о них не только не писали ни строчки, в частных разговорах декабристов запрещено было поминать. Барон Корф аккуратно написал свой труд «Николай I и 14 декабря», думаю, что, излагая материал, он был перед собой вполне честен.

«Благодушная мысль монарха склонилась к тем несчастным, которые, быв увлечены, одни обольщением самонадеянности, другие неопытностью молодости, тридцатилетними страданиями искупили свою вину». Цензуру смутило слово «страдание». Автор исправил: «…тридцатилетним заточением и раскаянием».

В обществе выход книги Корфа был принят как некий положительный знак, как «оттепель», но неожиданно разгорелся спор о личности Александра I. Корф в своей книге процитировал письмо юного Александра (еще при Екатерине II было дело) своему приятелю Кочубею. Я уже приводила отрывок из этого письма в начале книги. Вот его полный текст: «Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен выйти на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, Зубов, Пассек, Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низкими, пресмыкаются перед теми, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана,

который ношу теперь, и еще меньше для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом. (…). В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления? Это выше сил не только человека одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно…»

Письмо было замечено читателями, и разгорелся спор. Кто он, Александр I, как не трус, «который оставил Россию в жертву междоусобий». Ведь он признался, что, будь «он даже гений», исполнять обязанность императора ему не под силу. А что изменилось? Цензура негодовала. Ведь кое-кто может сказать: мол, может быть, «правительственные люди не те, что были, но они по-прежнему почти нули, такие же гнусные, как их предшественники». А раз император позволил опубликовать письмо Александра I, значит, он разделяет точку зрения своего покойного дяди. И что скажут те, которые и сейчас жаждут революции? А не упадет ли это тенью на правление ныне здравствующего государя?

Неожиданный ответ пришел из Лондона. Герцен и Огарев уже выпускают «Полярную звезду» и очень внимательны к судьбе декабристов. В своем «Разборе», отклике на дискуссии вокруг книги Корфа, Огарев написал: «Счастливо для памяти Александра I, что его письмо к Кочубею целиком помещено в книге Корфа. Как же господин статс-секретарь не понял из этого письма, что желание отречься от престола не было у Александра ни минутным раздражением, ни глупой романтической настроенностью?.. Не минутное раздражение, не романтическая настроенность влекли его удалиться, а живое отвращение благородного человека от среды грубой и бесчестной, в которую он, вступая на престол, должен был войти роковым образом…»

Для меня это исчерпывающий ответ. Но… во-первых, на совести Александра I жесткая расправа с Семеновским полком. Офицеров не арестовывали, но с солдатами поступили очень жестоко, а во-вторых, есть документы, о которых не знали в Лондоне ни Герцен, ни Огарев. За десять дней до смерти Александр все-таки отдал тайный приказ об аресте в Харькове Вадковского со товарищами. Думаю, этот приказ тяжело ему дался, здесь драма налицо. Александра есть в чем упрекнуть, но

есть за что пожалеть.

Дела государственные и церковные

«Как подумаю, как мало еще сделано внутри государства, — говорил Александр в 20-х годах, — так эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря. От этого устаю». Он еще пытался что-то сделать для разумного управления Россией. Была идея — разделить всю страну на округа, в которые входили бы несколько губерний. Далее снять неспособных и малограмотных губернаторов числом в пятьдесят человек, а во главе восьмидесяти (сколько получится) округов поставить талантливых и энергичных администраторов. Для пробы он поручил генерал-адъютанту А. Д. Балашеву возглавить пять губерний (Рязанская, Тульская, Воронежская, Орловская и Тамбовская) и представить о том отчет. Отчет этот был не только не утешителен, он был страшен: «Отеческое сердце Ваше, Государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний… Не только воровство в городах, но только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи на дорогах, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли домы… В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение к первым поколеблено и ослушаний тьма (вспомним «Дубровского»). Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в неуважении подозреваются и в мздоимстве… Лучшие дворяне от выборов уклоняются… Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы короны основаны на винной продаже… и т. д». При такой ситуации — давай конституцию, не давай конституции — все одно. А заговорщики из Союза благоденствия думают, что все можно решить росчерком пера. Будто он сам, Александр, меньше их мечтает об отмене рабства! Огромная, неповоротливая Россия, дворяне корнями вросли в землю, они не отдадут крепостным ни пяди. А куда девать крестьян без земли — плодить новых Пугачевых?

В университетах творится непонятно что. Магницкий и Рунич с такой легкостью извратили главную идею, что диву даешься. И ведь все врут: мол, дела идут прекрасно, только неугомонный Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот, профессор из Дерпского университета, откровенно и безбоязненно пишет Александру обо всех безобразиях в науке. И как им всем помочь?

Очень сильное впечатление на Александра произвела встреча с монахом Фотием, которая состоялась в Каменноостровском

дворце 5 июня 1822 года. Фотий был моложе Александра, а держался с ним как равный, говорил уверенно, витиевато, сложно, непонятно и от этого как-то особенно убедительно.

Александр жил в убеждении, что каждый имеет право верить во Всевышнего так, как он хочет. Главное — верить, именно об этой «внутренней церкви» все время говорил друг молодости князь Голицын. Бог мой, сколько он, Александр, молился, на коленях от долгого стояния образовались мозоли, а тут приходит маленький монашек и строго говорит, что все не так, что «внутренняя церковь» не более чем соблазн и легковерие, а главное — Православная церковь, и ничего другого!

«Я сижу в глубине безмолвия и уединения и молю Господа, да изведет в свое время на дело свое человека Божия подкопать, взорвать дно глубин сатанинских, содеянных в тайных вертепах — тайных обществ, вольтерьянцев, франкмасонов, мартинистов…» — так вещал Фотий. В этих словах Александру слышалось избавление от многих бед. 1 августа 1822 года вышел государев рескрипт: «Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то масонских лож или других, закрыть и учреждения их впредь не дозволять, а всех членов сих обязать подписками, что они впредь ни под каким видом ни масонских, ни каких других тайных обществ ни внутри империи, ни вне ее составлять не будут».

Фотий был аскетом, врагом мистицизма, носил вериги. В делах своих он активно общался с богатыми благочестивыми женщинами, которые видели в нем пророка. Одной из таких дам была А. А. Орлова, дочь Алексея Орлова-Чесменского и одна из самых богатых женщин России. Фотий был назначен настоятелем Юрьева монастыря под Великим Новгородом, что не помешало ему организовать «заговор» против князя Голицына. Вторая встреча Фотия с императором произошла тайно 20 апреля 1824 году, беседовали долго. Фотий говорил о православии: если царь не православный, значит, стране нет спасения. Он также обвинил Библейское общество в распространении опасной заразы — сектанства и мистицизма. Александр поверил каждому слову благочестивого монаха, встал перед ним на колени для благословения. 15 мая 1824 года князь Голицын получил отставку с поста министра духовных дел и народного просвещения. За князем Голицыным осталось Министерство почт. Это событие не изменило отношения князя и императора, они по-прежнему остались друзьями.

А Фотий приобрел большую власть над умами соотечественников. Народ и общество видели в нем некоего избранника Провидения. Он много писал, много говорил, у него

были видения и откровения. Он лез к государю с советами, которые не исполнялись, но настроение Александра, и без того невеселое, портили окончательно. Либеральная общественность Фотия не любила. Пушкин о нем написал:

Полуфанатик, полуплут,
Ему орудием духовным, проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, Господи, греховным,
Поменьше пастырей таких,
Полублагих, полусвятых.

Дела семейные и личные

В январе 1824 года Александр опасно заболел — простудился на прогулке. Вначале поднялась высокая температура с бредом, а потом вдруг появилось рожистое воспаление на ноге. Воспаление появилось на том самом месте, куда пришелся удар копыта лошади на маневрах осенью в Брест-Литовском. Тогда по приказанию императора к нему подъехал один польский полковник. После получения приказа полковник отъехал так неловко, что его лошадь лягнула и ударила «в правое берцо» Александра.

Болезнь застала царя в Царском Селе. Больного тут же погрузили в сани и отвезли в Петербург. Собрали консилиум, доктора, конечно, перестраховались, боялись гангрены и решили ампутировать ногу. Но обошлось. На ногу «поставили дренаж», и Александр стал выздоравливать.

В июне 1824 года в Петербург приехала С. Шуазель-Гуфье с маленьким сыном. Александра не было в Петербурге, он уже оправился от болезни и уехал в военные поселения. С императором у нее сложились дружественные отношения, которые длились двенадцать лет. Ранее она никогда не была в Петербурге. А здесь белые ночи, величественные дворцы, Нева… Город ее восхитил, императрица-мать потрясла сановитостью и величием, императрица Елизавета Алексеевна вызвала тихий восторг, а самого Александра она обожала с самой первой встречи. Но это все потом, а пока, в первый день приезда, госпожа Шуазель узнала, что государь обычно живет отшельником в Царском Селе, никого, кроме своих министров, не принимает, да и тем не всегда удается добиться аудиенции. Писать ему бесполезно, вряд ли ему передадут письмо.

«Помимо весьма естественного желания повергнуть мои верноподданические чувства перед обожаемым государем, у меня было несколько просьб и, между прочим, о том, чтобы совершился, наконец, обряд крещения моего ребенка» — так она пишет. Мальчик родился в Париже и стал французским подданным, а матери хотелось, чтобы он был подданным России. Царь согласился быть крестным отцом ребенка.

Наконец Александр вернулся из дальней поездки. Умные люди научили — надо идти в Царскосельский парк и там ловить императора. Так она и сделала, встреча состоялась.

Из записок Шуазель-Гуфье мы узнаем, что Александр жил в это время по следующему распорядку. Двора и обергофмаршала в Царском не было, Александр сам проверял хозяйственные счета и

прочие расходы. Вставал он очень рано, в пять утра, писал или читал, потом шел гулять в парк или на ферму, по возвращении во дворец принимал министров (в определенные дни) и выслушивал доклады. Гулял он всегда в одиночестве, без какой бы то ни было охраны. Парк был открыт для посещения днем и ночь, а караул стоял только у царского дворца. Обедал и ужинал он обычно один и очень рано ложился спать. Государыня Елизавета Алексеевна тоже жила в Царском Селе в своих покоях, она также жила отшельницей, при ней находилась только одна фрейлина. Императрица много читала, а в парке гуляла всегда верхом, с фрейлиной во второй половине дня. Пешком в утренние часы Елизавета Алексеевна никогда не гуляла из опасения «стеснить» своего царственного мужа. Августейшая мать жила в Павловске, виделись они редко. Вот такие были отношения.

Для госпожи С. Шуазель-Гуфье императрица сделала исключение и приняла ее. Елизавете Алексеевне было сорок пять лет, былая красота ее померкла, присутствовали «трогательная томность», «захватывающий душу мягкий звук голоса», ну и, разумеется, «что-то ангельское было во всей ее личности». Императрицу нужно пожалеть, у нее была «грудная болезнь», то есть чахотка, которая и привела ее к ранней смерти. Поговорили о творчестве самой гостьи, чем та была весьма тронута, о Вальтере Скотте, чьи романы императрица с удовольствием читала, о путешествиях по Европе. Все пристойно, традиционно, вежливо. «Невозможно было хоть однажды видеть императрицу Елизавету и не почувствовать почтительного влечения, и я, со слезами на глазах, сказала это ее фрейлине, прибавив: «Она так заслужила быть счастливой!»»

Я уже писала, что Александр во всем любил порядок. Парк был в идеальном состоянии. Огромное количество народу, невидимого для глаз, там подметало, подрезало, убирало. Любимым развлечением Александра в этой «сельской идиллии» было посещение фермы. Ферма была чистенькая, уютная, игрушечная, с «хорошенькой французской голубятней» и стадами коров лучших европейских пород. В парке также паслось стадо овец-мериносов. Император любил наблюдать за полевыми работами. Внутреннее убранство фермы было выдержано в голландском стиле, здесь на чистенькой кухне император вел расчетную книгу, «в которой государь, ради развлечения, сам записывал доходы от своих баранов; и он был очень доволен, что сукно его мундира было выработано из их шерсти». Тяжела участь царей. Будь Петр III хозяином театра марионеток, и прожил бы долгую счастливую жизнь, и никто бы его не убил.

Оставим описание сельскохозяйственных увлечений

Александра на совести госпожи Шуазель-Гуфье, но одно точно: он устал, устал смертельно и совершенно разуверился в людях. Недаром он сказал как-то Шатобриану: «Я ненавижу людей, они все мерзавцы».

О чем думал Александр, бродя в одиночестве по аллеям Царскосельского парка? Он беспросветно одинок. Любимая сестра, друг и советчица Екатерина Павловна, умерла в 1818 году. Тридцать лет жизни, а теперь лежит где-то близ Штутгарта. Смерть ее была внезапной. Диагноз того времени — «рожистое воспаление лица». И совсем недавно скончался второй близкий и любимый человек — семнадцатилетняя дочь София. Беспутная мать ее Мария Антоновна Нарышкина живет в Париже, пусть ее, но дочь невинна. Софью он любил, хотя она и носила фамилию матери. С. Шуазель-Гуфье: «Эту привлекательную молодую особу семнадцати лет привезли в чахотке из Парижа в Петербург, — наперекор мнению докторов и по совету нескольких шарлатанов-магнетизеров, предсказавших ей долгую жизнь, здоровье и замужество. Уже умирающая, она была обручена с графом С***, который магнетизировал ее согласно указаниям парижских ясновидящих. Когда прибыло заказанное в Париже великолепное приданое (стоившее 400 000 франков), юной невесты уже не было в живых». С*** — это граф Шувалов Андрей Петрович. Император узнал о смерти дочери во время парада. Очевидцы рассказывали, что он сильно побледнел, но провел парад до конца. Он часто один ходил на могилу дочери.

А может, во время прогулок по парку он задавал себе мучительный вопрос — отчего его не любят на родине? Более того, он знал, что его хотели убить. Право слово, в Европе к нему лучше относятся, чем в России. Но и здесь не все гладко. Он дал Польше все, что мог, но им мало, как всегда мало, им надо и Литву, и Белую Русь, и Малую Русь.

Если бы Александр мог прочитать драму своего недруга Пушкина «Борис Годунов»! Монолог Бориса был бы ему очень созвучен. Я сделал им то-то, то-то и еще много чего, «они же меня, беснуясь, проклинали». Народу, этой непонятной массе людей, пока ты жив, ничем не угодишь.

Обещанные крестины сына С. Шуазель-Гуфье состоялись в августе, как и было обещано. Александр приехал в церковь без опоздания. «Не беспокойтесь, в этом деле я не новичок», — сказал он матери. Крестил мальчика аббат Локман — настоятель церкви Мальтийского ордена.

Императору предстояла поездка в Сибирь, вернее на Уральские горы. Еще одна «необъяснимая тайна» для современников — Александр очень много ездил. В Европе его

поездки внимательно не отслеживались, но дома! В открытой коляске, по бездорожью, в любую погоду он исколесил всю Россию и нигде подолгу не задерживался, словно какая-то неведомая сила гнала его вперед. Госпоже С. Шуазель он объяснил цель поездки так: на Урале открыты богатые золотые прииски, он никогда не был там, а посему хочет «посетить все местности своего государства, дабы лично составить себе понятие о благосостоянии своих подданных, о средствах поощрения национальной промышленности, содействия торговле посредством проведения новых дорог, каналов и т. д. Все стремления этого великого государя, все его труды, ночные бдения клонились к одной лишь цели — к счастью пятидесяти миллионов человек». Современникам это объяснение казалось неубедительным, у меня тоже вызывает сомнения эта напыщенная фраза.

Конечно, он хотел лучше узнать страну, но любовь к путешествиям — это особая черта характера. Мне кажется, в дороге Александр отдыхал. Дорога — это безвременье. Жизнь осталась в точке А, приедешь в Б, она опять начнется — прежняя, и все заботы, беды опять твои, а в дороге ты принадлежишь себе — и только. Ведь и телефонов не было. Господи, какая хорошая была жизнь! Телефон — это удобно, но очень нагрузочно. И оскорбительна сама мысль, что тебя в любой момент могут найти и загрузить новой порцией забот. Каждое новое изобретение дает человеку что-то хорошее, но при этом отторгает, уничтожает что-то не менее для него важное.

Александр вернулся в Петербург в первых числах ноября 1824 года, а 7-го случилось наводнение, подобного которому столица не знала. Самое яркое описание его дал Пушкин в «Медном всаднике». Разрушения были страшные. Вода поднялась на шесть метров, волны, вой ветра, тучи, дождь! Александр оставался в Зимнем на верхнем этаже. Наготове стояла яхта, но он отказывался оставить дворец. Гибли люди, скот. Размыло кладбище, и напротив дворца остановился надгробный крест, что сочли плохим предзнаменованием. «Одного часового отнесло течением с его будкой до Зимнего дворца; увидев своего государя у окна, бедный солдат, который даже перед лицом смерти не мог забыть военную дисциплину, взял на кураул… его удалось спасти».

В «Мемуарах» граф Е. Ф. Комаровский рассказывает, как был призван к государю 8 ноября 1824 года вместе с генерал-адъютантами Дибичем, Бенкендорфом и Депрерадовичем. Александр сказал: «Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим

от ужасного вчерашнего происшествия. — И у него были приметны слезы на глазах. — Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания. — И продолжал говорить с таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезвычайно тронуты. — Я назначаю вас, — присовокупил император, — временными военными губернаторами заречных частей города, что вы увидите из сегодняшнего приказа. Вот вам инструкция, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнят. Поезжайте отсюда к министру финансов, который имеет повеление выдать каждому из вас по 100 тысяч рублей на первый случай.

Мы вышли из кабинета, восхищенные тем, что слышали, и сказали:

— Жаль, если разговор сей не сохраниться для потомства, ибо оный изобразил бы императора Александра таковым, каковым он точно был, и послужил бы лучшим панегириком его небесной души».

Граф Комаровский вовсе не был излишне сентиментален, а тут умилился. Пишут, что Александр тоже часто плакал: рыдал после смерти отца, утирал слезы при виде огромного количества убитых на поле боя и при виде утопленников и разрухи после наводнения (он сам объехал весь город), плакал, не стесняясь своих генерал-адъютантов. В XIX веке много умилялись и плакали. От горя и скорби, и от счастья и умиления — потоки слез. Думаю, что люди были в те времена куда сдержаннее, чем пишут в романах и мемуарах, а потоки слез — дань моде. Иначе читателя не прошибешь. Мы сейчас не плачем. От беды мы прикрываемся шуткой, беда только, что при этом скоро вообще разучимся говорить серьезно, все что-то ерничаем, анекдоты рассказываем и ждем, что все как-то само собой образуется.

Зима была полна забот по восстановлению города, а 17 июня 1825 года в Каменноостровском дворце перед Александром предстал унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка. Унтер-офицера звали Шервуд, и он пришел с доносом. Шервуд был англичанином. Хорошо образованный, со знанием языков, он легко перезнакомился с офицерами, проник в Южное общество. Слушать о тайных обществах было Александру не внове. Этот донос отличался тем, что заговор организован против всей царствующей фамилии. Были названы имена — списком. Что хотел этот Шервуд? Заботился ли он о благе государства или искал личной выгоды. Наверное, тут присутствовало и то и другое. Вряд ли он испытывал переживания за судьбу России, но он здесь жил и хотел, чтобы в стране был порядок. Александр испытывал к этому офицеру чувство похожее на брезгливость. К страху он уже привык, то есть это был уже не страх, а постоянное

беспокойство.

И еще одна беда висела дамокловым мечом. Врачи твердили, что здоровье императрицы требует немедленного вмешательства. Елизавета Алексеевна серьезно больна, следует немедленно поменять климат. Здесь подойдут юг Франции или Италии. Александр поговорил с женой. Последнее время они часто вели неспешные и приятные беседы. Почему они выбрали Таганрог? Приближенные удивлялись: неужели нельзя было выбрать место получше? Зимы там достаточно суровы, ветры опасны. Но как можно было перечить императорской семье?

Забота о наследнике

Официально цесаревичем считался великий князь Константин Павлович, но он отказался наследовать трон. Он все время твердил, что «ни за какие коврижки» не желает быть царем, но впервые серьезный разговор на эту тему состоялся в 1819 году, когда Александр посетил Варшаву. Михайловский — Данилевский, любимый флигель-адъютант царя (со слов Константина Павловича), так описывает разговор между братьями. Александр:

«— Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать; я устал и не в силах сносить тягость правительства; я предупреждаю тебя для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно делать в сем случае. (Абдикация — отречение от престола. — *Авт.*)

Цесаревич Константин ответил:

— Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего; я буду служить вам и, ежели надо, чистить вам сапоги. Когда бы я это теперь сделал, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле, я докажу преданность мою к вам, как в благодетели моему…

— Когда придет время абдикировать, — сказал в заключение Александр, — то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши матушке».

Константин Павлович при этом добавляет, что «государь поцеловал меня так крепко, как еще никогда в сорок пять лет нашей жизни меня не целовал».

Время шло, Александр опять вернулся к этому разговору. На этот раз шуткой отделаться было нельзя, и в январе 1822 года Константин написал из Варшавы: «Не чувствую в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмелюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства».

Формально отречение Константина состоялось именно тогда — 22 января 1822 года. Три недели спустя Александр написал ответ: «Любезный брат. С должным вниманием читал я письмо Ваше. Умев всегда ценить возвышенные чувства Вашей доброй души, сие письмо меня не удивило. Оно мне дало новое доказательство искренней любви Вашей к государству и попечения в непоколебимом спокойствии оного. По Вашему

желанию предъявил письмо сие любезной родительнице нашей. Она его читала с тем же, как и я, чувством признательности к почтенным побуждениям, Вами руководившим. Нам обоим остается, уважив причины, Вами изъявленные, дать полную свободу Вам следовать непоколебимому решению Вашему, прося Всемогущего Бога, дабы Он благословил столь чистые намерения».

Чистые намерения Константина были вполне обоснованны. В 1820 году он наконец официально развелся со своей супругой — Юлианой-Генриеттой, в православии Анной Федоровной, и женился на польской графине Иоанне Гудзинской. Второй брак был признан морганатическим, то есть сам Константин имел права на престол, но его дети — нет. Брак с польской графиней состоялся по любви, жена получила титул княгини Лович. Константин был в Варшаве вполне счастлив. Зачем ему такая обуза, как русский престол?

Но наследование — дело серьезное, нужен был более весомый документ, чем простой письменный отказ от престола, и в 1823 году Александр поручил митрополиту Филарету составить манифест о назначении наследником великого князя Николая Павловича. Манифест был составлен, запечатан, а на конверте Александр собственноручно написал: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия». После этого Александр отдал конверт митрополиту Филарету с тем, чтобы тот положил документ в ковчег государственных актов, где и надлежало хранить его без всякой огласки.

Загадочное распоряжение, прямо скажем, потому что «где усадьба, а где пруд». Успенский собор в Москве, а присягу новому императору надо давать в Петербурге, телефонов нет, сразу всего не сообщишь. Великий князь Николай Павлович был в курсе разговоров об отказе Константина царствовать, знал, что его готовят на роль императора, но о составленном манифесте не знал ничего. После смерти Александра I это и привело к длинной проволочке с утверждением Николая на троне, то есть к фактическому междуцарствию и, как следствие, к великой смуте — восстанию декабристов. Что и говорить, так не составляют важнейшие государственные документы — зачем эта таинственность?

Видно, подобная мысль пришла в голову и митрополиту, и князю Голицыну. По совету последнего с манифеста были сняты копии. Князь Голицын сам переписал манифест в трех

экземплярах и разослал их в Государственный совет, Сенат и Синод. До времени о существовании манифеста о наследовании трона знали только, помимо троих перечисленных, Константин Павлович и мать Мария Федоровна, наверное, Аракчеев. А. А. Корнилов пишет: «Единственное, что можно придумать в объяснение этого поведения Александра, — это то, что Александр делал все это главным образом на случай своего отречения, а так как отречение могло быть актом только произвольным, то он и думал, конечно, что все дело остается в его руках».

Перед отъездом Александра в Таганрог князь Голицын обеспокоился: государь уезжает на всю зиму, не следует ли обнародовать манифест, мало ли что… Может быть, князь Голицын знал или догадывался о намерении царя отказаться от трона? Но Александр отказался от публикации манифеста: «Положимся на Бога, Он устроит все лучше нас, слабых и грешных». Почему он так сказал? Считал, что еще не решил окончательно, ждал, когда придет нужное время?

Отъезд

Александр уехал из Петербурга один 1 сентября 1825 года. Императрица Елизавета Алексеевна выехала на юг на два дня позднее. Отношения супругов к тому времени очень смягчились, появились и тепло, и дружба, и необходимость друг в друге. И все-таки они поехали раздельно.

Перед отъездом Александр как-то вдруг разом охладел к армии, отменив маневры и парады, отменил он и смотр войск 2-й армии в Белой Церкви. Смотр этот, назначенный на осень, он поручил князю Волконскому.

Отъезд царя из Петербурга подробно описывает Шильдер. Из Каменноостровского дворца выехали в четыре часа ночи. Запряженная тройкой открытая коляска довезла императора до Невской лавры. Там его торжественно встретили митрополит Серафим, архимандриты в полном облачении и монахи. Александр был в фуражке, шинели и сюртуке. Он поспешно направился в соборную церковь, «…перед ракой святого Александра Невского и началось молебствие».

— Положите мне Евангелие на голову, — попросил Александр и встал на колени перед митрополитом.

После службы митрополит Серафим пригласил императора в свою келью.

— Очень хорошо, — сказал Александр, — только не надолго; я уже и так полчаса по маршруту промешкал.

В своих апартаментах митрополит представил государю схимника, отца Алексея, который «просил удостоить и его келью своим посещением». Александр согласился. Келья отца Алексея производила мрачное впечатление. Она была вся обита черным сукном, иконы, лампады, черная узкая скамья. Они помолились вдвоем со схимником, потом Александр спросил: «А где же ты спишь?» Митрополит ответил за отца Алексея: мол, здесь же, на полу, но тот отрицательно покачал головой.

— Вот моя постель. — Схимник отвел Александра за перегородку и указал «на черный гроб, в котором лежали схима, свечи и все, относящееся к погребению».

Не меньшее впечатление произвели на царя напутственные слова схимника:

«— Государь, я человек старый и многое видел на свете; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожнее, но после чумы нравы испортились; в 1812 году наступило время исправления и набожности: но по окончании войны сей нравы еще больше

испортились. Ты — государь наш и должен бдеть над нравами. Ты сын православныя церкви и должен любить и охранять ее. Так хочет Господь наш».

При всем уважении к таинству смерти эта сцена с «черным, черным гробом» кажется нам сказкой-страшилкой, которой пугают детей, но в XIX веке к этим вещам относились серьезно, поэтому легко себе представить настроение мистически зараженного императора. Ну а что касается нравов, тут схимник совершенно прав.

Александр тяжело расставался со своей столицей, об этом пишут многие современники. Шильдер: «…Государь остановился у заставы, привстал на коляске и, обратившись назад, в задумчивости несколько минут глядел на город, как бы прощаясь с ним». Наверное, стоял, наверное, смотрел, но высокая поэтическая картина как-то не вырисовывается. Я понимаю, Данте смотрел на Флоренцию, там — гора, весь город как на ладони. А что можно увидеть у заставы Петербурга, кроме ближайшего забора обывателя? Ведь ни одной возвышенности, город совершенно плоский.

Александра сопровождали в пути начальник Главного штаба генерал-адъютант Дибич, два врача — Тарасов и Виллье, четыре обер-офицера и прислуга. 13 сентября царь прибыл в Таганрог.

Взгляд назад

Внезапная кончина Александра I в Таганроге привела к трагическим событиям и породила множество домыслов и сплетен. Более того, возникла устойчивая легенда, о реальности которой спорят до сих пор, и дальше будут спорить, потому что счет спорщиков 1:1, и каждый делает выводы исходя из своего жизненного опыта, характера и в последнюю очередь — конкретной информации, много документов было уничтожено, а может быть, и фальсифицировано. Речь идет о таинственном сибирском старце Федоре Кузьмиче, в которого якобы воплотился оставивший трон Александр I.

Тайна смерти Александра Павловича интересовала семейство Романовых весь XIX век, недаром великий князь Николай Михайлович написал книгу «Легенда о кончине Александра I». Это серьезное исследование историка. Николай Михайлович считает, что Федор Кузьмич — чистой воды домысел, Александр I умер в 1825 году и прах его покоится в Петропавловском соборе. Не менее уважаемый и очень дотошный историк Шильдер, который разобрал жизнь Александра I «до нитки», не столь категоричен. Он «допускает возможность исчезновение своего героя из Таганрога и «перевоплощение» его в сибирского отшельника».

Закавыченная фраза принадлежит писателю В. В. Барятинскому, который посвятил разбору этой истории свой труд «Царственный мистик» (1912). К этой книге я и обращусь, пытаясь изложить суть предмета.

Александр не был честолюбивым человеком, трон для него был тяжелой обязанностью, служением, которое надо исправлять по возможности разумно и хорошо. Михайловский-Данилевский в своих «Записках» рассказывает о посещении царем в 1817 году Киева. Там на обеде зашел разговор об обязанности людей, «равно и монархов», перед государством. Александр сказал «Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в минуту опасности первый идти ей навстречу. Он должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока его физические силы ему это позволяют. По прошествии этого срока он должен удалиться, — улыбнулся и добавил: — Что касается меня, я пока чувствую себя хорошо, но через десять — пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят…»

1819 год, смотр в Красном Селе 1-й гвардейской пехотной дивизии, которой командовал великий князь Николай Павлович. После смотра — обед у брата и супруги его великой княгини

Александры Федоровны. В записках великой княгини читаем: «Это было в Красном Селе… когда однажды император Александр, пообедав у нас, сел между нами двумя и, беседуя интимно, внезапно изменил тон, стал очень серьезным и начал приблизительно в следующих выражениях высказывать нам, что он остался очень доволен, как утром его брат справился с порученным ему командованием; что он вдвойне рад тому, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, так как на нем когда-нибудь будет лежать большая ответственность, что он видит в нем своего преемника и что это случится гораздо раньше, чем можно предположить, так как то случится еще при его жизни. Мы сидели как два изваяния, с раскрытыми глазами и замкнутыми устами. Император продолжал: вы удивлены, но знайте же, что мой брат Константин, который никогда не интересовался престолом, решился тверже, чем когда-либо, отказаться от него официально и передать свои права своему брату Николаю и его потомству… Что касается меня, я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира. Европа более, чем когда-либо, нуждается в монархах молодых и в расцвете сил и энергии; я уже не тот, каким был, и считаю своим долгом удалиться вовремя… Увидев, что мы готовы разрыдаться, он старался нас утешить, ободрить, говоря, что все это случится не сейчас, что пройдут еще годы, прежде чем он приведет свой замысел в исполнение». Этот разговор был летом, а осенью того же года состоялся разговор с Константином: мол, «я хочу абдикировать».

Шильдер: «Весной 1825 года приехал в Петербург принц Оранский, которому император Александр поверил свое намерение сойти с престола и удалиться в частную жизнь. Принц ужаснулся и старался отклонить Государя от подобного намерения. Но Александр остался при своем мнении. И старания принца не привели к желаемой цели; ему не удалось поколебать намерения государя».

Вот еще отрывок из дневника Александры Федоровны, она уже императрица — 15 августа 1826 года, коронация в Москве. «Наверное, при виде народа, — пишет Александра Федоровна, — я буду думать о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал: «Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я, потерянный в толпе, буду кричать вам «Ура»».

Таганрог и его окрестности

Предназначенный для царской семьи дом никак нельзя было назвать дворцом. Скромное, каменное жилище, тринадцать окон по фасаду, дом был построен в 1814 году итальянским архитектором по приказу градоначальника Попкова и предназначался для краткосрочного проживания именитых гостей города, иными словами — гостиница «люкс». В 1820 году здесь останавливался Пушкин, когда путешествовал вместе с семьей Раевских. Сейчас в этом доме музей, адрес — Греческая улица, 40.

Александр был весьма доволен новым жилищем, у него было замечательное настроение. В ожидании жены он, как пишет Барятинский, «расставлял мебель, вбивал гвозди для картин, приводил в порядок городской сад» — надо же супруге где-то гулять. Елизавета Алексеевна прибыла через десять дней после мужа — 23 сентября. С императрицей прибыли: генерал-адъютант князь П. М. Волконский, статс-секретарь Лонгинов, камер-фрейлины княжна Волконская и Валуева, лейб-медик Стоффреген, еще два доктора, аптекарь и две камер-юнгферы.

О князе Петре Михайловиче Волконском следует рассказать подробнее. Вигель: «Он более всех сделался угодным Александру… Главная, единственная добродетель Волконского была собачья верность… В день восшествия на престол сделан он флигель-адъютантом его, а в день коронации — генерал-адъютантом. Зная, сколь полезна царям нравственная власть, как избавляет она их от необходимости часто употреблять материальную, Александр, даже в кругу самых близких по крови, не переставал быть любезным, старался сохранить свою величественную важность. Нельзя, чтобы беспрестанное наблюдение за самим собой иногда не утомляло его; наедине с Волконским любил он отдыхать; не открывая ему души своей, при нем становился он человеком, который смеется, сердится или бранится, как все прочие люди. Точно так же во время частых и быстрых путешествий своих, сидя с ним в коляске, говорят, не иначе привык он отдыхать, как засыпая на его плече… Говорят, для камердинера нет великого человека; Александр угадал, что для верноподданничества Волконского всякий был бы великий муж, лишь бы он был царь». Вигель, как всегда, умен и злоязычен, но в его словах слышится голос общественного мнения. С1815 года Волконский уже мог в доверительности царя соперничать с Аракчеевым.

Началась спокойная, тихая жизнь. Елизавета Алексеевна, несмотря на длинную дорогу, чувствовала себя гораздо бодрее,

много гуляла, император ее сопровождал. Но долго усидеть на одном месте Александр не мог. Уже 11 октября он поехал на Дон к казакам, а 20 октября по настоятельной просьбе генерал-губернатора М. С. Воронцова отбыл в Крым в сопровождении Дибича, двух врачей — Виллье и Тарасова и полковника Соломки.

Посетили Мариуполь, Симферополь, Гурзуф, Ориадну. Путешествие привело царя в восторг. Шильдер пишет: «Там, по-видимому, Александр нашел тот уголок в Европе, о котором некогда мечтал и где желал бы навсегда поселиться. Вообще, со времени приезда в Таганрог казалось, что государь снова возвратился к прежним своим мечтам и помышлял об удалении в частную жизнь. «Я скоро переселюсь в Крым, — сказал Александр, — я буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Князю Волконскому он говорил: «И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем».

Потом были Алупка и дворец Воронцова, далее Севастополь и Балаклава. На путешествие ушло семь дней, все верхами, не в коляске. День 27 октября Барятинский считает переломным — именно с него началось недомогание Александра, а также куча неточностей и противоречий в описании последних двадцати четырех дней жизни императора, а описывали ее несколько человек. Александр захотел посетить Георгиевский монастырь и ушел туда с фельдъегерем и татарином-проводником. День был теплым и солнечным, а вечера в горах в это время холодные. Свита долго ждала возвращения императора, темнело. Адмирал Грейг велел полицмейстеру выйти навстречу государю с факелами. Продрогший Александр явился около восьми часов. Далее, по одним источникам, прием в Севастопольском дворце, по другим — смотр морским полкам «при свете факелов».

Начиная с 27 октября Барятинский подробно описывает и анализирует каждый день Александра. Источники: «Воспоминание моей жизни» почетного лейб-медика Тарасова, записки лейб-медика баронета Виллье, «Журнал болезни», составленный Волконским, и дневники императрицы Елизаветы Алексеевны. В записках этих авторов видны серьезные разногласия, каждый из описанных дней выглядит по-разному. Баронет Виллье писал очень кратко, по несколько строк в день. Лейб-медик Тарасов написал свои воспоминания много времени спустя, он путал и даты, и последовательность событий.

27 октября государь посвятил осмотру флота, морским укреплениям, госпиталям и казармам, а 28 октября появляется робкое упоминание о надвигающейся болезни. Александр попросил Тарасова приготовить ему рисовый отвар, тот самый,

которым его поили при рожистом воспалением на ноге, «… кушает перловый суп и котлету». Понятно, рисовый отвар — значит, неблагополучие с желудком. Представляя царскую трапезу, думаешь о «лебедях печеных», омарах и ананасах, а тут… суп перловый. Потом бедного Александра совершенно замучили «слабительными пилюлями», он принимал их по восемь в день и совершенно изнемог. Но это все потом, а пока он «бодр и свеж», на здоровье не жалуется и едет в Успенский монастырь, Евпаторию и Перекоп, всюду посещает казармы, лазареты, храмы, мечети и синагоги.

На обратном пути в Таганрог Александру встретил фельдъегеря Маскова, он вез деловые бумаги. Александр приказал Маскову сопровождать его. По дороге фельдъегерь «попал в аварию», ямщик на повороте перевернул коляску и вывалил своего седока. Масков с переломом основания черепа остался лежать на дороге недвижим. В госпитале он умер. Эта смерть произвела на Александра очень тяжелое впечатление. Кроме того, он уже был болен, его бил озноб, поднялась температура.

4 ноября вечером он был уже в Мариуполе. Вилльe пишет, что он нашел императора «в полном развитии лихорадочного пароксизма». Определение «пароксизм» имеет двоякое значение: либо крайнее обострение болезни, либо острое переживание. Александра уговаривали задержаться в Мариуполе, до Таганрога 90 верст, но он категорически отказался. Его ждет жена, которой он обещал вернуться 5-го, и вообще он не привык нарушать график. На этот раз он отправился в дорогу тепло одетый, в закрытой коляске и с медвежьей полостью на ногах.

Болезнь

В Таганрог Александр прибыл поздно вечером, как обещал. Встреча с Елизаветой Алексеевной была теплой. Отрывок из ее дневника:»… первым вопросом было: «Здоровы ли вы?» Он сказал, что нездоров, что у него уже второй день лихорадка и он думает, что схватил крымскую лихорадку (малярию? — *Авт.*). Я его усадила; у него был жар… Я без труда уговорила его идти спать, хотя он еще более получаса рассказывал о своем путешествии».

В последующие пять дней Александр работал, читал газеты, много времени поводил с женой. Болезнь то держала его цепко, то отпускала, и все ликовали — государь выздоравливает! Лихорадка, слабость, потоотделение, слабительные пилюли, куча лекарств. Он почти ничего не ел, только пил воду — апельсиновую, лимонную и странный напиток — «хлебную отварную воду». Елизавета Алексеевна уговаривала его меньше заниматься деловыми бумагами. Он отвечал: «Работа настолько сделалась моей привычкой, что я не могу без нее обойтись, и если я ничего не делаю, то чувствую пустоту в голове. Если бы я покинул свое место, я должен был бы поглощать целые библиотеки — иначе я сошел бы с ума».

Елизавета Алексеевна теперь мало гуляла, но часто сидела у раскрытого окна, слушала шум моря и «дивный перезвон колоколов», о чем с удовольствием рассказывала мужу. «Вы увидите, вам здесь так понравится, — ответил он с улыбкой, — что вам трудно будет уезжать». Врачи вокруг кружились, как осы. «Когда эти господа ушли, мы остались одни, он вскоре пожелал мне спокойной ночи и еще приподнялся, чтобы я могла поцеловать его в затылок». Такие вот супружеские отношения.

Вначале Александр не хотел писать в Петербург о своей болезни, и окружающим запретил это делать, чтобы попусту не волновать мать. Но 9 ноября он собственноручно написал Марии Федоровне, сообщил, что болен, а генералу Дибичу приказал сообщить об этом в Варшаву брату Константину. Письма были высланы экстрапочтой, доставка их в Петербург составляла восемь — девять дней.

Тем не менее в этот день, 9 ноября, императору стало лучше. Врачи собрали консилиум и нашли, что наступил перелом. Температура держалась, но Стоффреген сказал Елизавете Алексеевне: «…болезнь можно считать пресеченной, а с лихорадкой мы скоро покончим». У больного появился аппетит, он даже поел овсяного супа и нашел его вкусным — выздоровление налицо!

Наступило 10 ноября. Этот день Барятинский считает наиболее загадочным и непонятным. Здесь налицо противоречия. Виллье: «Начиная с 8-го числа я замечаю, что что-то такое другое его занимает больше, чем его выздоровление, и беспокоит его мысли». Волконский же сообщает, что Александр с утра, «вставая за нуждою, получил обморок и сильно ослабел», ослабел настолько, что к вечеру появилась забывчивость, и государь «мало уже или почти совсем не говорил, как только чего просил». Врачи негодовали, он стал отказываться от лекарств: «Надо считаться с моими нервами, которые слишком расстроены и без того, лекарства расстроят их еще больше». Елизавета Алексеевна, напротив, пишет в дневнике, что Александру было лучше: «Он лежал на диване в своем кабинете и выглядел поразительно хорошо сравнительно с тем, как он выглядел днем…» А 11 ноября Елизавета Алексеевна прекратила делать записи в своем дневнике. Почему?

Барятинский считает, что именно в этот день, когда Александр был близок к окончательному выздоровлению, он наконец решился — пора «абдикировать». Он все обдумал, поговорил с женой, назначил программу действий и преступил к ее осуществлению. Но есть и другая причина, которая заставила Александра нервничать, «занимать мысли больше, чем выздоровление». Барятинский не мог знать, что именно 10 ноября больной Александр приказал начальнику Главного штаба Дибичу направить в Харьков полковника лейб-гвардии казачьего полка Николаева С. С., чтобы тот арестовал в Харькове декабриста Ф. Ф. Вадковского и его сообщников. Николаев ехал тайно «под видом закупки лошадей». Поездка императора на Дон в начале октября не прошла даром.

Этому предшествовало следующее событие. Почти месяц назад, 19 октября, в Таганрог прибыл генерал И. О. Витт с докладом. Он сообщил, что его агент А. К. Бошняк проник в тайное общество и разведал планы заговорщиков. Было названо много фамилий «деятельнейших членов», здесь были Н. М. Муравьев, К. Ф. Рылеев, Н. А. Бестужев и так далее. Примечательно, что было названо уже знакомое по доносу Шервуда имя Пестеля. Витт сказал, что «тайное общество значительно увеличилось». Барятинский не мог этого знать, документы о секретном докладе Витта были обнаружены много позднее. Не использовал этих материалов и Шильдер.

Александру надо было принимать решение. Мысль «абдикировать» его не оставляла, но и с тайными обществами надо было что-то делать. Раз они «разрастаются», это может привести к революции — мало нам Франции! Конечно, для

Александра это было очень важное и тяжелое решение. Он понимал, что за первым арестом последуют другие, что ему придется отправлять в крепость друзей, с которыми вместе воевал, и понимал также, что осуществить жестокий суд ему не под силу. Но он не мог оставить наследнику страну в полном беспорядке. 10 ноября после обморока государю было совсем плохо, «весь день продолжался жар». А к вечеру он настолько ослаб, что появилась «забывчивость, отчего мало или уже совсем не говорил, а только просил» (журнал Волконского).

На следующий день у императора опять был обморок. Виллье настаивал на кровопускании и слабительном, но больной отказывался от услуг докторов и «приходил в бешенство», если они настаивали. Виллье писал 12 ноября: «…сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его принимать их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я — несчастный».

На следующий день лихорадка усилилась, Александр плохо дышал, «ночь была ужасной». Виллье решил поставить пиявки за уши, но получил категорический отказ. Тогда он обратился к Елизавете Алексеевне, заявив, что единственное средство заставить государя подчиняться врачам — это «предложить его величеству причаститься Святых Тайн». От этого государь точно не откажется, а священник наставит больного на путь истинный.

Александр узнал об этом 14 ноября и тут же призвал к себе доктора Тарасова, до этого его пользовал только Виллье.

— Дела мои так плохи? Разве я в опасности? — спросил он у Тарасова, потом позвал Вилле и повторил вопрос: — Вы думаете, что моя болезнь зашла так далеко?

Виллье смутился, но не мог отрицать — положение очень серьезно. Елизавета Алексеевна была рядом. «Благодарю вас, друг мой, прикажите — я готов», — сказал он ей спокойно.

На следующий день позвали духовника. Обряд был совершен со всем ритуалом. После этого Александр согласился на все лекарства, и на пиявки, и на прикладывание к затылку и к спине шпанских мушек. Жалко императора. Сразу вспоминается Гоголь, тоже весь обвешанный пиявками: «Зачем вы меня пытаете?» На следующий день государь опять призвал священника. На этот раз он хотел исповедаться и причаститься не как император, а как простой мирянин. Все церкви Таганрога, Петербурга, Москвы, да и вообще России молились об исцелении императора.

К вечеру 17 ноября «болезнь достигла высшей степени своего развития» (Тарасов). Однако Елизавета Алексеевна написала в Петербург Марии Федоровне, что «сегодня… наступило очень

решительное улучшение в состоянии здоровья императора». 18 ноября государь впал в забытье, 19 ноября «в десять часов пятьдесят минут испустил последний дух. Императрица закрыла ему глаза и, поддержав челюсть, подвязала платком, потом ушла к себе». Этот последний вздох Александра I описали все авторы «записок», но каждый по-своему, и никто внятно не написал, сколько человек, помимо императрицы, находилось в комнате в момент смерти Александра I.

Императрица Елизавета Алексеевна

Похороны такой личности, как русский император, требуют серьезного приготовления — вскрытие, бальзамирование, императрицу надо было удалить из дворца. Князь Волконский подыскал местожительство для Елизаветы Алексеевны. Она не хотела уезжать и сказала Волконскому: «Я уверена, что вы разделяете со мной мое несчастье, но неужели вы думаете, что меня привязывает одна корона к моему мужу? Я прошу вас не разлучать меня с ним до тех пор, пока есть возможность». После чего никто ее не смел просить, и она оставалась одна в своих комнатах и ходила беспрестанно к телу без свидетелей, но в конце концов была вынуждена покориться.

20 ноября она оставила дворец, переехав в частный дом семьи Шихматовых, где пробыла десять дней. Отрывок из письма неизвестного лица из семьи Шихматовых матери: «Сего дня 18-го поутру прислал князь Волконский к моему зятю просить, чтобы он приготовил свой дом на случай всеобщего несчастья для императрицы, которую они располагали перевезти к нам…»

В том, что Волконский искал жилье для императрицы за день до смерти мужа, Барятинский видит одно из доказательств не смерти, а ухода императора. Как можно при живом человеке делать подобные приготовления? Тем более что в одном из дневников-свидетельств написано, что императору стало лучше? А вот с точки зрения Барятинского, еще одно доказательство: письмо Елизаветы Алексеевны матери, маркграфине Баденской, от «решающего» 11 ноября: «Где убежище в этой жизни? Когда вы думаете, что все устроили к лучшему и можете вкусить этого лучшего, является неожиданное испытание, которое отнимает от вас возможность насладиться окружающим…» Барятинский считает, что «неожиданное испытание» — это уход императора. Может быть, когда ты плотно «в материале», прочувствовал все до мелочи, каждый факт имеет особый смысл, но, на мой взгляд, здесь «неожиданное испытание» — всего лишь болезнь мужа.

Но помечтаем, представим себе, как все могло быть. Наверное, и раньше Александр говорил жене, что собирается оставить трон, но никогда не говорил так ясно, не те у них были отношения, а на этот раз все точки на «і» были поставлены. Он уходит с политической арены, вместо него похоронят другого. Что должна была испытать Елизавета Алексеевна? Если он сообщил свою тайну жене, то, наверное, они обсуждали их будущее. Предположим, что он предложил императрице выбор — последовать за ним или остаться в России вдовствующей

императрицей. Разумеется, при всем желании она не могла выбрать первый вариант. Она была хранительницей тайны, это обязывало к определенному поведению. Разве что потом, когда страсти утихнут, она попросит отпустить ее к матери, и ей позволят уехать… А уж из Германии все пути открыты. Но куда открыты эти пути? Вряд ли Елизавету Алексеевну устроила бы жизнь в худой избе при казенном Краснореченском винокуренном заводе, а именно там жил таинственный Федор Кузьмич. Но почему обязательно Сибирь? Может, император Александр осел где-нибудь на берегах Рейна, как мечталось в молодости, или вообще уехал в Америку, уж там и вместе с супругой можно было бы затеряться. Замечательный сюжет для нашего кинематографа!

Как уже говорилось, Елизавета Алексеевна перестала вести дневник после 11 ноября. Можно предположить, что он просто был уничтожен. Барятинский предполагает, что эта часть дневника, равно как и записки матери Марии Федоровны, касающиеся этого периода, были уничтожены Николаем I. Романовы желали сохранить тайну смерти Александра I.

Вот письма Елизаветы Алексеевны, написанные после смерти мужа.

19 ноября, письмо матери: «Я самое несчастное создание на земле. Я хотела сказать Вам только, что я еще существую после потери этого ангела, который, несмотря на измучившую его болезнь, всегда находил для меня благосклонную улыбку или взгляд, даже когда он никого не узнавал. О, матушка, матушка! Как я несчастна, как Вы будете страдать вместе со мной! Боже, какая судьба! Я подавлена горем, я не понимаю самое себя, я не понимаю своей судьбы, словом — я очень несчастна…»

Письмо императрице Марии Федоровне: «Дорогая матушка! Наш ангел на небе, а я — на земле; о, если бы я, несчастнейшее существо из всех тех, кто его оплакивает, могла скоро соединиться с ним! Боже мой! Это почти свыше сил человеческих, но раз Он это послал, нужно иметь силы перенести. Я не понимаю самое себя. Я не знаю, не сплю ли я; я ничего не могу сообразить, ни понять моего существования! Вот его волосы, дорогая матушка! Увы! Зачем ему пришлось так страдать? Но теперь его лицо хранит только выражение удовлетворенности и благосклонности ему свойственной. Кажется, что он одобряет все то, что происходит вокруг него. Ах, дорогая матушка! Как мы все несчастны! Пока он останется здесь, и я останусь, а когда он уедет, уеду и я, если это найдут возможным. Я последую за ним, пока буду в состоянии следовать. Я еще не знаю, что будет со мной дальше, дорогая матушка; сохраните ваше доброе отношение ко мне».

Волконский пишет в Петербург о Елизавете Алексеевне: «Здоровье вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны весьма посредственно. Вот уже несколько ночей кряду изволят худо оныя проводить и чувствуют судороги в груди, принимая, однако, прописываемые г-ном Стоффрегеном лекарства. Ежедневно два раза в день изволят присутствовать у панихид».

Известие о смерти Александра I достигло Петербурга 27 ноября. Варшава получила сообщение о смерти раньше, 25-го, формально для всех Константин Павлович оставался наследником. И началась чехарда с точным установлением нового императора.

Последнее путешествие по России

Узнав о смерти сына, Мария Федоровна сразу же потребовала у Волконского, чтобы тот написал «журнал» — подробный отчет о болезни Александра, что князь и сделал. 7 декабря он выслал журнал в Петербург статс-секретарю Г. И. Вилламову с сопроводительным письмом, в котором, в частности, пишет: «… мне необходимо нужно знать, совсем ли отпевать тело при отправлении отсюда, или отпевание будет в С.-Петербурге, которое, ежели осмелюсь сказать свое мнение, приличнее полагаю сделать бы здесь, ибо хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты лица покойного совсем изменились, через несколько же времени и еще потерпят; почему я думаю, что в С.-Петербурге вскрывать гроб не нужно, и в таком случае должно будет совсем отпеть, о чем прошу Вас испросить высочайшее повеление и меня уведомить через нарочного».

11 декабря тело покойного императора было перевезено из дворца в Александровский монастырь. Там в соборе, водруженное на заранее приготовленный катафалк, оно пребывало до 20 декабря. Князь Волконский каждый день писал в Петербург, ждал распоряжений и приезда ответственных лиц, но никто не приезжал. Не до этого было. В столице шла активная переписка с Варшавой. Николай Павлович ждал официального отречения Константина, а тот писал с бранью, что давно отрекся от трона и говорить на эту тему больше не желает. Потом 14 декабря, пальба на Сенатской площади. Единственное толковое указание, которое получил Волконский из Петербурга, гласило: «Подчиняйтесь распоряжениям императрицы Елизаветы Алексеевны».

29 декабря 1825 года кортеж с покойным императором отбыл из Таганрога в Москву. Отвечал за провоз гроба генерал-адъютант Орлов-Денисов, наблюдать за сохранностью тела императора Елизавета Алексеевна назначила лейб-медика Тарасова. Сама она с кортежем не поехала. Можно предположить, что врачи не рекомендовали ей длинное зимнее путешествие. В. В. Барятинский на этот счет другого мнения: «Здоровье ее было вполне удовлетворительно и уже во всяком случае более удовлетворительно, чем оно было четыре месяца спустя». Елизавета Алексеевна задержалась в Таганроге на четыре месяца, она уехала только в апреле, ее поездка кончилась трагически. Барятинский: «…дальнейшая судьба вдовы Александра настолько загадочна, что заслужила бы особого исследования».

Покойного императора везли через Харьков, Курск, Орел,

Тулу в закрытом гробу. Народу это не нравилось, сразу же распространился слух, что Александр не умер, а хоронят кого-то другого, то есть обман налицо. Время было напряженное, по делу декабристов шли аресты и в обеих столицах, и в Малороссии. Общество было напугано и озадачено. Высокое начальство трусило. А ну как народ потребует вскрыть гроб! Боялись новых волнений, поэтому Орлов-Денисов ввел усиленную охрану кортежа.

3 февраля тело императора было доставлено в Москву и установлено в Архангельском соборе. Народ в Кремль так и валил — плакали и прощались. Гроб не открыли, а в Кремле ввели военную дисциплину. За порядком следили пехотные и кавалерийские войска, ворота, которые охраняла артиллерия, закрывали в девять часов вечера.

Тарасов пишет, что, волнуясь за сохранность тела, он осматривал его во время путешествия пять раз. Орлов-Денисов утверждает, что тело осматривали три раза и то уже после Москвы. При втором осмотре присутствовал Аракчеев. Последний раз по распоряжению Николая I осмотр производил баронет Виллье. На подъезде к Петербургу в Тисне кортеж встретила императрица Мария Федоровна, она приехала одна, без свиты.

28 февраля покойный император прибыл в Царское Село, гроб был установлен в дворцовой церкви. 1 марта гроб был открыт для прощания. В церковь прибыла вся семья Романовых с детьми, кроме императрицы Александры Федоровны, она была беременна. Императрица Мария Федоровна трижды подходила к гробу, всматривалась в лицо сына и все повторяла: «Да право же, это он». Видно, и во дворце были сомнения.

13 марта 1826 год… Шильдер: «В одиннадцать часов, во время сильной метели, погребальное шествие направилось из Казанского собора в Петропавловскую крепость… В тот день происходили отпевание и погребение. Во втором часу пополудни пушечные залпы возвестили миру, что великий монарх снисшел в землю на вечное успокоение».

И еще несколько слов… Шильдер в приложении к четвертому тому своего труда об Александре I дает письма супруги князя Волконского, которые она писала императрице Марии Федоровне тайно от мужа. Княгиня Волконская приехала в Таганрог в конце декабря 1825 года, она видела покойного императора, нашла, что он совсем на себя не похож. А императрице Марии Федоровне она хотела сообщить какие-то «новые данные», о которых пишет пространно, витиевато, не входя в подробности. Видимо, она потом все-таки сообщила императрице эти новые данные, но в чем их суть — неизвестно, потому что, видимо, эти письма были

уничтожены. Пишу для того, чтобы еще больше нагнать туману, заинтересовать этим читателя, захочет новых подробностей — пусть читает Барятинского и прочих авторов.

Сама я, «прочитав шкаф», не меньше, забитый мемуарами и историческими трудам, относящимися к XIX веку, пришла к убеждению, что Александр умер в Таганроге в 1825 году, а все прочее — красивая легенда. Но была там какая-то тайна, которую нам не дано угадать. Да мало ли их, этих тайн? История оставила нам массу загадок. Кто был отцом Ивана Грозного — царь Василий III или любовник Глинской, молодой князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский? Был ли у Соломонии Сабуровой сын, или это придумка? Кем был первый самозванец Дмитрий, ведь в нем предположили Гришку Отрепьева, когда еще самозванца и в глаза не видели, а потом предположение пошло гулять по свету. Кто был отцом Павла I — Петр III Романов или любовник Екатерины Салтыков? Не меньше тайн и в европейских дворах. Но оставим в покое царские дворы. Мы все никак не можем решить, был ли такой драматург — Уильям Шекспир, или это подделка гениальных писателей XVI века. И тайны эти нам никогда не разгадать.

Федор Кузьмич

Как красиво обставил эту легенду народ, а последующие исследователи дополнили! Тут все дело в подробностях. В основу мифа положено желание продлить существование Александра I и дать ему возможность пожить как мечталось, в условиях чистоты и веры, которых он искал всю жизнь.

Осенью 1836 года к кузнице в окрестностях города Красноуфимска, что в Пермской губернии, подъехал старец на белом коне. На вид ему было около шестидесяти лет, красивый, высокий, голубоглазый, одет в крестьянский кафтан, по разговору — барин. Он попросил подковать лошадь. За делом кузнец принялся расспрашивать путника, кто он и откуда, но тот явно не желал вступать в беседу, на вопросы отвечал уклончиво и туманно. Все это показалось кузнецу подозрительным. Вокруг собрались люди, они и повели проезжего в город в полицейскую часть. Тогда все боялись разбойников с больших дорог. Мало ли, может он из этих.

На допросе старец не пожелал отвечать вразумительно, сказал только, что он бродяга родства не помнящий, а зовут его Федор Кузьмич. Наружность путника и его манеры поставили допрашивающих в тупик, с ним разговаривали мягко и вежливо, очень не хотелось применять к нему закон о бродяжничестве. Но старец ничего больше о себе не сказал, его наказали двадцатью ударами плети и сослали на поселение. Наказание он принял безропотно. Местом поселения определили Томскую губернию.

Записан рассказ некоей крестьянки — Феклы Степановны Коробейниковой, все это она якобы слышала от самого Федора Кузьмича. «По какому-то случаю дано было знать императору Николаю Павловичу, и по распоряжению Его Величества был прислан великий князь Михаил Павлович. Он по приезде своем в город прямо явился в острог и первого посетил старца Федора Кузьмича и сильно оскорбился от начальствующих, хотел их привлечь к суду, но старец уговорил великого князя оставить все в забвении. Просил также, чтобы его осудили на поселение в Сибирь, что также было исполнено». Привожу этот текст, потому что мне он кажется особенно невразумительным — чистое народотворчество. И с чего бы это вдруг вздумалось старцу делиться своей тайной с неведомой Феклой Степановной. Этих крестьянских рассказов обо всех видах лжецарей на Руси великое множество. Этот не исключение.

Барятинский: «26 марта 1837 года Федор Кузьмич прибыл с 43-й партией ссыльных в Боготолькскую волость Томской

губернии и был помещен на жительство на казенный Краснореченский винокуренный завод, хотя и был приписан к деревне Зерцалы. Как во время переезда, так и во время пребывания его на заводе с ним обращались очень хорошо. Смотритель завода его очень любил, доставлял ему все необходимое и не назначал ни на какие работы. Такое же отношение к нему было и со стороны служащих и рабочих. Прожил он на заводе около пяти лет, а в 1842 году переехал в Белоярскую станицу в избу нарочно для него построенную казаком Семеном Николаевичем Сидоровым».

К этому времени старец уже стал очень популярной личностью. Соседи крестьяне постоянно ходили к нему за советом. Федор Кузьмич всех принимал, советы давал, однако видно было, что встречи эти его тяготят, он хотел покоя. Успел он пожить и в деревне Зерцалы, и в тайге на золотых приисках, и в келье на пасеке, при этом учил людей грамоте и Священному Писанию. Встречался он и с иркутским епископом Афанасием. «Владыка ввел его в горницу, где раньше сам сидел, и начал с ним ходить, не выпуская его руки… долго они так ходили, много говорили не по-нашенски, не по-русски и смеялись. Многие стали дивиться, кто такой наш старец, что ходит так с архиереем и говорит не по-нашенски» (крестьянин Булатов).

Федор Кузьмич великолепно осведомлен о жизни столицы, знал ее обычаи, этикет при дворе, знал митрополита Филарета, о котором отзывался с большим почтением, рассказывал и о Фотии, и об Аракчееве, и о военных поселениях, и о войне 1812 года. В конце жизни старец переехал к томскому купцу Семену Хромову. Рядом с домом купца для него была построена келья. Федор Кузьмич умер 20 января 1864 года. Если предположить, что под этим именем действительно скрывался Александр I, то он прожил восемьдесят семь лет. Но даже на смертном орде старец не открыл своей тайны. Он не только не назвал собственного имени, но даже отказался назвать имя своего ангела-хранителя для помина души. «Бог знает», — сказал он священнику. На месте кельи старца Хромов основал мужской Федоровский монастырь. В 1903 году на месте могилы Федора Кузьмича на деньги жертвователей была возведена часовня. В 1923 году могилу, естественно разорили. И не надо говорить: «Большевики разорили». Большевики, что — не народ? Народ, к стыду нашему, сам испоганил свои церкви. Сейчас старец Федор считается небесным покровителем Томска и входит в Собор сибирских святых.

Кто бы ни был старец Федор Кузьмич, он прожил достойную, длинную жизнь, и, как говорится, мир его праху. Но у

поклонников легенды на руках много фактов, подтверждающих, что это был царь Александр I. Назову еще не описанные мной факты. Почему Федор Кузьмич объявился только через одиннадцать лет после своей мнимой смерти? А вот почему. После Таганрога он ушел в Саровскую пустынь к преподобному Серафиму и скрывался там под именем послушника Федора. После смерти святого Серафима послушник Федор ушел в мир.

Во время работы над книгой Барятинский попросил, чтобы протокол вскрытия от 20 ноября 1825 года изучили независимо друг от друга «четыре медицинских авторитета» начала XIX века, что и было сделано. Авторитеты начисто отвергли утверждение, что смерть царя наступила от малярии или тифа (что ранее предполагалось), но сообщили, что причиной смерти могла стать «застарелая французская болезнь». Маловероятно, чтобы у Александра был застарелый сифилис, об этом нет упоминания ни в его личных архивах, ни в медицинских отчетах лейб-медиков, которые велись в течение всей его жизни. Но главное, сам ход болезни в Таганроге никак не похож на смерть от сифилиса. Значит, производилось вскрытие другого тела? Кто мог быть похоронен вместо царя?

Здесь три версии, выбирай любую. Первая — погибший от наказания шпицрутенами солдат Таганрогского гарнизона, вторая, по Шильдеру, самая правдоподобная, — это был солдат Семеновского полка, случайно умерший в Таганроге, солдат этот имел некоторое физическое сходство с императором Александром I. И наконец, третья версия — им мог быть погибший фельдъегерь Масков. К слову сказать, в семье покойного Маскова сохранялось предание, что их дед похоронен вместо Александра I и лежит в Петропавловском соборе.

Но тут тоже закавыка. Есть сведения, что при Александре III саркофаг, в котором был похоронен Александр I, вскрывался якобы для перезахоронения тела в землю кладбища Александро-Невской лавры. Зачем?

Дальше… После революции в 1919 году (а может, позднее) большевики искали сокровища царской семьи и по этому поводу вскрыли саркофаг Александра I, он был пуст. Может быть, это очередная «утка», но я хорошо помню, как лет двадцать назад, роясь в старых журналах, наткнулась на отчет о вскрытии гроба императора Александра I. Под отчетом подписались… длинный список, помню из них только художника Коровина и Луначарского (в последнем не уверена). Саркофаг был пуст, в нем лежала только пуговица от мундира.

Я не знаю, кто первый и когда приклеил к императору Александру это прозвище — Сфинкс, неразгаданный до гроба? Я

когда начала писать эту книгу, все негодовала — почему Александр «двуличный византиец, арлекин. Сфинкс» и т. д.? Император мне очень нравился, и я думала, вот гонят на него напраслину: революций он не понял, задуманного не осуществил, крестьян не освободил. Но здесь нет тайны. Не сделал, потому что ему не дали. Те кто его осуждал, первыми и вставляли ему палки в колеса. Есть правда и еще, с моей точи зрения, причина. В свои сорок восемь лет Александр достиг мудрости старца, который всему знает цену… «Все суета сует и томленье духа». Но что касается его ухода из жизни, здесь я согласна: здесь он «Сфинкс, неразгаданный до гроба».

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.

Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

Правда, стихи эти, написанные П. Вяземским в 1868 году, посвящены вовсе не Александру, а Вольтеру.

Послесловие

Вересаев написал книгу «Пушкин в жизни», вернее, составил — в ней только цитаты, отзывы современников, при этом самые противоречивые. В одном отзыве Пушкин гений, а другом — негодяй и бабник. И каждый писал совершенно искренне. Вот и я решила собрать для послесловия некую мозаику из отзывов современников и историков.

«Он очень высок и довольно хорошо сложен, в бедрах особенно, ступни хоть и великоваты, но очень хорошо выточены; волосы светло-каштановые, глаза голубые, не очень большие, но и не маленькие; очень красивые зубы, очаровательный цвет лица, нос прямой, довольно красивый…» (императрица Елизавета Алексеевна в бытность ее невестой).

* * *

«XIX — особое столетие в истории России. С его началом освященные традициями русской жизни, казавшиеся дотоле незыблемыми основы Российского государства подверглись суровым испытаниям… Впервые и перед верховной властью, и перед обществом реально встал вопрос о правомерности неограниченного самовластия и крепостного права. И что примечательно, встал не как отвлеченная проблема (об этом много рассуждали и раньше), а как насущная проблема русской жизни 10 – 20-х годов XIX века». (С. В. Мироненко).

* * *

«Император Александр был щедро награжден природою. Он удивлял других не столько тем, что знал, сколько тем, что угадывал. Ум его был тонкий и гибкий. Все духовные инстинкты его были в высшей степени развиты. Свойства и нрава он был мягкого и кроткого. Он более доискивался любви, нежели доискивался страха. Личного властолюбия в нем немного… Духом он был не робок. Почитали его мнительным, но он не укрывал себя во дворце, как в неприступной твердыне, не окружал себя вооруженными телохранителями. Везде могли встречать его одного, на улице, в саду, за городом, во все часы дня и ночи. Следовательно, за жизнь свою, за себя не боялся».

(П. А. Вяземский).

* * *

Из мемуаров Анны де Пальме, тайного агента Александра I:

«Стремясь находиться подле Е.И.В., в августе того же (1807 года) я сняла на Каменном острове, на берегу Малой Невки, загородный дом г-на Ланского. Однажды, гуляя по лесу Острова, я повстречала государя, ехавшего верхом на лошади; тот приблизился ко мне и сказал, что если возможно, то он вечером того же дня посетит меня инкогнито. «Почему же нет, В.И.В., — отвечала я, — мною будут приняты все необходимые меры». Затем, запретив мне говорить о сем князю, он сказал, чтобы я ожидала его в 8 часов вечера. Хотя все это и напоминало пикантное приключение, но на самом деле о том не могло быть и речи, ибо еще не существовало на свете женщины, нежели я, рожденная лишь для дел серьезных и полезных.

И действительно — визит государя состоялся в назначенный час. Беседа касалась различных политических материй, о коих я уже имела честь докладывать Е.И.В.; и еще раз с почтительностию и искренностию настоящей патриотки и верноподданной русского императора выразила ему свою озабоченность мирным договором и дружбой между нашим добрым и благородным государем и коварным и честолюбивым Наполеоном, для которого не было ничего святого и который смог бы всегда найти поводы для нарушения своих обязательств по отношению к Е.И.В.».

* * *

«У него вошло в привычку иметь о каждой вещи двойное суждение…» (Шильдер).

* * *

«Во всяком случае, мой милый, этот длинный путь есть путь в Индию. До Александра так же далеко, как от Москвы до Ганга; это я говорил еще при Сен-Жан-д'Арке… В настоящее время я должен зайти в тыл Азии со стороны европейской окраины для того, чтобы там настигнуть Англию… Предположите, что Москва взята, Россия сломлена, царь просит мира или умер от какого-нибудь

дворцового заговора; скажите мне, разве не возможно для французской армии и союзников из Тифлиса достигнуть Ганга, где достаточно взмаха французской шпаги, чтобы разрушить во всей Индии это непрочное нагромождение торгашеского величия. То была бы экспедиция гигантская, я согласен, во вкусе XIX века, но выполнимая» (Наполеон — Нарбонну).

* * *

«Вступление императора в Москву не есть еще покорение России» (письмо Кутузова Александру I от 16 сентября 1812 года).

* * *

«Это перенесение войны на территорию Франции было, как известно, следствием настойчивости Александра. Союзники не желали этого. Даже Англия предпочитала сохранить во Франции правительство Наполеона. Но Александр помнил те уроки, какие давал ему в Тильзите Бонапарт.

Александр помнил, что корсиканец открыл ему свое заветное убеждение — для него; Наполеона, царствовать — это значит воевать и завоевывать. Наполеон в качестве мирного монарха невозможен и немыслим. Но у русского императора была иная идея: «Возвратить каждому народу полное и всецелое пользование его правами и его учреждениями, поставить как их всех, так и нас под охрану общего союза, охранить себя и защитить их от честолюбия завоевателей, — таковы суть основания, на которых мы надеемся с божией помощью утвердить эту новую систему. Провидение поставило нас на дорогу, которая прямо ведет к цели. Часть ее мы уже прошли. Та, которая предстоит нам, усеяна большими трудностями. Надобно их устранить»» (Чулков).

* * *

«Самые существенные свойства его — тщеславие и хитрость или притворство; если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину», (французский посол граф Лафероне об Александре).

* * *

«Александр, проезжая Вандомскую площадь, был поражен изяществом монумента, посвященного победам Наполеона, но заметил своим окружающим: «Если бы меня так высоко поставили, у меня закружилась бы голова». Парижская чернь хотела разрушить этот монумент.

Александр велел принять меры против этого и объявил парижанам, что он берет под свое покровительство этот памятник высокого искусства: изображение мира заменит статую Наполеона» («Русская старина»: «Жизнь императоров и их фаворитов»).

* * *

Декабрист И. Д. Якушкин рассказывает в своих записках, как в 1814 году, когда гвардия вернулась в Петербург из похода, он наблюдал торжественный въезд царя. «Наконец, — пишет он, — показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей… Мы им любовались. Но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет. Я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая, однако же, не могла видеть мыши, не бросившись на нее».

* * *

Михайловский-Данилевский, находившийся при государе, записал у себя в дневнике 1816 года: «В десять часов утра его величество гулял по саду и семь раз прошел мимо моих окон. Он казался веселым, и взгляд его выражал кротость и милосердие, но чем более я рассматриваю сего необыкновенного мужа, тем более теряюсь в заключениях. Например, каким образом можно соединить спокойствие души, начертанное теперь на лице его, с известием, которое мне сейчас сообщили, что он велел посадить под караул двух крестьян, которых единственная вина состояла в том, что они подали ему прошение».

* * *

А. П. Керн «Три встречи с императором Александром Павловичем»:

«…необыкновенно робкая, выданная замуж и слишком рано, и слишком неразборчиво, я привезена была в Полтаву. Тут меня привезли на смотр и на бал, где я увидела императора… Он (генерал Керн. — *Авт.)* указал государю на меня и сказал ему, кто я. Император имел обыкновение пропустить несколько пар в польском прежде себя и потом, взяв даму, идти с другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь он со своей обаятельною грациею и неизъяснимою добротою, невозможно ни для какого другого смертного, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили, и робость моя исчезла совершенно. Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила, как с давнишним другом и обожаемым отцом! Он заговорил, и я была на седьмом небе и от ласковых этих речей, и от снисходительности к моим детским понятиям и взглядам!..

— Приезжайте ко мне в Петербург. (разговор шел по-французски. — *Авт.*)

Я с величайшей наивностью сказала, что это невозможно, что мой муж на службе. Он улыбнулся и сказал очень серьезно:

— Он может взять полугодовой отпуск.

На этот раз я так расхрабрилась, что сказала ему:

— Лучше вы приезжайте в Лубны. Лубны — это такая прелесть.

Он опять засмеялся и сказал:

— Приеду, непременно приеду».

* * *

«Ему казались такие вещи, о которых никто и не думал, будто над ним смеются, будто его слушают только для того, чтобы посмеяться над ним, и будто мы делали друг другу знаки, которых он не должен был заметить. Наконец все это доходило до того, что становилось прискорбно видеть подобные слабости в человеке с столь прекрасным сердцем и умом. Я так плакала, когда он высказал мне подобные замечания и упреки, что чуть не задохнулась от слез» (мемуары великой княгиня Александры Федоровны, впоследствии императрицы).

* * *

«Сражение было общее и продолжалось до самой ночи;

потеря с обеих сторон велика; урон неприятельский, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма наш превосходить.

Войска вашего императорского величества сражались с неимоверною храбростью: батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами.

Ваше императорское величество изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и пятнадцать часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться, и за потерею, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно стала обширнее и войскам невместною, а потому когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить шесть верст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталией войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением московским, в теплом уповании на помощь Всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск, увижу я, что могу предпринять противу неприятеля» (Донесение Кутузова Александру после Бородинской битвы).

* * *

«Александр стал вершителем судеб Европы, освободителем ее от власти Наполеона. Когда 13 июля (1814 года. — *Авт.)* он вернулся в Петербург, Сенат, Синод и Государственный совет единогласно просили принять его имя «Благословенного» и разрешить воздвигнуть ему памятник еще при жизни. В последнем Александр отказал, заявив: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моим к вам»» («Россия под скипетром Романовых»).

* * *

«Кроме этих страшных язв войны, этой грубой и явной несправедливости, Александра смущала та ужасная ложь и бесстыдная корысть, которыми обычно руководствовались политики всех рангов и всех национальностей. Весь путь от русской границы до Парижа был страдным путем не только военной борьбы с Бонапартом, но и мучительной борьбы с союзниками и интриганами. Во главе этих интриг стояли

Меттерних и австрийские полководцы. Сколько было из-за них проиграно сражений! Сколько было загублено жизней! Всегда безупречный в личном обращении, владевший собою, как рыцарь, мягкий и ласковый, под конец походов император так был нравственно утомлен, что окружающие не узнавали в нем прежнего Александра. Малейшее противоречие выводило его из себя. Он сделался вспыльчив и нетерпелив. Князь Волконский писал К. Ф. Толлю, что жить с императором все равно как на каторге» (Г. И. Чулков «Императоры»).

* * *

Граф Моле: «В 1815 году Россия защищала, выступая одна против всех, не только интересы, но и само существование Франции. Тому, что Франция осталась Францией, она обязана трем людям, имена которых она никогда не должна забывать: Александр и два его министра — Каподистрия и Поццо ди Борго… Россия рассматривала нас как своего естественного союзника и как лучшую опору в споре с Англией за владычество над миром».

* * *

Гарольд Никольсон: «Из всех монархов Александр считал себя единственным выразителем, единственным сторонником принципов христианского либерализма. Он был слишком неустойчивой личностью, чтобы суметь навязать свою волю. Непостоянство его натуры проявилось так отчетливо, что окружающие уже и не пытались совместить черты отцеубийцы и святого, неврастеника и и героя, самодержца и освободителя, пророка и и сладострастника, обманщика и апостола… Тщеславие, вялость, слабость и какая-то детская тяга к двойственности затуманила его мозг…»

* * *

«Мы душой расстались, кажется, навеки» (Н. М. Карамзин «Дневник. Последняя встреча с царем»).

* * *

Пушкин про Аракчеева: «В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон». Кстати, Чугуево — малая родина великого художника Репина, он так и пишет — родился в военном поселении.

* * *

«Императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища, ему нравилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощения же их в действительность он допускал» (Адам Чарторыйский).

* * *

Во время посещения Лондона он (Александр. — *Авт.*) попросил лорда Грея разработать проект создания политической оппозиции в России. Английский министр улыбнулся — и ничего не сказал, подумав, скорее всего, что это шутка» (А. Валлатон). (Не удержусь добавить, что Александр предложил это 195 лет назад. Сейчас в 2011-м вопрос этот у нас еще не решен. Кто и когда напишет нам этот «проект»? — *Авт.)*.

* * *

В августе 1818 года Меттерних писал в Вену: «Император (Александр) и его кабинет все больше поддаются желанию практиковать моральный и политический прозелитизм. От этого происходят все большие и малые интриги, сбивающие с толку нас и, можно сказать, все правительства; этим же вызвано появление целых туч проповедников и апостолов. Однако нельзя не видеть, что в основе этих происков лежит, может быть, смутное, а может быть, четко оформировавшееся в мозгу императора желание предоставить времени и естественному ходу вещей свершить то, что может служить расширению русского влияния. В этих условиях наше влияние теряет силу…»

* * *

«Надо побывать на моем месте, чтобы составить себе понятие

об ответственности государя и о том, что я испытываю при мысли, что когда-нибудь мне придется дать отчет перед Богом за жизнь каждого из моих солдат. Нет, престол не мое призвание, и если бы я мог с честью изменить условия моей жизни, я бы охотно это сделал…» (С. Шуазель-Гуффье цитирует Александра I).

* * *

«Признаться, иногда я готов биться головой об стену» (Александр I).

* * *

«И хотя теперь все еще здесь спокойно, но за спокойствие сие долго ручаться невозможно… Опасность оказывается в том, что составилось общее в черном народе мнение, что правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение… Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно…» (М. М. Сперанский).

* * *

«…русский император доказал в свою очередь, что у него немалые «дипломатические» таланты. Наполеон даже на острове Св. Елены говорил про него: «Александр умен, приятен, образован. Но ему нельзя доверять. Он неискренен. Это — истинный византиец, тонкий притворщик, хитрец». По словам Шатобриана, «искренний, как человек, Александр был изворотлив, как грек, в области политики». А шведский посол в Париже Лагербиельне говорил, что в политике Александр «тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская».

Когда дело греков было уже проиграно, Александр говорил Шатобриану:

«Я очень рад, что вы, побывав в Вероне, можете быть беспристрастным свидетелем наших действий. Неужели вы думали, как уверяют наши неприятели, что Священный Союз составлен в угоду властолюбию? Это могло бы случиться при прежнем порядке вещей, но в настоящее время станем ли мы заботиться о каких-либо частных выгодах, когда весь

образованный мир подвергается опасности? Теперь уже не может быть политики английской, французской, русской, прусской, австрийской; теперь одна лишь политика общая, которая должна быть принята народами и государями для блага всех и каждого. Я должен первый пребыть верным тем началам, на коих я основал Союз. Представилось испытание — восстание Греции. Ничего не могло быть более выгодного для меня и моего народа, более согласного с общественным мнением России, как религиозная война против турок, но я видел в волнениях Пелопоннеса признаки революции и — удержался…»»

* * *

Быль. 1814 год. Молодой русский полковник влюбился во француженку, истовую католичку. Она ответила на его чувство, а о прочем — до брака ни-ни. Тогда полковник привел девицу в полковую церковь, они встали у аналоя и простояли всю службу до конца. Француженка не понимала ни слова, а полковник (двадцать два года!) сказал, что это и есть венчание по-русски. Дальше горячая любовь, ребенок. Полковник уехал на родину, взял с собой француженку с сыном, дальше пошли дети, жили душа в душу. Полковник уже думал, что пора бы обвенчаться как положено, но стыдно было признаться жене, что он ее обманул.

И вдруг он неожиданно умер. Полковник был богат, набежали наследники — а ты кто такая? Знать тебя не знаем! Француженка стала писать письма во все инстанции. Ситуация была столь необычной, что она везде получала отказ. Дело дошло до государя. Вызвали обер-прокурора, тот только руками развел:

— Ничего нельзя сделать, ваше величество. Церковь здесь бессильна.

— Ах, князь, — сказал Александр, — плохо вы понимаете, что такое православие.

И написал на прошении: «Вменить литургию в венчание. Александр I».

* * *

«…император вдруг перешел к колким шуткам по поводу нежных чувств французского короля к одной придворной даме. «Как, — воскликнул он, — в шестьдесят семь лет у французского короля — любовницы!» — «Ваше величество, — возразила я, — это любовь платоническая». — «Я и этого не допускаю. Мне сорок

пять лет, тогда как королю шестьдесят семь, а я все это бросил» (Шуазель-Гуфье С. «Исторические мемуары об императора Александре и его дворе»).

* * *

П. А. Вяземский: «…Александр в последнее десятилетие уже не был и не мог быть Александром прежних годов. Он прошел школу событий и тяжких испытаний. Либеральные помыслы его и молодые сочувствия болезненно были затронуты и потрясены грубой и беспощадной действительностью. Заграничные революционные движения, домашний бунт Семеновского полка, неурядицы, строптивые замашки Варшавского сейма, на которые еще так недавно он полагал лучшие свои упования, догадки, и более чем догадки о том, что и в России замышляется что-то недоброе; все эти признаки, болезненные симптомы, совокупившиеся в одно целое, не могли не отозваться сильно на впечатлительном уме Александра».

* * *

П. А. Вяземский: «В Александре не могло уже быть прежней бодрости и самонадеянности. Он вынужден был сознаться. Что добро не легко совершается, что в самих людях часто встречается какое-то необдуманное, тупое противодействие, парализующее лучшие помыслы. Лучшие заботы о пользе и благоденствии их… Тяжки должны быть эти разочарования и суровые отрезвления. Александр их испытал и изведал всю их уязвительность и горечь. Строгие судьи… могут, конечно, сказать, что человек с твердой волей, одаренный могуществом духа, должен оставаться всегда выше подобных житейских невзгод и сопротивлений. Может быть. Но мы не чувствуем в себе достаточно силы, чтобы пристать к этим строгим приговорам… Мы можем только сострадать».

* * *

А. А. Корнилов: «Подводя итоги царствования Александра, не мешает остановиться на некоторох фактических и цифровых данных… Несмотря на то что страна… вовсе не нуждалась в расширении территории, что отлично сознавал сам Александр, — в царствование его территориальные приобретения были

громадны… Спасаясь от Персии, добровольно присоединилась к России Грузия… были присоединены киргизские земли между Каспийским и Аральским морями и огромная Акмолинская область… была присоединена Бессарабия… еще раньше была присоединена Финляндия. Наконец, было присоединено Царство Польское».

* * *

С. П. Мельгунов: «Обрисовка отношений Александра к женщинам, имеющая значение для его личной характеристики, требовала бы рассмотрения и его отношений к любимой сестре Екатерине Павловне. В этих доверительных отношениях была доля и нежных чувств, выходящих уже за сферу родственной привязанности. Как по-иному рассматривать те нежные письма, которые Александр писал своей сестре? Что означают, например, такие нежные строки: «Увы, я не могу воспользоваться своим старым правом осыпать ваши ножки самыми нежными поцелуями в вашей спальне в Твери»».

* * *

Пушкин Александру I из Михайловского в Петербург (черновик письма, перевод с французского). Июль 1725 года:

«Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в Тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 году, — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В.

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарования которого невольно внушали мне почтение.

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. — Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого.

Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести.

Великодушный и мягкий образ действий власти глубоко тронул меня и с корнем вырвал смешную клевету. С тех пор, вплоть до самой моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установленный порядок, если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям, все же могу утверждать, что, как в моих писаниях, так и в разговорах, я всегда проявлял уважение к особе вашего величества.

Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушие вашего характера; я сказал вам всю правду с такой откровенностью, которая была бы немыслима по отношению к какому-либо другому монарху.

Ныне я прибегаю к этому великодушию. Здоровье мое было сильно подорвано в мои молодые годы; аневризм сердца требует немедленной операции или продолжительного лечения. Жизнь в Пскове, городе, который мне назначен, не может принести мне никакой помощи. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц или же назначить мне какую-нибудь местность в Европе, где я мог бы позаботиться о своем здоровье».

(Пушкина сослали в Михаловское, но потом позволили проживание в Пскове. Письмо царю Александр Сергеевич не отправил. — *Авт.*)

* * *

Пушкин В. Д. Давыдову, июнь 1823 года, Кишинев — Одесса:

«…Мы видели этих новых Леонидов (греков. — *Авт.)* на улицах Одессы и Кишинева — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представление о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они все сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие. Именно поэтому я негодую,

видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу».

* * *

«…23 сентября 1815 г. Людовик XVIII обратился за поддержкой к царю и, желая его умилостивить, заменил Талейрана, занимавшего посты председателя правительства и министра иностранных дел, герцогом Ришелье, другом Александра I, который был в течение 12 лет губернатором Одессы» (Валлотон А. «Александр I»).

* * *

«Император перестал ходить на костюмированные балы, потому что некоторые не узнанные им маски, которых потом не могли отыскать, отвесили ему очень нелестные комплименты…» (из донесений австрийской полиции).

* * *

«Александр хотел, чтобы каждый человек был свободным, но при условии, что он употребит свою свободу для выполнение только его, Александра, воли» (Адам Чарторыйский).

* * *

«Будучи честолюбивым, обидчивым, злопамятным и эгоистичным, он одного за другим бросал своих друзей детства, за исключением Лагарпа. Он был нерешительным, беспокойным, неуравновешенным, хитрым, одновременно и слабовольным и упрямым, энергичным и слабым — непостоянным до такой степени, что даже подписи его менялись. Великий князь Николай Михайлович утверждал, что двойственность была одной из основных черт характера царя. Однако, несмотря на непостоянство ума и переменчивость настроения, он временами проявлял исключительную щедрость души и абсолютную преданность» (А. Валлотон).

* * *

А вот более поздняя запись после смерти царя: «Я ошибся, благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (с 1819 по 1825 годы. — *Авт.)* мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако же слушал их, хотя им большей частью и не следовал, так что ныне, вместе с Россией оплакивая кончину его, не могу утешать себя мыслию о десятилетней милости и доверенности ко мне столь знаменитого венценосца; ибо милость и доверенность его бесплодны для любезного отечества» (Н. М. Карамзин «Дневник после смерти Александра I»).

* * *

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте…
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

(Пушкин. 19 октября)